

А. СОКОЛОВСКИЙ

Сокровище ВОЛЧЬЕГО ЛОГА

44 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

А. СОКОЛОВСКИЙ

СОКРОВИЩЕ ВОЛЧЬЕГО ПОВЕСТЬ ЛОГА

Издательство
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1966

Кому из наших советских ребят не хотелось бы сделать в жизни необычайное открытие, разгадать удивительную тайну? Только не всякому выпадает такая удача. Чаще всего везет тем, кто сам ищет — упорно, настойчиво, смело.

Герои многих книг Александра Александровича Соколовского — это настоящие, неутомимые искатели. Они не могут усидеть на месте. Их манит поиск. Они готовы отправиться хоть на край света, если надо проникнуть в какую-нибудь тайну. «Идущий вперед — достигает цели!» — вот их девиз.

Александр Александрович и сам немало путешествовал по нашей стране. И не раз, наверно, в этих поездках встречал он тех, кто становился позже героями его книг. Ведь все книги писателя — «Новичок» и «Храбрая Катя», «Таежная речка Акишинка» и «Первый особого назначения», «Дом на улице Овражной» и новая книжка, та, которую ты сейчас раскрыл, — все это результаты поездок автора, его встреч с нашей любознательной, веселой, отважной детворой.

Если ты читал повесть Александра Соколовского «Дом на улице Овражной», то, конечно, будешь рад снова встретиться со старыми добрыми друзьями — Женей Вострецовым и Сережей Кулагиным. На новые поиски отправились они в книге «Сокровище Волчьего логова». Иди же вместе с ними, пусть сопутствует тебе удача!

МЫ ЕДЕМ В ЗАРЕЧЕНСК

Наконец все было собрано и сложено в большой чемодан. Рубашки и полотенца, трусики и майки, тапочки, носки, две пары сатиновых брюк... Были у нас еще теплые курточки: у Женьки — синяя суконная, у меня — коричневая из вельвета. Кроме того, мы сложили в чемодан множество других вещей, которые были нам совершенно необходимы: несколько мотков лески, поплавки, жестянки с рыболовными крючками, компас, фонарик с запасными лампочками и батарейками... Еще были у нас в чемодане листы картона и вата, бутылочка с эфиром и целая куча булавок: мы пообещали преподавательнице биологии Анне

Ивановне непременно привезти из Зареченска коллекцию бабочек.

Зареченск... Не ищите его на карте. Все равно не найдете. Слишком уж мал этот городок, примостившийся не-вдалеке от Пскова. Там всю свою жизнь прожила тетя Даша. Это Женькина тетка — Женьки Вострецова, моего лучшего друга. А еще она доводится родной сестрой Женькиной маме.

Еще весной она прислала Женькиной маме письмо. Там было написано, что тетя Даша приглашает племянника на все лето к себе в гости. Ну, а Женька, понятно, тотчас же объявил, что без меня никуда не поедет.

По этому поводу наши мамы долго совещались. А мы с Женькой переживали, боясь, что они не согласятся отпустить нас одних в такое далекое путешествие. Наверно, они и не отпустили бы, если бы не вмешались папы. Наши папы настояли на том, что мы с Женькой уже взрослые люди и пора нам быть самостоятельными. И мамы согласились.

В классе все, конечно, знали уже, что мы уезжаем далеко-далеко — целых два дня и две ночи пути... Надо ли говорить, что все завидовали нам, хотя многие и не показывали виду. А Олежка Островков даже сказал, что ничего нет особенного в том, что на каникулы люди уезжают в дальние края, — на то и каникулы. Он вспомнил, что прошлым летом Аля Иванова из седьмого «Б» ездила в Артек, на Черное море — вот это поездка! А в Зареченск...

— Обыкновенное дело, — сказал Олежка. — Самые обыкновенные каникулы.

Может быть, он был и прав. Конечно, Зареченск — это не Артек и не Черное море. Но мы с Женькой все равно не могли дожидаться нашего отъезда. Еще бы! Ведь нам предстоял дальний путь в поезде — от предгорий Урала почти до самого Ленинграда. Никогда еще не приходилось нам ездить так далеко, да еще одним, без родителей...

Наконец долгожданный день наступил. С огромным чемоданом мы поехали на вокзал. Кроме чемодана, у нас был рюкзак, набитый едой на дорогу, и мой фотоаппарат «Смена». Я его укладывать не стал, потому что решил снимать в дороге.

Нас провожали мамы. Обе они очень волновались. Волновались и мы. От волнения меня даже немного знобило, как бывает в прохладное летнее утро, если выйдешь на улицу рано-рано. Но про это я ничего не говорил, потому что мама могла подумать, что я заболел.

Поезд стоял у перрона. Контролер в дверях вагона проверил наши билеты. По узкому коридорчику, задевая чемоданом все углы, которые только нам попадались, мы прошли в купе. Места у нас оказались друг над другом — верхнее и нижнее. Я тотчас же залез наверх и уселся, свесив ноги. Неожиданно в дверях появился высокий человек в форме военного моряка, в фуражке с золотыми листочками над козырьком. На погонах — две полоски и звезда. Капитан третьего ранга. Моряк оглядел нас с Женькой, наших мам, все купе и поставил на нижнее сиденье небольшой чемодан.

Следом за моряком вошли еще двое — строгого вида старушка в зеленой шерстяной кофте и очкастый юноша.

— Вот, мама, ваше место, — сказал юноша. — Верхнее, к сожалению. Нижнего не было.

Старушка посмотрела на нас сурово, недовольно покосилась на мои запыленные башмаки и села рядом с Женькой. У нее был такой вид, будто бы она вот-вот сделает какое-нибудь замечание.

Женькина мама сейчас же стала расспрашивать старушку, далеко ли она едет, и, узнав, что до самого Ленинграда, начала просить, чтобы старушка за нами последила. В это время размеренный голос в ящичке громкоговорителя над столиком произнес:

— Граждане пассажиры, до отправления поезда осталось пять минут. Просьба отъезжающим занять свои места, а провожающим выйти из вагона.

Наши мамы заторопились. Моя мама стала обнимать и целовать меня. Я вырвался, потому что было совестно перед моряком.

— Сереженька, — твердила мне мама, — не выходи на станциях. Ни в коем случае... А то отстанешь от поезда. Повтори, что я тебе сказала.

— Ладно, — буркнул я. — Не отстану...

Наконец наши мамы и очкастый юноша вышли из купе. Через минуту мы увидели их за окном на перроне. Моряк

покрутил какую-то ручку на окошке. Верхняя часть рамы поднялась. С платформы в вагон ворвался шум. Это кричали провожающие, словно стараясь перекричать друг друга. А громче всех наши мамы:

— Не простудитесь!.. Не выходите!.. Напишите, как только доедете!..

Вдалеке раздался переливчатый свисток. Вагон осторожно дернулся, словно пробовал, хватит ли у него сил сдвинуться с места, и все — вокзал, перрон, столбы с фонарями и проводами, ларьки, будочки, носильщики — медленно поплыло мимо окна.

Наши мамы и очкастый шли рядом с окном, махая руками. Больше уже ничего не кричали. Потом они стали отставать. Колеса под полом застучали все чаще, все громче. «Идущий вперед — достигнет цели! Идущий вперед — до-стиг-нет це-ли!» Почему-то эта любимая Женкина поговорка чудилась мне в стуке колес.

Давно остался позади город. Потянулись поля. Мы с Женькой сидели, прилипнув к окну. Я никогда не думал, что все, на что в другое время даже не обратишь внимания, из окна вагона поезда кажется удивительным и необычным. Вот внизу речка. Ребятишки купаются, барахтаются в воде. Вот уже речка позади, а перед окнами — лес. Приплясывают березы, елки... Белобокая сорока улепетывает в чащу: наверно, испугалась поезда. Летит, словно по кочкам, — вверх, вниз... А вот домик в лесу. Огород возле домика. Пасется лошадь. Кот сидит на заборе... Снова лес. А за ним — поле. Дорога вьется рядом с поездом. А по дороге трусит лошаденка, запряженная в телегу. Бежит, старается. Только разве ей догнать поезд? Мчится поезд быстро-быстро, гудит от радости. Эх, здорово это — уметь так быстро мчаться!..

Наши мамы могли не беспокоиться. Мы не выходили на станциях. Мы не отрываясь смотрели в окно.

Станции были разные. Иногда огромные вокзалы, даже больше, чем в нашем городе. Иногда крошечные станции — полустаночки. На больших, шумных вокзалах пассажиры толпами спешили в ресторан или в буфет, хотя в поезде был специальный вагон-ресторан. Они обступали ларьки на платформе, размахивая руками, пробивались к окошечку, за которым метался продавец.

На маленьких станциях пассажиры выскакивали из вагонов и мчались к дощатым навесам, под которыми чинно стояли старушки. Перед ними на прилавке из темных досок стояли миски с вареными яйцами, лежали горки соленых огурцов, пирожки, жареные куры... Да чего там только не было! На одном полустанке по платформе ходил тощий старичок в большом картузе и резиновых сапогах, с ведром в руке.

— А вот раки! — кричал он тоненьким голоском. — Вареные раки!

Пассажиры обступили его так тесно, словно никто ни минуты не мог прожить без вареных раков. Какой-то толстяк в пижамных брюках и клетчатой рубашке, которого оттиснули назад, все прыгал, стараясь пробиться сквозь толпу. Но это ему удалось, когда ведро уже опустело. Расстроенный, взволнованный, сам красный, как вареный рак, толстяк укорял старичка:

— Ты что же так мало наловил?

Старичок почесывал щетинистый подбородок.

— А ты попробуй сам полови. Они небось щиплются.

Звякнул колокол, раздался протяжный гудок паровоза, и толстяк, пыхтя, словно паровоз, побежал к своему вагону.

К вечеру, когда мы оторвались, наконец, от окошка, у меня кружилась голова и рябило в глазах. Женька сказал, что и у него тоже все кружится.

Моряка в купе не было. Мы не заметили, как он ушел. Старушка сидела на нижней полке подо мной и вязала. Я вдруг почувствовал страшный голод. Еще бы! Поезд отошел от вокзала нашего города в два часа дня, а сейчас было уже, наверно, десять. И, словно угадав мои мысли, Женька сказал:

— Серега, доставай сумку.

— Наконец-то, — проговорила старушка. — Нельзя же все время смотреть в окно.

Я достал сетку с едой и спустился вниз. В это время к нам заглянула проводница.

— Чаю кто желает?

Я очень желал чаю. Я желал хлеба, котлет и вообще всего, что можно есть, и начал торопливо доставать из сумки пирожки, яблоки, булки, крутые яйца. Мы съели все

это, разделив поровну, запивая чаем и закусывая конфетами.

Вернулся моряк. Он сказал, что в соседнем вагоне едут его товарищи и он уговорил одного симпатичного пассажира поменяться с ним местами.

Проводница стала разносить постели. И тут вдруг Женька предложил нашей старушке тоже поменяться с ней полками.

— Вам удобнее будет внизу, — сказал он смущенно, — а мне легче наверх взбираться.

— Спасибо, деточка, — улыбнулась старушка. — Спасибо...

А моряк сказал, похлопав Женьку по плечу:

— Молодец, пионер.

За окном уже было совсем темно. Во тьме я видел желтый квадрат, который прыгал рядом с вагоном. Это был свет из нашего окошка. Вдали порой мерцали огоньки далекой деревушки. Старушка стала стелить постель.

Мне не хотелось спать. Я взглянул на Женьку и понял, что ему тоже не хочется. Однако старушка сказала, что нам пора ложиться, и мы полезли наверх. Она погасила лампу на столике. Стало темно.

Некоторое время я лежал молча. Потом тихо спросил:

— Жень, тебе хочется спать?

— Нет, — ответил Женька.

Старушка внизу недовольно заворочалась. Тогда я придумал замечательную вещь. Я тихонько поднялся, встал на колени, нащупал наш чемодан — он лежал в специальном багажном углублении чуть повыше наших полок, ощупью раскрыл его и, пошарив, нашел фонарик. Закрыв чемодан снова, я перебрался с фонариком на Женькину полку.

Мы устроились вдвоем под одним одеялом, накрывшись с головой, и я зажег фонарь. Его свет из-под одеяла никому не мог помешать. Но у нас на полке сразу стало светло и уютно, как в небольшой пещере.

— А здорово, Женька, ехать, — сказал я. — Правда?

— Здорово, — согласился он.

— Я бы всю жизнь вот так ехал, ехал... Далеко-далеко!..

— А куда?

Я подумал и сказал:

— Все равно куда. Лишь бы ехать. Я, Жень, наверно, когда вырасту, путешественником стану. Не поверишь, как услышу — паровоз гудит, так и сердце замирает. Будто тот гудок меня куда-то зовет. Гудит, гудит, зовет...

— Я тоже ездить люблю, — признался Женька. — Только, Серега, чтобы путешественником быть, надо знать, куда ехать. Вот Амундсен, например, всю жизнь стремился к полюсу. А Миклухо-Маклай изучал Новую Гвинею...

— И я бы тоже... полюс открыл, — прервал я его. — Только ведь, Жень, все уже открыто. Никаких загадок в мире не осталось. Мы вырастем — уж, наверно, и Марс, и Венеру, и Юпитер откроют.

— Вот и неправда, — сердито сказал Женька. — Тайн еще много. Юпитер откроют — на Солнце полететь можно. Ну, не на Солнце, конечно, а на какие-нибудь далекие планеты. Да и на Земле... Ты думаешь, нечего открывать? Еще как много-то! Такие есть загадки, что ахнешь... Вот, например: из чего состоит земное ядро? Ученые только всякие догадки строят. То ли оно пустое, то ли там атомный распад... А ты говоришь — Венера!..

Так, тихо разговаривая, мы незаметно уснули, рядом, на верхней полке вагона, с зажженным фонариком, который я крепко сжимал в руке.

ВЕСЕЛЫЙ ПОПУТЧИК

Я проснулся, когда было уже светло. На голубых стенах качались солнечные зайчики. Я растолкал Женьку. Он открыл глаза и уставился на меня с сонным изумлением. Должно быть, не понимал, почему мы лежим рядом, под одним одеялом.

Свесив голову, я посмотрел вниз. Старушки не было, хотя ее зеленая кофточка висела на крючке у двери. А на той полке, которую вчера занимал моряк, сидел за столиком какой-то рыжеусый дядя и ел крутые яйца, запивая их чаем. Он посмотрел на меня и весело подмигнул.

— С добрым утром! Ну и горазд ты спать!

Из-за моего плеча выглянул Женька. Дядя так удивил-

ся, что перестал жевать. Усы его встопорщились, как у кота.

— Эге! Да вас там, должно быть, целый детский сад. Еще кто-нибудь есть?

— Нет, нас только двое, — ответил я.

— Ну, тогда слезайте! — добродушно скомандовал уса-тый. — Трубите в трубы, бейте в барабаны, марш умывать-ся и — за стол!

Мы проворно прыгнули с полки и побежали умывать-ся. В коридоре повстречали нашу старушку. Она шла в купе с полотенцем, мыльницей и зубной щеткой в руках.

— Доброе утро, — вежливо поздоровался Женька.

И я тоже торопливо поклонился:

— Доброе утро...

Когда, умывшись, мы вернулись к себе, на столике уже стояли три стакана с чаем. Я достал нашу похудевшую сумку.

Пока мы завтракали, наш новый сосед объяснил, что это он поменялся местами с моряком..

— У него там друзья, надо ведь посочувствовать человеку. — Он подмигнул. — А может, капитан от вас сбежал, а? Шумели не-бось?

— И совсем даже не шумели, — обиделся Женька. — Мы вчера весь день в окно смотре-ли.

— Тоже хорошее за-нятие, — кивнул уса-тый.

— Очень примерные мальчики, — сказала старушка.

— Куда же вы еде-те? — спросил уса-тый.

— В Зареченск, — ответил я.

— Вот как! В Заре-ченск? Да ведь и я тоже зареченский.

— Там моя тетка живет, — объяснил Женька. — Веточкина Дарья Петровна.

— Дарья Петровна! — воскликнул сосед. — Прекрасная женщина! Выдающейся души человек! Так ты, стало быть, ее племянник? Вот уж не ожидал, что попаду в такую компанию! Я ведь Дарью-то Петровну с детских лет знаю. Коренные мы с ней зареченцы. Только в войну разминулись. Она на восток уехала, эвакуировалась. А я партизаном был. В наших же, в зареченских лесах...

— Партизаном! — вырвалось у меня.

С каждой минутой этот жизнерадостный усатый дядя нравился мне все больше и больше. А то, что он, оказывается, был во время войны партизаном, окончательно покорило меня.

У Женьки тоже сразу загорелись глаза.

— Вы воевали? В партизанском отряде?

— Все было, все было, — ответил усатый. — Воевал, немцев бил...

Видно было, что ему не хочется рассказывать о своей партизанской жизни. Я подумал, что это из скромности. Зато еще долго Афанасий Гаврилович — так звали нашего нового знакомого — восхищался тем, что Женька оказался племянником тети Даши, и говорил, какая это замечательная женщина.

В этот день нам некогда было смотреть в окно. Афанасий Гаврилович оказался на редкость веселым человеком. Он без конца нас смешил — шутил, рассказывал разные веселые истории, даже показывал фокусы: то комочек бумаги исчезал у него из руки, то пустая бутылка от сидра послушно стояла на краю столика, каким-то чудом удерживаясь в наклонном положении. А на больших станциях он выходил и, возвращаясь, приносил полные пакеты закусок, пряников и конфет.

Хлеб он резал большим, очень острым ножом, который вынимал из кожаного футляра. По-моему, этот нож с полированной рукояткой мог без труда рассечь толстую деревянную палку. В его рукоятку были вделаны две медные буквы — «G» и «R».

— У пленного фрица взял, — сказал Афанасий Гаврилович, протягивая нож, чтобы мы получше его рассмотрели.

Женька потрогал острый кончик и спросил:

— А буквы? Что это означает — «Г» и «Р».

— Наверно, так того фашиста звали. Ганс какой-нибудь, — ответил наш удивительный попутчик.

Однако о своих партизанских подвигах Афанасий Гаврилович так ничего нам и не рассказал. Женька несколько раз, будто бы невзначай, пытался навести его на разговор о партизанах. Но тот только отшучивался.

К Зареченску мы подъезжали на следующий день рано утром. Я проснулся от звонкого голоса проводницы:

— Кто выходит в Зареченске — приготовиться, граждане пассажиры.

Я быстро оделся и прыгнул с полки. Женька не отстал от меня. Афанасий Гаврилович взял полотенце и ушел умываться.

Двое суток пути были позади. Мы подъезжаем к Зареченску. За окном зелеными волнами перекатывались холмы, поросшие лесом, вились узенькие речушки, через которые наш поезд перепрыгивал так легко, словно над ними не было никаких мостов. Кое-где зеленели болотные топи, голубели крохотные озерки.

Проводница принесла чай. Но нам с Женькой не хотелось ни есть, ни пить. Мы прильнули к окну.

Вернулся Афанасий Гаврилович — посвежевший, с влажными висками, с полотенцем через плечо.

— Ну, други, вот и кончается ваше путешествие, — весело сказал он. — Сейчас увидите наш тихий Зареченск. Между прочим, я бы и городом его не называл. Так — большая деревенька. Но чего у нас с избытком, так это тишины. Благодать! Отдых — лучше не придумаешь. Спокойствие и благоухание. Недаром сюда к нам из больших городов люди приезжают как на дачу. И у твоей тетушки, Евгений, у Дарьи Петровны, старичок из Ленинграда третий год на лето верхний этаж снимает. Симпатичный такой старичок. С палочкой ходит. Книжки с собой привозит. Видать, ученый человек. Ну, для научной работы, конечно, тишина совершенно необходима.

Поезд загрохотал по мосту. Зажатая с двух сторон обрывистыми лесистыми склонами, внизу за окном мелькнула река. Я вспомнил про наши рыболовные снасти и спросил:

— А речка у вас хорошая?
— Да вот она, речка, — кивнул Афанасий Гаврилович. — Неглубокая она, утонуть — не утонете.
— Мы и не боимся утонуть, — сказал с обидой Женька.
— Интересно, можно ли в ней рыбу ловить? — спросил я.

— Рыбу? Отчего же, можно. Вот такусенькие рыбешки водятся. — Афанасий Гаврилович показал нам свой мизинец. — Зато в лесах озера есть. Там караси... Во — караси! Акулы! Киты! Кашалоты!.. Мальчишкой я все те места облазил. Это мне после пригодилось в моей партизанской жизни — каждую тропочку, каждый перелесок знал как свои пять пальцев.

Едва он заговорил о том, как партизанил когда-то во время войны, я сразу насторожился. И у Женьки загорелись глаза. Но Афанасий Гаврилович тотчас же умолк и стал смотреть в окно. Мне вдруг пришла в голову замечательная мысль — сфотографировать его на память. Тем более что я еще не сделал ни одного снимка.

Наш попутчик не возражал. Я несколько раз щелкнул затвором. Свет из окошка падал хорошо — снимок должен был получиться удачным.

Поезд замедлил ход. Афанасий Гаврилович поднял тяжелую доску скамьи и вытащил из углубления под ней большущий чемоданище, куда больше нашего. Под сиденьем, рядом со столиком, оказалась еще его корзинка, тоже довольно большая. Она была пуста, и ее плетеное дно было выпачкано чем-то красным. Я подумал, что это ягодный сок, и удивился, как это можно с такой большой корзиной ходить в лес за ягодами.

Поезд шел все медленнее. Мелькнул полосатый шлагбаум. За ним вдоль шоссе вытянулся ряд автомобилей. Машины в изумлении глядели на поезд выпученными фарами. Вдалеке, почти у самой кромки синеватого леса пестрели маленькие домики. Они были разбросаны по холмам и словно играли с нами в прятки, то появляясь, то исчезая среди густой зелени садов.

— Вот и Зареченск, — сказал Афанасий Гаврилович.

Мы стали прощаться со старушкой — нашей соседкой по купе. Я приготовился тащить к выходу наш чемодан. Женька было схватился за ручку чемоданища Афанасия

Гавриловича, но только закричал — чемоданище был тяжел.

Поезд дернулся и остановился. Я стащил наш чемодан с подножки на платформу и огляделся. Из вагонов выходили пассажиры. С чемоданами, с корзинками, с сумками и узлами. У ларьков уже росли толпы. На перроне под ногами сустились воробы и деловито ходили голуби.

За моей спиной вдруг раздались звуки поцелуев.

— Женечка, роденький!.. Большой-то какой стал! Не узнаю! А я тебя видела вот таким клопом... Товарищ-то твой где?

Значит, эта высокая полная женщина, которая тискает Женьку в объятиях, и есть тетя Даша! Я заметил, что она похожа на Женькину маму. Только чуть постарше.

— Иди сюда, Серега, — позвал меня Женька. — Вот он, мой товарищ.

Женькина тетка набросилась на меня и тоже стала обнимать.

Афанасий Гаврилович стоял в сторонке и растроганно улыбался. А тетя Даша как будто его и не замечала. Когда Дарья Петровна вдоволь нас нацеловала и наобнимала, он поднял наш чемодан.

— Не опоздать бы на автобус. Я вам подсоблю. Мне два чемодана нести сподручнее, для равновесия. Ух ты, какой тяжелый! Ну, идемте, идемте. А ты, Сергей, мою корзинку понеси.

С двумя чемоданами Афанасий Гаврилович зашагал по платформе к выходу. Я схватил его корзинку, и мы втроем поспешили за ним. Раздался протяжный гудок паровоза, словно поезд прощался с нами. Лязгнули сцепления. Вагоны медленно поплыли вдоль перрона.

ИВАН КУЗЬМИЧ

Оказалось, что от вокзала до города надо ехать минут двадцать. Автобус, маленький и старый, стоял на площади перед вокзалом, возле скверика с чахлыми, пыльными деревьями. Народу в машину натолкалось уже много.

— А ну, потеснитесь, народы! — грозно закричал Афа-

насий Гаврилович. — Эй, бабка, чего расселась с уздами? А ты, новобранец, не видишь, что ли, — пополнение при-было?

Гаркая на неповоротливых пассажиров, расталкивая их чемоданами, Афанасий Гаврилович освободил проход, и мы кое-как втиснулись. После нас каким-то чудом влезли еще несколько человек. Захлопнулась дверка, и автобус медленно пополз прочь от вокзала.

Дорога, извиваясь, бежала полями. Белесый овес сме-нялся желтой, уже поспевающей рожью. Домики вдали на холмах появлялись то справа, то слева, то впереди. В том месте, где шоссе было обнесено по краям низенькими бе-леными столбиками и круто забирало вверх, я увидел в стороне памятник, окруженный железной посеребренной оградой. На постаменте была изображена фигура сидящего летчика в комбинезоне. Рядом с ним неподвижно замер мальчик с моделью планера в руке. Наклонившись, летчик показывал мальчику, как пикирует самолет. Я угадал это по застывшему в камне движению его руки с вытянутой и немного наклоненной вниз ладонью. Мальчик стоял и задумчиво смотрел вдаль, в синее небо, где летали стреми-тельные ласточки. Он смотрел и, наверно, слушал, что говорит летчик.

Все подножье памятника было засыпано полевыми цве-тами. На груди летчика алел и трепетал от ветра шелковый пионерский галстук.

— Кому этот памятник? — спросил я.

— Летчик разбился во время войны, — ответил Афанасий Гаврилович, пожав плечами. — Давно тут стоит...

— А цветы кто носит?

— Ребятишки, должно быть.

Галстук горел на груди каменного летчика живым алым огоньком. И мальчик все смотрел вдаль задумчиво и не-много сурово. Автобус натруженно ревел, взбираясь в гору. Шоссе полукругом огибало памятник. Он медленно поворо-чивался к нам боком. И мне почудилось, будто летчик вдруг шевельнул каменной рукой, а мальчик чуть накло-нил голову, словно стал слушать еще внимательнее.

Автобус, наконец, преодолел подъем. Памятник скрылся за поворотом. Домики теперь были совсем близко. Потом

колеса запрыгали по булыжной мостовой. Мы въехали в город.

По обеим сторонам узкой улочки теснились каменные и деревянные домики в один-два этажа. Возле тротуаров бродили куры и гуси. У забора в тени лежала пятнистая свинья. Автобус, как лошадь, фыркнул и остановился.

— С приездом! — весело воскликнул Афанасий Гаврилович.

Мы вышли из автобуса. Афанасий Гаврилович стал с нами прощаться:

— Ну, молодые люди, милости прошу ко мне в гости. На чаек. С клубничным вареньем. Клубничка у меня своя. Особая. Свеженькой тоже угощу. Урожай в нынешнем году небывалый. Счастливо отдохнуть. Счастливо и вам, Дарья Петровна.

— До свиданья, — почему-то очень неприветливо ответила тетя Даша.

Дом, где предстояло нам жить, прятался в зарослях отцветшей сирени. Он был одноэтажный, с небольшой надстройкой вроде чердака. Мы вошли в узкую калитку. Белые куры с тревожным кудахтаньем разлетелись в разные стороны.

— Входите, входите, — приговаривала тетя Даша, поднимаясь на крыльцо. — Комната для вас уже приготовлена. Ждет не дождется.

В домике было чисто и уютно. Мы попали сперва в большую комнату, посреди которой стоял круглый стол. Был там еще комод, старый косолапый буфет, этажерка с книгами. Но все это, показалось мне, пряталось в полутьме — так много было на окнах разной растительности. Наверно, тетя Даша любила цветы. Цветы стояли на подоконниках в горшках, на подставках и прямо на полу по углам.

Через эту комнату тетя Даша повела нас за собою в другую — эта была маленькая, с двумя кроватями, столиком, несколькими стульями и шкафиком. На окнах тоже были растения в горшках — примулы, гортензии, столетник...

— Ух! — сказал Женька и повалился на кровать.

— Женья, Женья! — воскликнула тетя Даша. — Грязный, с ногами — на чистую постель!..

Голос ее звучал резко, даже грозно, но вместе с тем и ласково. Я поневоле вспомнил, как неприветлива была она с Афанасием Гавриловичем. Наверно, недолюбливала. А за что?

Тетя Даша повела нас умываться. И когда спустя полчаса умытые, причесанные, в чистых рубашках, будто с картинки, мы вышли в большую комнату — столовую, там уже все было готово к завтраку: стояли вазочки с вареньем, большие блюда с румяными пирожками, пышками и крендельками, обсыпанными сахаром. Мне сразу же мучительно захотелось есть. Женька тоже проглатывал слюнки. А тетя Даша вошла, торжественно неся огромную сковороду с яичницей.

Мы еще не кончили завтракать, как за дверь, что вела в сени, раздались шаркающие шаги, какое-то постукивание, и в комнату вошел небольшой седенький человек с толстой палкой в руке. На нем был серый парусиновый костюм и на голове соломенная шляпа. Он точь-в-точь походил на тех чудаковатых старичков ученых, которых показывают в кино. Даже седая, клинышком, борода была такая же, как у них. Я тотчас же угадал, что это и есть жилец из Ленинграда, который снимает у тети Даши верхний этаж.

— С добрым утром, — сказал старичок приятным негромким голосом, чуть картавя, и поглядел на нас зоркими глазками из-под лохматых седых бровей. — С добрым утром и благополучным приездом. Надеюсь, все обошлось хорошо? — Он вопросительно взглянул на тетю Дашу.

— Да, все хорошо, Иван Кузьмич, — ответила тетя Даша. — Доехали, как видите. И встретила я их...

Иван Кузьмич оперся на свою палку, зажал бородку в кулаке и стал пристально разглядывать то меня, то Женьку.

— Позвольте, позвольте... — приговаривал он. — Сейчас я угадаю... — И вдруг резко выбросил руку вперед, показав на меня. — Это!

Я даже испугался.

— Это! — торжественно повторил Иван Кузьмич. — Конечно, этот милый круглолицый и голубоглазый юноша — ваш племянник, Дарья Петровна.

Тетя Даша засмеялась.

— Нет, Иван Кузьмич, мимо. Не этот круглолицый и голубоглазый, а как раз вот этот — худощавый и с карими глазами.

Иван Кузьмич поднял руки, словно сдавался.

— Ну, знаете, не угадал. Не угадал... А ведь как раз голубоглазый чем-то похож на вас. Впрочем, и этот тоже похож, — добавил он, разглядывая Женьку.

— Садитесь-ка, Иван Кузьмич, лучше с нами чай пить, — пригласила тетя Даша.

Со старичком она разговаривала совсем не так, как давеча с Афанасием Гавриловичем. Голос ее был ласков, и она улыбалась.

От чая Иван Кузьмич отказался. Он сказал, что у него привычка только пить молоко и есть сухарики.

— Так лучше работается, на голодный желудок, — объяснил он. — Это заметил даже Достоевский. А ему лучше было знать. Он своих «Бедных людей» писал, живя впроголодь, на чердаке.

Тетя Даша засмеялась.

— И вы тоже — на чердаке да впроголодь.

Старичок развел руками.

— Увы, это еще не делает меня Достоевским.

Иван Кузьмич кивнул нам головой, погладил как бы в задумчивости клинышек седой бородки и скрылся, постариковски шаркая ногами. Из большой комнаты левая дверь вела, наверно, к нему навстречу.

— Жилец мой, — сказала тетя Даша, когда он ушел. — Третье лето приезжает. Ученый...

— Мы знаем, — ответил Женька. — Из Ленинграда.

— Верно, — сказала тетя Даша. — Откуда же вы знаете?

— Нам Афанасий Гаврилович говорил.

— А, этот... — произнесла тетя Даша, и лицо ее поскуcnело.

После завтрака мы принялись разбирать чемодан. Все вещи решили положить в шкафчик, а мелочь — фонарик, батарейки, пленки для фотоаппарата, лески и прочее — оставить в чемодане, чтобы у всех предметов были свои места. Женька сидел на корточках и вынимал из чемодана белье, а я носил его к шкафу и раскладывал по полкам.

— Женька, — сказал я, — что-то твоя тетка вроде этого Афанасия Гавриловича недолюбливает.

— Да, я тоже заметил, — кивнул Женька.

— А с чего бы это, как ты думаешь?

— Кто его знает. Одному человеку, бывает, кто-нибудь нравится, другому нет. — Женька достал из чемодана кипу рубашек. — На, положи.

Я взял рубашки и понес их к шкафу.

— Вот, к примеру, ты, — говорил Женька, роясь в чемодане. — Тебе Лешка Веревкин друг-приятель. А мне он не нравится вовсе. Потому что болтун. И хвастаться любит...

— Да ведь то Алешка. Афанасий Гаврилович не болтун. Помнишь, как он в поезде?.. Про то, как партизаном был, ни слова. А мог бы знаешь сколько нахвастать!..

— Дурной ты, Серега. — Женька усмехнулся. — По-разному ведь могут не нравиться люди. Может быть, они с тетей Дашей когда-нибудь поссорились. Вот она и дуется до сих пор. Всякое может быть. На вот, повесь в шкаф брюки.

ДОМ ЗА ВЫСОКИМ ЗАБОРОМ

Дарья Петровна жила одиноко. Ее муж погиб на фронте под Одессой. Тогда еще, узнав о своем несчастье, тетя Даша тяжело заболела. Не знаю, какая была у нее болезнь, но стала она получать пенсию по инвалидности. На эту пенсию она и жила. В хозяйстве ее выручал маленький огородик, который был тут же возле дома. Она сама сажала там разные овощи. Грядки были крошечные — каждая метра полтора в длину. Но тете Даше хватало и картошки, и помидоров, и огурцов.

В городе многие хозяева сдавали на лето комнаты приезжим. Но тетя Даша не сдавала. И с Ивана Кузьмича денег не брала. Просто понравился ей человек, «пришелся по душе», как она сама говорила, — вот и пустила в дом.

Иван Кузьмич тоже был одинок. И у него семья погибла. В Ленинграде, во время блокады. Наверно, тетя Даша его жалела.

Детей у тети Даши не было. Видно, оттого она очень любила чужих. О нас с Женькой она заботилась просто как о родных сыновьях. Ну, правда, Женька и был ей родным. Хоть не сыном, а все равно — племянником. Но я никогда не чувствовал, что Дарья Петровна относится ко мне хоть чуточку хуже, чем к нему.

Иван Кузьмич с нами тоже был приветлив. Но мы видели его редко. Он целыми днями просиживал у себя наверху, куда мы с Женькой не поднимались. Возможно, он и выходил гулять. Но мы с самого утра убегали из дому, возвращались к обеду и снова мчались на холмы, к реке, в перелесок, за город...

Женька на другой же день после нашего приезда записался в городскую библиотеку и взял там толстый том Брема «Жизнь животных» в коричневом переплете. Это был второй том — «Членистоногие». На толстом переплете был вытиснен кузнечик. В книге оказалось множество картинок — бабочки, жуки, мухи, пауки... Разглядывая их, я сразу же наткнулся на изображение страшного громадного мохнатого паука. Паук терзал птичку. Клюв у птички был раскрыт. Внизу под картинкой я прочел подпись:

«Паук-птицеед». Потом что-то не по-русски и еще: «наст. вел.». Это означало — «настоящая величина».

Паучище был величиной с мою ладонь. Я сказал Женьке, что, если он поймает такого паука, тот его самого слопает. Женька засмеялся и объяснил, что такие пауки водятся только в тропиках, в Южной Америке, на Больших Зондских островах, на Новой Гвинее и где-то еще.

— А у нас в средней полосе, — сказал Женька, — из всех ядовитых пауков можно встретить только тарантула.

Он показал мне тарантула на картинке. Тоже — спасибо — страшилище! Не хотелось бы мне такой встречи. Но, конечно, я не боялся, что меня укусит тарантул или какой-нибудь кара-курт. Просто у меня не лежала душа к такому делу, как ловля бабочек. Но уж раз мы вызвались привезти в школу коллекцию, то отступаться было нельзя. Хоть чем-нибудь, а я должен был помочь Женьке.

— Давай, Женька, — предложил я, — мы будем так: ты станешь ловить, а я накалывать на булавки и подписывать. — И, вспомнив Женькину страсть к разного рода примерам, я добавил: — Помнишь, в книге «Двадцать тысяч лье под водой» у профессора Аронакса был слуга Консель? Он все всегда классифицировал. Всех морских животных и рыб... Вот и я тоже буду. Классифицировать.

Слова мои попали в самую точку. Женьке такой пример очень понравился, и он согласился. Я стал классификатором вроде Конселя.

В магазине Женька купил желтый марлевый сачок на длинной палке и целыми днями гонялся с ним за бабочками и мотыльками на холмах. Первые два или три дня я очень терпеливо накалывал их на булавки и делал под ними подписи. Я решил, что если уж быть классификатором, то самым настоящим, и записывал под каждой бабочкой не только русское, но и латинское название. В книге такие латинские научные названия были напечатаны под всеми рисунками. Вскоре я так наострился, что стал даже запоминать эти названия. Вообще память у меня хорошая.

Но на третий день у меня в глазах зарябило от латинских названий. Я решил, что лучше не таскать с собой каждый раз в поле такую громадную книжищу, как этот том Брема, а оставлять ее дома и потом вечером разбирать пойманных мотыльков. И я стал брать с собою «Записки

о Шерлоке Холмсе». Эту книгу я отыскал на этажерке у тети Даши. Я начал читать ее и с первой страницы не мог оторваться. И пока Женька носился по холмам, размахивая сачком с такой яростью, словно вздумал разогнать всех бабочек в округе, я устраивался где-нибудь в тени и раскрыл «Шерлока Холмса».

Так все и шло. С утра мы завтракали и убегали за город. Перед обедом купались в речке. После обеда снова бежали на холмы. Пробовали мы и удить. Но, видно, рыбы в этой речке не было никакой. А к тем лесным озерам, о которых говорил Афанасий Гаврилович, мы пока идти не решались. Да и некогда было: Женька очень уж увлекся членистоногими. Его мечтой стало поймать «*acherontia atropos*». А если не по-научному, то бабочку-бразника «мертвая голова». Я видел ее на картинке. Это была большая бабочка. На ее спинке белело пятнышко, напоминающее человеческий череп.

Только за первые два дня Женька наловил столько бабочек, что их просто некуда было девать. Правда, попадались все больше одинаковые экземпляры. Крапивницы с красноватыми крылышками, луговые желтушки, капустницы... Но Женька не унывал и не вешал носа. Он был убежден, что непременно поймает «*acherontia atropos*».

Однажды на улице мы совершенно неожиданно встретили Афанасия Гавриловича.

— А, соседи! — обрадованно воскликнул он, увидев нас. — Нехорошо, нехорошо! Их в гости приглашают, а они загордились. Это что же получается, добрые люди?

— Неудобно было, Афанасий Гаврилович, — пробормотал Женька. — Мы думали, помешаем...

— Неудобно, братец, штаны через голову надевать, — сказал Афанасий Гаврилович. — Если звал — значит, надо зайти. Давайте-ка не откладывая — прямо сегодня.

— Спасибо, Афанасий Гаврилович. Если вы правда зовете...

— Конечно, зову! Лучшей клубнички для вас соберу на грядках.

Он простился, взяв с нас твердое слово, что сегодня же, часов в шесть, мы к нему придем.

Ровно в шесть мы отправились к Афанасию Гавриловичу.

Дом, где он жил, был окружен высоким забором. Едва мы постучали, за калиткой раздался такой злобный хриплый лай, что у меня мурашки побежали по спине. Судя по голосу, собака за оградой была ничуть не меньше баскервильской.

Калитку отворил сам Афанасий Гаврилович.

— А-а! Входите, входите. Да не бойтесь — она на цепи. Цыц, Пальма!

Огромная овчарка лаяла и гремела цепью все время, пока мы шли по усыпанной песком дорожке к дому с террасой в глубине густого сада.

— Сюда, сюда, — приговаривал Афанасий Гаврилович, пропуская нас перед собою на крыльцо. — Милости прошу. Дорогим гостям всегда почет и уваженье.

Мне было неловко. Он почему-то принимал нас так, словно мы и в самом деле были для него самыми что ни на есть дорогими гостями.

Когда из прихожей мы вошли в большую комнату, мимо нас к двери прошмыгнула какая-то старуха.

— Гостей встречай, Марья Филипповна! — крикнул ей хозяин.

Старуха обернулась и от двери оглядела нас крохотными, бесцветными и очень злыми глазками. Ничего не ответив, она скрылась за дверью.

— Родственница моя дальняя, — объяснил Афанасий Гаврилович. — Глуховата. И вообще — не того немного... — Он постучал пальцем себе по лбу. — Но вообще женщина чуткая и сердечная. Вы тут посидите, — заторопился он вдруг куда-то, — а я сейчас... мигом...

Мы остались одни посреди комнаты, не зная, что нам делать. Мне вдруг захотелось уйти. Женька, переступая с ноги на ногу, оглядывал стены. В комнате было очень много вещей — диван, стол, стулья, буфет, несколько фарфоровых статуэток, изображавших каких-то танцующих девушек. На столе лежал в кожаном чехле нож с буквами «G» и «R» на рукоятке. По стенам висели картины в крапчатых — золоченых и коричневых рамах. Был тут и портрет самого Афанасия Гавриловича. Афанасий Гаврилович был молодой, бравый, усы лихо закручены кверху. На голове — кубанка.

Пока мы озирались по сторонам, не зная, что делать,

вернулся Афанасий Гаврилович. Он нес большое блюдо, наполненное клубникой. Ах, что это была за клубника! Таких огромных ягод я никогда не видывал. Следом за Афанасием Гавриловичем вползла старуха. Она несла две миски, наполненные крыжовником и черной смородиной.

— Вот и угощение, — сказал Афанасий Гаврилович. — Да что же вы стоите! Присаживайтесь вот сюда, к столу. Сейчас чайку попьем. Как у нас по-русски водится — сначала угощение, а после разговоры. А вы знаете, откуда на Руси такой обычай — гостей сразу за стол сажать?

Мы не знали.

— Вот то-то и оно-то, — говорил Афанасий Гаврилович. — Англичанин или там француз сперва гостей беседой занимает, а после уж скромное угощение. А у нас, русских, первое дело — поест с дороги. Потому что просторна Россия. Издавна — от села к селу верст по сто. Гость в дороге проголодается. Вот и надо его прежде всего покормить. А за границей какие расстояния? Из одной деревни небось другую видать...

Он рассказывал, ловко расставляя на столе посуду. Появились перед нами ваза с конфетами, с печеньем, пряники, хлеб, масло, два чайника: большой эмалированный и маленький — заварной.

Сказать по правде, мне не хотелось чаю. Но ягоды оказались такие сладкие, что я, сам того не замечая, стал упивать их за обе щеки.

Старуха ушла и больше не появлялась. Это меня успокаивало. А потом я и вовсе о ней забыл. Уж очень радушно угощал нас Афанасий Гаврилович.

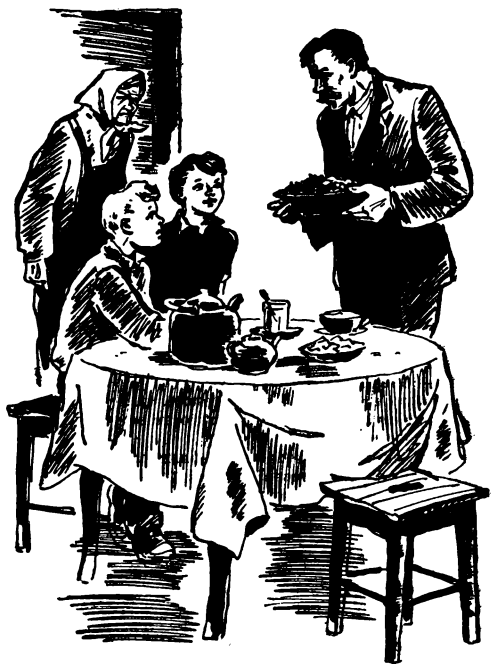
— Ешьте, ешьте, мои дорогие, — приговаривал он. — Ягоды только что с кустов да с грядок.

Я расхрабрился и спросил, показав на портрет в простенке:

— Афанасий Гаврилович, это вы снимались, когда партизаном были?

— Ну, брат, нет!.. — Он засмеялся, поглаживая усы. — Тогда не до снимков было. Это меня еще до войны сфотографировали. Да, кстати! Ты меня в поезде снимал. Где же карточка?

— Не проявил еще, — смутился я. — Бачка нет. И увеличителя. Но я проявлю. Обязательно.

— Афанасий Гаврилович, — попросил вдруг Женька, — расскажите, как вы партизанили.

— Да что же тут рассказывать! Ну, воевал, бил фашистов. Признаться, я уж об этом столько рассказывал, что самому надоело. Лет пять или шесть назад отбоя не было: то в школу зовут, то в клуб на молодежный вечер — расскажите, расскажите... В конце концов отказываться стал. — Он вдруг задумался, насунив брови. — Да-а, вот если бы живы были мои боевые товарищи, они бы рассказали... Герои, орлы... Все погибли. В октябре сорок первого года. В Волчьем лого. Есть такой овраг у нас в лесу... Двадцать два человека. Смелчаки — один к одному... Ну, я — двадцать третий. И еще один... Он вот, не знаю, жив или нет... Пашка Вересов...

Это имя Афанасий Гаврилович произнес с ненавистью.

— Выдал он отряд немцам. У него одного карта была. На ней тропки в болотах обозначены. Не иначе — он ту карту фашистам передал. — Голос его зазвучал зло и резко. — Командиром мы его выбрали. Доверяли ему. А он... Эх!.. Знать бы раньше!.. Своими бы руками задушил!..

Афанасий Гаврилович несколько раз сжал и снова разжал свои сильные пальцы.

— А вы?.. — хрипло выдохнул Женька.

— А я, как видишь, живой, — невесело усмехнулся Афанасий Гаврилович. — Мы с Миколой Федорчуком той ночью в разведке были, здесь, в городе. У комендатуры на патруль напоролись. Миколу — сразу, в упор, наповал. А я ушел. К лесу подался. А как к Волчьему логоу стал подходить — слышу, стреляют. Загнали каратели моих боевых товарищей в Волчий лог и там — из пулеметов... Всех... Геройскую смерть они приняли...

Он опустил голову и с минуту сидел так, молча. Мы тоже молчали, не смея нарушить тишину.

— Не заметили меня фашисты, — снова заговорил Афанасий Гаврилович. — Смерть и на этот раз мимо меня прошла. Десять дней пробирался я к югу, в большой отряд Степана Кожуха. Рассказал там, как товарищи мои погибли. Имя предателя тоже открыл. С ними, с кожуховцами, стал немца бить. Да ранен был в бою. Переправили меня в тыл, в госпиталь. Так и застрял в тылу. Инвалидность

дали. Сколько ни просился, не пустили на фронт. Ну, после войны снова в свой родной Зареченск вернулся...

— А предатель? — не выдержал я. — Куда он девался?

— Кто ж его знает... Удрал, должно быть, с немцами. — Афанасий Гаврилович вдруг хлопнул ладонью по столу. — Да что это мы в такой хороший день о страшном заговорили. — Он тряхнул головой, словно отгоняя невеселые думы. — Давай-ка лучше, Евгений, о твоей тетушке, о Дарье Петровне поговорим. Признаюсь, из всех наших здешних жителей ее больше других уважаю.

И больше весь вечер о партизанах Афанасий Гаврилович не обмолвился ни единым словом. Он все расхваливал тетю Дашу, хотя мне, да и Женьке, конечно, хотелось послушать еще про партизан.

Когда мы собрались уходить, Афанасий Гаврилович ловко свернул из старых газет кульки и до краев насыпал в них клубники.

— Дарье Петровне. От меня. В подарок.

Я невольно вспомнил вдруг, с какой неприязнью смотрела тетя Даша на этого человека в день нашего приезда, и удивился — за что же она его недолюбливает.

Афанасий Гаврилович пошел проводить нас до калитки и велел непременно заходить.

— Скоро яблоки созреют, — говорил он. — Так что — милости прошу. Только — не через забор. А то у моей Пальмы зубы очень острые.

Женька хмуро молчал, шагая по тротуару. Я тоже молчал, раздумывая над тем, что мне довелось услышать. Да может ли это быть, чтобы командир — и вдруг предал свой отряд врагу? Я ломал себе над этим голову всю дорогу.

— Батюшки! — всплеснула руками тетя Даша, увидав нас с громадными кулками в руках. — Откуда вы? С базара, что ли?

— В гостях были, — объяснил Женька. — У Афанасия Гавриловича. Это он вам в подарок прислал.

Женька вытряхнул из своего кулька клубнику прямо на стол, на клеенку. Я тоже стал высыпать ягоды на стол.

— Вот сколько! — с гордостью сказал я.

Но тетя Даша смотрела на рассыпанные по столу ягоды

с таким отвращением, словно мы вывалили из пакетов пауков, лягушек и мокриц.

— Ишь, расщедрился, — сказала она. — Вон блюдо в буфете возьмите. — И она вышла из комнаты, не взяв ни одной ягодки.

Вот что произошло в тот день, когда мы впервые услышали о Волчьем логое и о погибших там партизанах. Мы и не подозревали тогда, что предстоит нам еще много, очень много узнать о них. Мы не знали в тот день, что скоро забросим и своих бабочек, и книжку о приключениях Шерлока Холмса, и толстенный том Брема, что позабудем про письма, которые обещали нашим мамам аккуратно, каждую неделю посылать домой, — забудем обо всем потому, что в Волчьем логое в октябре сорок первого года погибла в бою с карателями горсточка храбрецов — партизан, народных мстителей.

НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

К клубнике, которую мы принесли, тетя Даша так и не притронулась. Мы с Женькой съели ягоды сами, и от них в тот же вечер остались только зеленые хвостики с остро-конечными звездочками. Мы и не заметили, как съели их, занятые обсуждением того, что слышали от Афанасия Гавриловича. Толком, впрочем, мы ничего решить не могли. Афанасий Гаврилович партизанил в здешних местах во время войны — об этом мы слышали от него еще в поезде. Но мы не знали, что весь отряд, в котором он сражался, был уничтожен карателями в октябре сорок первого года. Погибли все. Лишь он один остался в живых, потому что в ту ночь ходил на разведку...

Ну, а предатель? Я, конечно, поделился с Женькой своими мыслями. Я спросил у него, могло ли так быть, чтобы командир — и вдруг предал своих? Женька долго думал, прежде чем ответить. А потом сказал:

— Командир, Серега, не мог.

— Ну, а как же тогда... — начал было я, но Женька перебил меня:

— А если этот командир был немцами подослан?

— Как — немцами?

— А так. Немцы, Серега, хитрые были. Подослали шпиона: «Иди завоюй доверие, тебя выберут командиром, а ты всех партизан прямо на наши пулеметы заведешь. Или карту проходов в болотах нам передашь».

Я слушал, разинув рот.

— А может быть, он и так, сам по себе, трусом был. Узнал, что отряд окружен фашистами, и решил шкуру свою спасти — товарищей предал... Или немцы его подкупили. Если человек трус, то такого и подкупить не трудно...

Да, тут было над чем пораздумать... Мы попробовали расспросить о партизанах тетю Дашу. Но что она могла знать? Ведь во время войны ее в Зареченске не было. Правда, вернувшись, она кое-что слышала о каком-то отряде, который погиб в Волчьем лого. И фамилия Вересов как будто упоминалась: он, мол, предал. А командир ли он, еще ли кто, этого она не знала.

— Что же вы у самого-то героя обо всем получше не узнали? — спросила она, и мне показалось, будто бы слово «герой» прозвучало насмешливо. — Раз уж пришли, то надо было расспросить подробней. Он тут одно время всюду кричал: я, мол, партизан, кровь проливал... В грудь себя кулаком бил. И участок ему нужен, и дом хороший за боевые его заслуги...

Тетя Даша встала из-за стола, смахнула тряпкой крошки с клеенки и ушла на кухню.

— Интересно было бы пойти туда, в Волчий лог, — сказал Женька. — Историческое ведь место. А мы с тобой, Серега, как-никак историки.

Когда тетя Даша вернулась в комнату, он будто ненароком спросил:

— Далеко этот Волчий лог, тетя Даша?

— В лесу, километра три...

— Самим найти можно?

— Заблудитесь еще. Да вы бы у ребят спросили. Они часто в лес ходят — то за грибами, то за ягодами. Или к озерам еще — рыбу ловить. Вместе бы и пошли.

Зареченских ребят мы видели на речке еще в первый день, когда пришли купаться. Они плескались, орали и хохотали на песчаной косе. С десятка, а то и больше маль-

чишек и девчонок. Стоя за кустами на откосе, мы долго тогда смотрели на них. Из всех только один мальчишка не купался и не принимал участия в общем веселье. Он сидел поодаль с удочкой в руке, свесив с обрывистого берега босые ноги. Рядом стояло небольшое ведерко.

— Женька, — сказал я, увидав его. — Смотри-ка, рыбак! Значит, рыба в речке есть.

В это время ребята заметили нас и стали о чем-то шептаться.

— Пойдем к ним? — спросил Женька.

— Не надо, — отсоветовал я. — У них своя компания, у нас — своя.

Женька согласился. Мы пошли по берегу вправо, туда, где белела маленькая песчаная отмель. И пока мы шли, ребята молча провожали нас взглядом.

Так с этого дня и повелось. Ребята купались на косе, а мы — на песчаной отмели. Мы к ним не подходили, и они нас не беспокоили. Однако, услышав совет тети Даши, Женька сказал:

— Надо завтра подойти к тем ребятам.

Он так это сказал, что я не решился спорить.

Утром после завтрака мы пошли на речку. Большая коса была пуста. Не было на месте и рыболова.

— Давай пока искупаемся, — предложил Женька и быстро начал раздеваться.

Купаться у косы оказалось куда приятнее, чем на отмели. Тут уже у самого берега было глубоко, а в нашем месте речку можно было запросто перейти вброд. Какое же это купанье? Я оттолкнулся ногами от берега и поплыл. Женька погнался за мной. Мы были уже почти у противоположного берега, как вдруг я услышал голоса.

На косе стояли ребята и смотрели на нас. Их было четверо — трое мальчишек и девчонка. Среди них я узнал и рыболоза — с удочкой и ведерком. Мне не очень-то хотелось плыть к ним. А Женька уже пустился к берегу быстрыми саженками. Пришлось плыть за ним.

Вдруг я увидел, как высокий мальчишка нагнулся и поднял с песка Женькину коробку. Там были две бабочки, которых Женька поймал по дороге на речку.

— Эй, эй! Не трогай! — заорал Женька.

Он выскочил на берег и побежал к ребятам, которые

стояли и выжидающе смотрели на него. Коробку высокий мальчишка все еще держал в руках.

— Бери, — сказал он Женьке и протянул ему коробку. — Я только посмотреть хотел...

— Там бабочки, — сердито ответил Женька. — Если открыть неосторожно, то они улетят. А я их для коллекции ловлю.

— Д-для к-какой коллекции? — с любопытством, чуть-чуть заикаясь и смешно жмурясь при каждой заминке, спросил другой мальчишка, белобрысый низенький крепыш с голубыми глазами.

— Для школы. У нас задание на лето — коллекцию бабочек собрать.

Женька осторожно приоткрыл коробочку. В щель мгновенно просунулись усики. Вытащив бабочку, Женька сказал:

— Это семела.

— Сатирус семеле, — подсказал я научное название. — Тип членистоногих, подтип трахейнодышащих, класс насекомых, второй подкласс — крылатые насекомые, отряд чешуекрылых...

Все это я выпалил единым духом. Ребята вытаращили глаза.

— Ну? — с уважением протянул высокий.

Я воодушевился и, как только Женька вытащил крапивницу, тотчас же оттараторил:

— Крапивница. По-научному — ванесса уртикае.

— Ой! — тоненько вскрикнула девочка. — Уртикае!.. А у нас на огороде много таких летает.

— Мы вас видели, — сказал высокий мальчик. — Вы с нами купаться не захотели.

— Просто незачем было вам мешать, — поспешно ответил я.

— А чего тут мешать? Места много. Все общее.

Высокого мальчика звали Митей. Голубоглазого крепыша — Федей, девочку — Настей, а толстого жалостливого рыболова — Тарасом. Митя их всех называл по именам, чтобы мы познакомились.

— Мы знаем, — сказал Федя, — вы у Дарьи Петровны живете.

— Это тетка моя, — объяснил Женька. — Мамина родная сестра.

— А к-колдун кто? — спросил Федя.

— Какой колдун?

— Старик.

— Иван Кузьмич? — догадался я. — Жилец просто. К тете Даше приезжает. Работает. Наверху живет. А почему он колдун?

— Все говорят, что к-колдун, — таинственно сообщил Федя. — Ходит везде... Бабка моя г-говорит — он клад ищет.

— Клад?

— Ага... В лесу где-то старинный клад з-запрятан. Разбойники схоронили. То ли у Большого дуба, то ли в Волчьем логое...

— Где отряд погиб? — вырвалось у меня.

Митя кивнул и тут же удивленно спросил:

— А вы откуда знаете про отряд?

— Нам Афанасий Гаврилович рассказывал. Мы с ним вместе в поезде ехали. И в гостях у него были.

— Мой дедушка тоже про этот отряд знает, — сказал Митя. — Он раненого партизана спрятал. Недельку ухаживал. Немцы так и не нашли.

— А вы в лес ходите? — спросил Женька.

— Ходим.

— Нас можете до Волчьего логоа довести?

— Можем, конечно, — сказал Митя. — А зачем вам туда?

— Посмотреть. Мы никогда не видели, где война была.

— И тут была, — сказал Митя. — И вон там, на холмах. И в городе бои шли. Тут кругом немцы были. А в лес — можно. Хоть завтра.

— А сегодня нельзя?

— Подготовиться надо. Хлеба взять, картошки, спичек, чтобы костер развести. Да и идти лучше на рассвете — путь-то ведь не близкий.

— Надо лукошки взять, — робко встала Настя. — Там грибов много.

— А в озерах — караси... — поддакнул Тарас.

— Ну, тогда давайте завтра, — согласился Женька. — Зайдете за нами?

— Зайдем.

Сзади послышался скрип песка под чьими-то шагами и осторожное покашливание. Я обернулся. Мимо нас медленно шел, опираясь на палку, Иван Кузьмич. Мы все разом замолчали. А он прошел, взглянув на нас острыми, зоркими глазками из-под насупленных седых бровей. В его согбенной фигуре, в морщинистом лице с узенькой белой бородкой мне вдруг и правда почудилось что-то колдовское.

ВОЛЧИЙ ЛОГ

Когда я проснулся на другой день, было уже светло и в окно заглядывало солнце. Женька открыл глаза одновременно со мной, точно мы сговорились. И в это время за окном послышался осторожный свист. Я подбежал к окошку и увидел Федю. Он делал мне знаки. Женька тоже подскочил к окну.

— Иди сюда! — крикнул он Феде.

— Вы готовы? — спросил Федя, встав на завалинку под окном.

— Через пять минут! — заверил Женька.

Федя прыгнул с завалинки, а мы начали поспешно одеваться. В окне снова появилась Федина голова.

— Так я пойду. А вы будьте готовы. Мы зайдем минут через двадцать.

Двадцать минут! Как это мало! Особенно если торопиться. А нам надо было еще позавтракать. Все остальное было уже сделано заранее — приготовлена еда на целый день и корзинки для грибов, которые дала нам тетя Даца. Не забыл я и свой фотоаппарат. А вскоре под окнами снова раздался свист.

Кроме знакомых нам уже Мити, Феде, Тараса и Насти, с нами шел и новый приятель — Митин одноклассник Игорь, очень серьезный мальчик, молчаливый и в очках. Рядом с Федей он выглядел, ну, просто как глухонемой.

— Это наш Александр Попов, — сказал с улыбкой Митя, знакомя нас с ним.

«Александр Попов» смущенно пожал плечами, пожимая нам руки.

— Ну уж... Попов...

— Нет, правда, — вмешался Федя. — Насчет радио — это прямо волшебник!

Федя болтал без умолку. Пока мы шли холмами к лесу, он не помолчал и двух минут подряд. То принимался рассказывать о чертях и ведьмах, которые водятся в болотах недалеко от Большого дуба и которых не раз видела его бабушка. То вспоминал, как прошлой осенью набрел в лесу на березу, сверху донизу поросшую опятами.

— ...А вот есть еще люди, — говорил он, — которые особое, грибное слово знают. Таким людям всегда одни боровики попадаются. Прямо что ни шаг, то гриб...

— Какое же это слово? — заинтересовался Женька.

— Кабы я знал!.. — сказал Федя. — А вот бабка моя знает. Она как пойдет в лес, так полную корзину одних белых наберет.

Лес вырастал все ближе. Сначала он был тоненькой синей полоской вдаль, но, постепенно приближаясь, становился все зеленей и выше. Тропинка, петляющая по холмам, вдруг выпрямилась, точно стрела, вонзившаяся в густую лесную чащу.

На опушке мы сделали привал и, хотя никому не хотелось есть, полакомились холодной вареной картошкой

с хлебом и с сахаром вместо соли, потому что сахар, оказывается, взяли все, а соли никто не захватил. Впрочем, с сахаром тоже оказалось вкусно. Все это мы записывали ледяной водою из ключа, который бил из-под камня.

Настя вдруг куда-то исчезла, даже не присев с нами. И не успели мы наестся и напиться, как из-за кустов раздался ее звонкий голосок:

— Первый! Ура!.. Вот какой!..

Она выбежала на полянку, и мы увидели в руках у нее огромный гриб с красной шляпкой.

— Подосиновик, — сказал Федя. В голосе его прозвучала зависть. — Старый уж. Наверно, червивый.

Настя осторожно разломил шляпку. Нет, гриб был не червивый, а целенький, хотя, должно быть, и правда стоял здесь в кустах давно никем не замеченный.

Мы разбрелись по опушке искать грибы. Шаря в кустах сломленной веткой, я видел, как Настя подошла к Женьке.

— Давай вместе искать, — сказала она ему. — Мой гриб другие приманит.

Внезапно перед моими глазами мелькнула коричневая шляпка. С пронзительным криком я кинулся в гущу кустов можжевельника и, забыв про нож, что лежал у меня

в корзине, вырвал с корнем из мха толстопузый белый гриб.

— Белый! Белый! — вопил я что было сил.

Ко мне сбежались ребята. Наверно, не потому, что я отыскал белый гриб, а оттого, что встревожил всех своим воплем. С гордостью показывал я всем свою чудесную добычу.

Настя молча взяла у меня гриб и надломила шляпку. В белой мякоти извивались крошечные червячки с черными головками.

— Вот так гриб! — насмешливо сказала Настя. — Выброси его, а то он все остальные грибы в корзине портит.

— Где червивый? Почему червивый? — закричал я, вырывая у нее свой гриб и непослушными руками разламывая шляпку и ножку.

Однако Настя была права. Мой чудесный боровик был весь битком набит червяками. А я-то еще хотел попросить Женьку, чтобы он сфотографировал меня с этим грибом в руке.

— Ничего, — утешил меня Федя. — Еще найдешь.

Надо было идти дальше. Митя предупредил, чтобы мы далеко от него не уходили и почаще аукались, а то можно заблудиться. Он зашагал вперед, показывая дорогу. Женька и Настя свернули влево. Федя, Игорь и Тарас решили пойти вдоль тропки справа. А мне никуда не хотелось сворачивать, ничего не хотелось искать. Я зашвырнул свою палку в кусты и побрел по тропинке за Митей. Почему-то из-за этого червивого гриба у меня вдруг испортилось настроение.

Да и лес становился все гуще, все мрачней и темнее. Реже попадались яркие солнечные полянки, блестящие в лесной чаще, словно зеленые озерки. Тропинку едва различишь в высокой траве — наверно, по ней давно уже никто не ходил.

Я казался самому себе одиноким и всеми покинутым. Вот и Женька поступает не по-товарищески. Если уж мы приехали в Зареченск вместе, то и держаться надо рядом. А он? Будто бы меня тут вовсе и нет. Мысли мои путались и прыгали, как кузнечики в траве. Вот если бы сейчас вдруг совершить что-нибудь такое, чтобы и Женька,

и Настя, и все ребята ахнули!.. Что-нибудь героическое, невиданное. Тогда бы Женька с гордостью всем говорил: «Это ведь Серега — мой лучший друг».

И представилось мне, что на тропинку из темной чащи выползла отвратительная пятнистая змея. Она бы зашипела, показывая острые зубы, и все оцепенели от страха. А я не испугался бы, нет! Я подошел бы и ударил змею палкой. Да, но ведь палку-то я забросил в заросли... Ну, ничего, просто размозжил бы ей голову каблуком. Впрочем, что змея! Пусть даже вылезет из какой-нибудь норы страшный паук-птицеед — такой же огромный и мохнатый, как в книге Брема. Тут бы все задрожали, как овечьи хвостики. А я...

Размечтавшись, я споткнулся о сосновый корень и чуть не грохнулся носом оземь. От такого прыжка все мои мечты разлетелись на мелкие осколки.

Нет, надеяться на то, что по пути попадетсЯ змея или тропический паук, было нечего. Надо придумать что-нибудь другое... Но что?.. Взобраться на самое высокое дерево и крикнуть оттуда: «Эге-гей, вот я ку-

да залез!..»? Да какое же это геройство? Может быть, в лесу вспыхнет вдруг пожар и пойдет гулять по сухим веткам жадное пламя? А я брошусь в самый жар и бесстрашно начну тушить огонь...

Я оглянулся, словно позади, в чаще, мог заметить струйки дыма. Но только тихий туман плыл среди кустов и мрачных древесных стволов. И тут я вспомнил, что в кармане у меня лежит компас. Вчера вечером, когда мы с Женькой собирались в дорогу, я на всякий случай сунул его в карман. Ага! Ясно, что надо делать! Ведь мы можем сбиться с пути. Тропинки-то совсем уже не видны! И Митя все чаще останавливается и озирается по сторонам, вероятно отыскивая какие-то приметы. Что, если мы заблудимся? Поднимутся плач и крик... Представляю, как завизжит Настя — все они, девочки, трусихи. А я тогда скажу: «Не горюйте, я вас выведу из леса».

Потихоньку вытащив компас из кармана, я засек направление, по которому нас вел Митя. Это было не трудно. Определять направление по азимутам я умел очень хорошо. Синий кончик стрелки замер на букве «С». Митя впереди шел прямо на юго-восток. Азимут — 104. Я запомнил эту цифру и спрятал компас в карман, решив при каждом повороте засекать направление по азимуту. Не знал я тогда, как пригодится нам с Женькой эта моя затея...

Митя шел, изредка останавливаясь и оглядываясь. При этом он каждый раз кричал:

— Эгей! Где вы?

— Эге-гей! Ау-у-у!.. — отзывались голоса в лесу.

Я легко замечал приметы, на которые ориентировался Митя. Вот трухлявый пенёк, сухая береза, обомшелый камень, огромный муравейник, расщепленное сверху дерево — должно быть, в него ударила молния.

На краю узенького овражка Митя остановился и стал громко скликать ребят.

— Сейчас к Большому дубу выйдем, — сказал он мне. — А оттуда до Вольчего лога рукой подать.

Первым из-за деревьев показался Федя.

— Смотрите, сколько я набрал!

Его корзина была полна.

Вслед за ним пришли Игорь и Тарас. У них тоже было много грибов. Настя и Женька подошли последними. Ух ты! У меня даже дух захватило. Обе их корзинки были доверху наполнены грибами. Среди них я не видел ни одной сыроежки, ни одной лисички — только белые, подосиновики, подберезовики и маслята. Я же ничем, ровно ничем не мог похвастать.

Тарас сказал, что надо бы немного отдохнуть. Но Митя, взглянув на солнце, пробивавшееся сквозь ветки и лапы елок, ответил, что привал мы устроим возле Большого дуба.

У меня уже больше не было надежды на то, что мы заблудимся. Митя, по всему было видно, хорошо знал дорогу.

— Сейчас все гуськом идите, — сказал он. — А то по сторонам болото. Утонуть — не утонете, а ноги промочить можно.

— А где партизаны скрывались? — спросил Женька.

— Дальше, за Волчьим логом. — Митя махнул рукой в ту сторону, где редел мелкий осинник. — Я там дороги не знаю.

— А откуда же у партизан карта была? — снова спросил Женька.

— Дедушка говорил — к ним в отряд девчушка одна пробралась, — ответил Митя. — Лесникова дочка. Клава Муравьева. Ее отца за связь с партизанами немцы казнили. Хату сожгли. А дочка к партизанам ушла. Она все тропки в болотах знала, и отряд туда отвела, и карту составила. Если бы не она, им бы от немцев не уйти. А так — ушли, в болота, в лес... — Он помолчал и добавил тихо: — Фашисты ее потом поймали и повесили в городе, на площади, где рынок. Всех жителей согнали на казнь...

— Зачем же она в город пошла? — спросил я. — В разведку?

Но этого Митя не знал.

Я не стал больше засекаать азимуты. Это было ни к чему. Никуда не сворачивая, мы шли за Митей все прямо и прямо, несколько раз выходя к гребню овражка, и вдруг вышли на широкую поляну, окруженную густым можжевельником.

Посреди поляны стоял огромный старый дуб. Нижние ветви его простирались над землею, словно громадный зеленый полог. Дуб этот был выше всех деревьев. Казалось, что поляна только оттого и пуста, что ни одна елочка, ни одна березка или осинка не решаются подойти близко к этому сумрачному лесному великану.

— Ну, вот тут и отдохнуть можно, — сказал Митя, снимая с плеч небольшой мешок, где у него были припасы, и присаживаясь под дубом. — Костер будем разводить?

Все закричали, что обязательно надо разжечь костер. И вскоре веселое, озорное пламя заплясало на сваленном горкой сушняке.

То, что болото близко, было совершенно ясно, потому что стоило нам остановиться, как нас тучей окружили комары. Громадные, рыжие, они жалили, как осы... То и дело мы шлепали себя ладонью то по шее, то по лбу или по щеке. Комары кусали даже сквозь штаны и рубахи. Наверно, это были самые свирепые комары на свете, и ни у одних других комаров в мире не было таких длинных хоботков. Впрочем, даже несмотря на яростные комариные атаки, настроение у меня вдруг как-то само собой изменилось. Наверно, оттого, что так весело потрескивал костер и так вкусно пахло дымком и печеной картошкой.

Он был совсем недолгим, наш привал у костра. С тревогой посмотрев на небо, Митя сказал, что надо торопиться.

По небу ползли облака. Они заволокли солнце. Поднялся ветер, и могучий дуб зашумел, закачал ветвями, то ли сердясь, то ли закутываясь, как в шубу, в свою густую листву.

Митя затоптал костер и надел свой заметно похудевший мешок.

— Пошли.

Мы цепочкой двинулись за ним. Приходилось кружить среди кустов и деревьев, кое-где идти, низко нагнувшись, а иной раз перелезать через поваленные гнилые стволы. Если бы я вздумал засекаать азимуты, мне пришлось бы запомнить несколько десятков цифр, и они, конечно, все перемешались бы у меня в голове.

Внезапно деревья расступились. Мы вышли на гребень глубокого оврага. Внизу, зажатая с двух сторон оползающими кручами, лежала узкая лощина. Тесной стеной стояли над обрывом косматые, сумрачные ели. Их мохнатые лапы опускались до самой земли. Облака, закрывшие солнце, превратились в угрюмые черные тучи, и, наверно, из-за этого лощина показалась мне очень мрачной.

— Волчий лог, — тихо сказал Митя.

Я вздрогнул. Так вот куда загнали фашистские каратели горсточку партизан. Вот где приняли герои последний бой... Холодок пробежал у меня по спине, как пробежал по кустам над оврагом холодный ветер — предвестник близкой грозы.

Лощина была открыта со всех сторон. Наверно, гитлеровцы засели наверху, на склоне в чаще... Затаились, приготовились. А потом... Потом хлестнули пулеметные очереди, по веткам, по стволам деревьев защелкали пули... Там, внизу, в лощине, метались люди... Им некуда было деваться. У них было два выхода — сдаться врагу или принять неравный жестокий бой... И они выбрали. Они приняли бой и погибли... А предатель? Куда он девался? Сумел, наверно, уйти, спрятаться в какой-нибудь норе. Может быть, присоединился к гитлеровцам и вместе с ними расстреливал отсюда, сверху, погубленных им героев...

Молча стояли мы на гребне оврага и смотрели вниз. Неподвижно замерли высокие ели, как часовые в зеленых шинелях и островерхих шлемах, скорбно опустив свои ветки, словно траурные знамена. Было тихо кругом. Даже птицы не пели, то ли чувствуя приближение грозы, то ли не смея нарушить печальную тишину этого страшного места.

По листьям, по веткам вдруг и правда словно хлестнуло пулеметной очередью. Простучало и стихло. Это из края громадной тучи, плывшей над лесом, пролились случайные капли.

В молчании двинулись мы прочь. На краю леса я еще раз оглянулся. Мне хотелось навсегда запомнить эту лощину с загадочным и странным названием — Волчий лог.

ТАЙНА ИВАНА КУЗЬМИЧА

Мы с Женькой не знали, что делает у себя наверху Иван Кузьмич, чем он там занимается. И до поры до времени это нас не очень интересовало. Женька занимался своими бабочками, я классифицировал их и почитывал «Шерлока Холмса».

Начавшийся еще в лесу дождь перепутал всю нашу жизнь в Зареченске; и может быть, если бы не этот дождь, не случилось бы ничего необычайного, о чем я сейчас вспоминаю и с удивлением и даже иногда с дрожью.

Гроза, настигшая нас в лесу, прошла быстро. Но, проснувшись на следующее утро, я не увидел в окне солнца. По стеклам стекали унылые серые струйки. Дождь барабанил по крыше. И петух, каждое утро взбравшийся на забор, чтобы заорать оттуда сумасшедшим голосом, молчал, видно спрятавшись под навес.

Из-за дождя мы были вынуждены сиднем сидеть дома. Непромокаемых плащей у нас не было, а без них какое же гулянье?

— Ничего, — сказал Женька. — Надо нашей коллекцией заняться. Посмотрим, что мы наловили за это время.

После завтрака мы сели за стол в большой комнате и взялись за дело. Но, ясно, сидеть все время за столом мы не могли. Как-то незаметно для себя начинали прыгать, визжать и поднимали суматошную возню. И всегда, едва мы останавливались, чтобы перевести дух, было слышно, как наверху раздраженно ходит по своей каморке Иван Кузьмич.

Тетя Даша осуждающе качала головой. Мы конфузились и снова усаживались за стол, уныло поглядывая на окна, за которыми, не переставая, моросил дождь. Но проходило полчаса, и снова мы затевали потасовку — с хохотом, визгом и громкими криками. И опять наверху раздавались торопливые шаги, словно жилец там бегал по комнате из угла в угол.

Тогда тетя Даша придумала. Увидав, что мы начинаем ерзать на стульях, она давала нам какое-нибудь задание — нащепать лучины для таганка, начистить картошки к обеду или посылала за водой на колонку. Она раздобыла

у соседей дождевик, который пришелся Женьке почти впору. Мне он был великоват. Зато для меня нашелся в сарае среди всякой рухляди старый плащ с капюшоном, драный-преддраный, весь в заплатках. Тетя Даша два часа просидела за швейной машинкой, починая его — подшивала полы, укорачивала рукава. Когда мы с Женькой нарядились в эти немислимые балахоны, то чуть не померли со смеху, глядя друг на друга. Женькин дождевик стоял на нем колом, а у моего плаща швы на плечах спускались почти до локтей. Тетя Даша и сама не могла удержаться от смеха. Впрочем, до колонки было недалеко. Можно пробежаться и в таких нарядах.

А вот для Ивана Кузьмича дождь был не помеха. Как обычно, в двенадцать часов он спустился вниз со своей палкой, в прорезиненном плаще с большим капюшоном.

— Неужто гулять в такую погоду? — спросила тетя Даша.

— Обязательно, — ответил старик, покосившись сначала на нас с Женькой, а потом на окна, где моросил дождь. — Самая приятная погода. Нет пыли. Для легких очень полезно.

Когда он ушел, тетя Даша сказала:

— Ну-ка, племянники, возьмите ведро воды и ступайте наверх, полейте цветы на окнах у Ивана Кузьмича. Только ничего на столе у него не трогайте.

Женька взял ведро, я — ковшик, и мы полезли вверх по узкой крутой лесенке.

Оказалось, что наверху было две комнатки. В первой, совсем крошечной и темноватой, стояла кровать, старательно застеленная толстым серым одеялом. Здесь было маленькое окошечко без подоконника, так что ни одного горшка с растениями поставить было невозможно. Мы потащили ведро во вторую комнату.

Почти всю ее занимал письменный стол. Он был завален какими-то книгами и бумагами. Мы с Женькой переглянулись. Думаю, что желание у нас было одинаковое — подойти и посмотреть. Не обменявшись ни словом, мы бочком подобрались к столу.

Книги были старинные. Их кожаные переплеты кое-где истлели. Одна толстая книжища была раскрыта. Рядом с ней лежало несколько листков бумаги, исписан-

ных мелким ровным почерком, автоматическая ручка с золотым колпачком, остро отточенный карандаш.

— Древние, — сказал Женька и с уважением коснулся пальцем кожного корешка. — По-церковнославянскому напечатано.

— Это, наверно, рукописные, — возразил я.

— Ладно, — сказал Женька. — Давай цветы поливать.

Мы очень старательно это сделали и спустились вниз.

Когда Иван Кузьмич вернулся с прогулки, тетя Даша накрывала на стол, а мы складывали свои папки с бабочками на подоконник. Старый жилец снял плащ у двери, чтобы с него не налилось на пол, и попросил тетю Дашу развесить его просушить у печки. Тетя Даша ушла с плащом, а Иван Кузьмич подошел к нам.

— О, какие чудесные бабочки! Ну-ка, ну-ка, покажите.

Он принялся рассматривать наши планшеты. Особенно ему понравилась глазчатая зубчатка с красно-сероватыми крыльями в бурых пятнах, с розовыми подкрылками, на каждом из которых голубел круглый глазок.

— «Смеринтхус океллатус», — с гордостью прочитал я латинское название глазчатки, решив блеснуть перед старым книжником своими познаниями.

Иван Кузьмич внимательно посмотрел на меня.

— Ну, уж если быть до конца справедливым, — сказал он, усмехнувшись, — то не «смеринтхус», как пишется, а «смеринтхус». В латыни слитные буквы «т» и «х» звучат как мягкое «т». И не «океллатус», а «оцеллатус». Перед гласными «е» и «и» это произносится, как «ц». Правда, — добавил Иван Кузьмич, — римляне во всех случаях произносили этот звук как «ка». — Он взглянул на меня и попросил прочитать латинскую подпись под крапивницей.

— Ванесса уртикае... — пробормотал я с запинкой.

— Уртикэ, а не уртикае! — воскликнул Иван Кузьмич. — Этот дифтонг «ае» читается слитно «э». Уж если ты вздумал перейти на латынь, то надо ее знать.

Потом Иван Кузьмич взял книжку про Шерлока Холмса, которая лежала тут же на подоконнике.

— Это кто же читает?

— Я.

— Нравится?
— Интересно. Про собаку особенно, про баскервильскую...

— Н-да, н-да... — сказал старик, листая книжку. — Давно я читал про Шерлока Холмса. Еще мальчишкой. Тогда тоненькими книжками продавали — выпусками, на лотках. Бывало, кричит продавец: «Новые приключения знаменитого американского сыщика Шерлока Холмса! Две копейки — страшное убийство в Долине Ужаса!.. Три копейки «Тайна львиной гривы»!.. Очевидно, сам продавец книжек не читал. Иначе бы знал, что Холмс не американец, а англичанин... А вот чудесный рассказ! — воскликнул Иван Кузьмич. — «Пляшущие человечки». Помню, отлично помню!..

— Это как Шерлок Холмс буквы разгадывал, — подсказал я. — Один бандит посылал письма, а вместо букв — человечки. Шифр такой.

— Да, да, — задумчиво кивнул Иван Кузьмич. Он закрыл книгу и положил ее на подоконник.

Вошла тетя Даша, неся кастрюлю со щами.

— Книжки, разные дела — все в сторону, — скомандовала она. — Садитесь за стол, будем обедать. Щи у меня сегодня на славу удались. Картошечка, правда, вот... — Она с усмешкой поглядела на меня и на Женьку. — Перечислять пришлось. Повара попались торопливые.

Дождь шел, не прекращаясь, весь день и всю ночь. Проснувшись на другое утро, я увидел, что по стеклам снова стекают противные серые струйки. И сразу же на сердце у меня стало уныло и грустно. Даже вставать не хотелось.

Женька еще спал, и я не стал его будить. Даже с закрытыми глазами я слышал, как стучит сковородками на кухне тетя Даша, и позавидовал тому, что она всегда находит для себя какое-нибудь дело. Потом раздался скрип лестницы — это спускался сверху Иван Кузьмич.

— Молоко сегодня замечательно вкусное, Дарья Петровна, — сказал он. — Должен вам сказать, что в такую вот погоду мне работается особенно хорошо. Не понимаю людей, которые не любят дождя.

— Да, дождь и для огорода полезен, — ответила тетя Даша. — Из ведра не очень-то грядки напоишь...

— Кстати, Дарья Петровна, нет ли у вас туши? — спросил Иван Кузьмич.

— Где-то был пузырек. Да вон он, на окне стоит.

Проснулся Женька.

— Эй, Серега! — окликнул он меня. — Ты спишь?

Я повернул голову.

— А здорово тебя вчера Иван Кузьмич обрезал, — сказал Женька. — «Океллатус»... Так и надо, не хвастай...

— С чего ты взял? Я не хвастал вовсе. Это и в русском можно ошибиться. Сам, что ли, ошибок в диктанте не делал?

— Ладно, не злись.

— Я и не злюсь.

— Злишься, я вижу.

Женька зашлепал босыми пятками и взобрался с ногами на мою кровать. Он принялся щекотать меня, а я до смерти боюсь щекотки. Через какую-нибудь минуту вся моя постель была на полу, и мы барахтались, путаясь в простынях, хохоча и дрыгая ногами.

Завтракали мы все вместе. Иван Кузьмич тоже спустился к столу. Пока мы ели испеченные тетей Дашей оладьи и запивали их сладким чаем, он почему-то все время поглядывал на нас как-то странно и таинственно, а когда с завтраком было покончено, сказал:

— Вот что, Женья и Сережа, я попрошу вас подняться ко мне. Вы оба мне очень, очень нужны.

Голос его звучал серьезно и сурово. У меня екнуло сердце. Я почему-то сразу вспомнил, что нашего жилья в городе зовут колдуном.

Медленно поднялись мы вслед за Иваном Кузьмичом по скрипучей лестнице, миновали комнатуху с кроватью и вошли в кабинет, где на письменном столе все так же лежала раскрытая старинная книга.

— Прошу вас сесть, — торжественно сказал Иван Кузьмич, указав на стулья у стены.

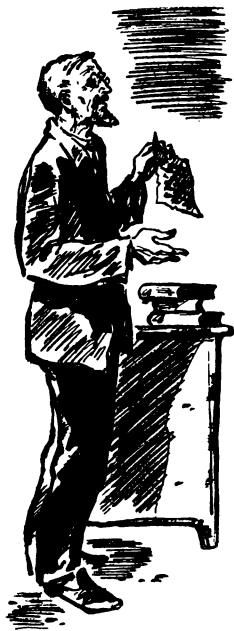
Мы послушно сели, глядя на него во все глаза.

— Скажите, — спросил Иван Кузьмич, тоже садясь — в кресло — у стола, — вы умеете хранить тайны?

Чего угодно ждал я, только не такого вопроса.

— Умеем, — не совсем уверенно сказал Женька.

Иван Кузьмич повернулся в своем кресле к столу, при-

поднял большую раскрытую книгу и вытащил из-под нее какой-то листок бумаги.

— Тут меня называют колдуном, — сказал Иван Кузьмич, пытливо взглянув на нас. — Я знаю, знаю, можете мне не возражать... Говорят также, что я ищу древний разбойничий клад, зарытый где-то в лесу, — продолжал он. — Так вот. Насчет колдовства — это ерунда. Я не колдун, как вы, надеюсь, понимаете сами. Ну, а насчет клада верно. Видите ли, я изучаю старинные книги и рукописи. И в одной такой древней книге между страницами отыскал я вот это. — И он протянул нам загадочный листок.

Меня сразу же поразил вид этой бумаги. В нескольких местах она была протерта до дыр. Ее края казались обожженными. Вся она была испещрена какими-то значками, потускневшими, наверно, от времени.

— Ключ к шифру потерял, — доносился ко мне, как бы издалека, голос Ивана Кузьмича. — Я уже давно бьюсь над тем, чтобы прочесть

этот манускрипт, но пока мне это не удалось. Из исторических документов известно, что здесь в лесах лет эдак триста назад был монастырь, где доживал свои дни, замаливая прегрешения, бывший атаман большой разбойничьей шайки. Звали его Пафнутием. До нас дошли разрозненные странички его жизнеописания — нечто вроде автобиографии

кающегося злодея. Я изучал эти листки и пришел к выводу, что, хотя этот манускрипт написан шифром, почерк и чернила в обоих случаях одинаковы. Очевидно, монах — бывший разбойник решил обозначить место, где лежат награбленные им сокровища, чтобы кладом воспользовались высшие церковные чиновники. Возможно, он даже переслал им ключ к шифру. Но так или иначе эта вот бумага, по моему мнению, до них не дошла. Тайна не разгадана. И вам предстоит ее разгадать.

Иван Кузьмич встал.

— Передаю вам этот ценнейший документ. Думаю, что при достаточной усидчивости, при сосредоточенном внимании вы сможете разгадать тайну. Но повторяю: самое главное — это усидчивость и терпение. Может быть, долго не придется выходить из-за стола. Может быть, придется оставить и возню, и шум, и беготню по дому... — Тут он с сомнением посмотрел на нас и спросил: — А может быть, не сумеете усидеть? Пуститесь в пляс... Или начнете, как вчера, подушками швыряться?..

Иван Кузьмич протянул руку, словно собираясь отнять у нас эту драгоценную бумагу, но Женька поспешно отдернул листок.

— Ну, ну, — успокаивающе произнес Иван Кузьмич. — Я верю, что вы сможете мне помочь. Итак, желаю успеха!

Кубарем скатились мы вниз по лестнице, влетели в нашу комнатку и, задыхаясь от волнения и быстрого бега, разложили зашифрованный листок на столике. Вот этот листок — я перерисовал его в точности.

[illegible]

Чем больше всматривался я в эти непонятные значки, тем все сильнее охватывало меня уныние. Разве можно разгадать, что здесь написано? Без ключа, без хотя бы малюсенькой зацепки!..

— Не расшифруем, пожалуй, — сказал я.

— Много ты понимаешь! — сердито ответил Женька. — Нет такого шифра, который нельзя было бы прочесть.

— Без ключа?

— И без ключа можно. Была бы голова на плечах. Ну конечно, время... Может, на расшифровку целый месяц уйдет...

— Голова-то голова, — пробормотал я. — А вот как читать — может, слева направо, может, справа налево. То ли сверху вниз, то ли снизу вверх...

— По-всякому надо попробовать, — сказал Женька.

— У-у! Это и за год не разгадаем.

Было бы долго рассказывать, как мы колдовали над этой удивительной бумагой первый день. У нас, должно быть, мозги распухли от размышлений. Мы часто спорили шепотом, потому что боялись, что потревожим Ивана Кузьмича и он отберет у нас зашифрованный листок. Мы не возились в этот день и не швырялись подушками. Тетя Даша едва ли не силой заставила нас сесть обедать. Но как ни старались мы, в этот первый день работа не продвинулась и на шаг. Вся наша беда была в том, что мы решили сперва вместо каждого значка по порядку проставлять попеременно все буквы алфавита. И только на разгадывание одной первой строки у нас ушло больше трех часов, а слова складывались совершенно непонятные. Правда, эти три часа пролетели незаметно.

После обеда мы снова взялись за дело. И так прошел день. Часам к одиннадцати вечера глаза у нас слипались, а в головах шумело. Мы легли спать приунывшие, и от усталости я сразу заснул.

Ночью приснились мне пляшущие человечки. Они были точно такие же, как в книге о Шерлоке Холмсе. Они лезли на стены, облепляли меня; я отдирали их от своих плеч, от шеи, от рук и ног, а они все лезли и лезли...

Я проснулся в ужасе и увидел, что уже светло. И тотчас же ясная, как летнее солнце, мысль осенила меня. Шерлок Холмс! Надо посмотреть в книжке, как ему удалось расшифровать тайну пляшущих человечков!..

Босиком, не надевая тапочек, побежал я к окну, где на подоконнике лежала книга. Мне пришлось очень внимательно перечитать весь рассказ. Первое, что нашел Шерлок Холмс, — это окончание слова: человечек с флажком в руке. Но как же нам в нашей бумаге отыскать окончания слов? Холмсу было легче — все человечки без флажков, а один — с флажком. Да еще поставлен в конце записки. Ясное дело — это означает конец слова. Я перевел взгляд на бумагу с нашим шифром, и сердце у меня застучало, точно град по крыше. Последним в бумаге стоял значок, похожий на латинскую букву «v» с хвостиком...

— Женька! — заорал я как сумасшедший. — Женька, проснись! Есть конец слова!..

УДИВИТЕЛЬНАЯ РАЗГАДКА

Женька вскочил, будто его ударили мокрым полотенцем.

— Какой конец?..

— Кричи «ура»! — орал я, прыгая босиком и размахивая книгой о Шерлоке Холмсе. — Я знаю конец слова!.. Вот гляди!..

Это была первая наша удачная догадка. И, начиная с нее, постепенно стал проясняться текст загадочного документа.

Их было семьдесят четыре... Семьдесят четыре значка, похожих на букву «v» с хвостиком. У шестидесяти семи из них хвостик был перечеркнут один раз. У семи — два раза. Все знаки между этими «v» с хвостиком мы выписали в столбик. Получились неровные строчки, очень похожие на слова. В некоторых строчках было много значков, в других — по два и по одному.

Шерлоку Холмсу было куда легче расшифровывать записки с пляшущими человечками, чем нам наш манускрипт. Холмс знал, кому эти записки адресованы. Он догадался, что первые четыре значка скрывают имя адресата — «ИЛСИ». У него сразу появилось три буквы. А у нас пока не было ни одной. Но Женька не унывал. Да и мне казалось теперь, что мы непременно решим нашу трудную задачу.

— Ну, Серега, — сказал Женька, усаживаясь за стол и беря карандаш, — вспомним грамматику. Предлоги из одной буквы.

— Зачем тебе предлоги?

— Попадаются слова из одного значка. Это или предлоги, или союзы. Вот гляди — первый значок, с него начинается текст. С союза он вряд ли начался бы. Я думаю, что это какой-нибудь предлог.

— Ясно! — обрадованно воскликнул я. — «С», «к» или «в»!

Мы нашли все «слова», в которых встречался значок, стоящий в тексте первым, и попытались вместо него поставить буквы «с», «в» и «к», но очень скоро поняли, что таким способом ничего не добьемся.

— Слушай, Серега, — сказал Женька, порядком утомившись. — Давай попробуем по-другому.

— Как по-другому?

— Какие буквы встречаются в русском языке в словах чаще всего?

— «Е», — не задумываясь, ответил я.

— Почему это «е»?

— Очень просто. У тебя в имени два «е», и у меня — два. Ев-ге-ний... Сер-гей...

— Значит, если бы тебя звали, к примеру, Акакий Акакиевич, то чаще всего встречались бы «к» и «и»? — насмешливо спросил Женька. — Или «а»? А если бы Дормидонт, то «о»?.. Ну-ка, давай сюда книгу.

— Какую?

— Твоего Шерлока. Сосчитаем, каких букв на странице больше.

Он взял «Записки о Шерлоке Холмсе» и раскрыл на первой попавшейся странице.

До обеда мы считали буквы. Больше всего оказалось

«а» — целых сто тридцать пять букв. Затем шла буква «о» — сто четырнадцать. «Н» оказалось девяносто шесть. «П» и «с» — поровну, по девяносто три...

— Так, — сказал Женька, покусывая кончик карандаша. — Теперь посчитаем, каких значков в нашей бумаге больше. А потом проставим вместо них «а», «о» или «н».

Мы снова принялись подсчитывать. И вот что у нас получилось.

Н — 29 РАЗ

П — 25 РАЗ

М — 24 РАЗА

Ш и Щ — 20 РАЗ

Решив, что по количеству на букву «а» приходится число 29, на букву «о» — 25, а на букву «н» — 23, мы принялись подставлять вместо значков буквы. И снова неудача!

Я совсем пал духом. Но Женька не унывал.

— Знаешь, Серега, — сказал он. — Попробуем иначе. Может быть, у нас в бумаге «о» больше, чем «а»? Вот, например, слово: видишь — в серединке? Четыре буквы, все разные. — И Женька показал мне значки, изображенные в загадочной бумаге вот так:

Н М Ш Щ

— Если тут первая буква «о», а вовсе не «а», и последняя, наоборот, «а»... Что получится?

Я тотчас же стал размышлять вслух.

— «Ос-па», «ор-ла», «ок-на», «ом-ка»...

— Какая еще «омка»? — недовольно переспросил Женька. — Ты, Серега, не дури. Говори те слова, которые в русском языке есть, а не выдумывай всякие «омки»...

Розовый прозрачный луч заката несмело осветил верхушки берез на другой стороне улицы. Вместо надоевших за два дня туч в синем светящемся небе плыли редкие облачка.

— Женька, — сказал я с грустью, глядя в окно, — неужели и завтра придется сидеть дома? Смотри, какой закат. Дождь совсем прошел. Утром на речке соберутся ребята...

— Можешь идти на речку, — сердито отрезал Женька. — Можешь отправляться куда угодно. Я один стану расшифровывать. Тут дело уже к концу подходит, а он о речке думает... Закат ему понравился!..

— Нет, что же... — забормотал я. — Я — как ты... Я просто так сказал... Давай будем разгадывать... — И снова, торопясь, я начал вспоминать слова из четырех букв, начинающиеся на «о» и кончающиеся на «а»: — «Одна»... «орда»... «осла»...

До глубокой ночи мы сидели и выписывали слова, где попадались значки, которые принимали за «о» и «а». Все эти слова выглядели на бумаге, как известная игра, когда надо угадывать буквы и подставлять их вместо черточек. Мы с Женькой часто у себя дома да и в школе, во дворе во время перемены играли в нее. Изнемогая от усталости, я бормотал заплетающимся языком, придумывая разные комбинации букв с «о» и «а».

— Хватит, — наконец произнес Женька. — Давай спать ляжем. Я уверен — завтра все получится.

Я с наслаждением потянулся и громко зевнул.

— Если, Жень, завтра и получится, — сказал я, — то мы все равно мозги поломаем.

— А у тебя, я вижу, мозги очень ломкие, — сказал Женька. Он все еще сидел за столом и черкал карандашом по бумаге, повторяя: «Закат, закат... Закат...»

Я не ответил и начал раздеваться. Вдруг Женька перестал чертить карандашом и сказал:

— Серега, иди сюда.

Я подошел, держа в руках штаны.

— Ну-ка, посмотри, — сказал Женька. — Видишь — два одинаковых значка?

— Вижу. Только у меня глаза сами закрываются.

— Погоди, кажется, выходит... Если это слово и правда «закат», то значит здесь, в десятом слове, первая буква «з». И четвертая тоже «з».

— «Зраза», может быть? — сонным голосом сказал я. — Такие котлеты есть — зразы называются.

— Сам ты котлета! — рассердился Женька. — «Звезда» это, вот что! Вернее, не «звезда», а «звезды» или «звезду». Последний значок попадаетея редко. А после первого стоит такой же знак, как в начале всего текста.

— Предлог «в», — прошептал я. Сон мгновенно слетел с меня.

Женька торопливо стал писать буквы, ставя между ними черточки.

— Вот слово перед «звездой» или «звездами». Если первая буква «в», а вторая «е»... Видишь, они написаны теми же значками, что и вторая с третьей в слове «звезды» или «звезду»... Тогда получится «ВЕ—». А если мы правильно угадали «закат», то третья от конца буква — «к» «ВЕ-К—». Но это еще не все, Серега! После «к» в этом слове не может стоять «ы» — «звезды». Только «у». Значит, там — «звезду», а здесь — «ВЕ-КУ—»... Ну, что это означает?

— «Ве-ли-ку-ю зве-зду»... — догадался я.

— Правильно!..

Это были первые верно разгаданные нами слова. Только два слова... Не знаю, может быть, мы расшифровали их случайно. Но все-таки не зря мы просидели ту ночь до самого рассвета, выписывая слова, ставя вместо недостающих букв черточки, комкая бумагу и чуть не подпрыгивая до потолка, если удавалось угадать еще одну буковку. И когда мне казалось, что я умру, так хотелось спать, Женька, заметив, что я клую носом, хлопал меня ладонью по плечу.

— Не спи, Серега! Слышишь — не спи! «Идущий вперед — достигнет цели!..»

Не помню, когда и как мы легли и заснули. Нас разбудила тетя Даша.

— Вот так сони! — говорила она. — Завтракать давно пора. Вставайте, вставайте...

А в окна било яркое солнце. В окнах, сияя, плескалось синее небо. В него хотелось окунуться, как в озеро.

Когда мы с Женькой вышли в большую комнату, за столом уже сидел Иван Кузьмич.

— Погодка-то! — воскликнул он, кивнув на окна. — Чудеса! Гулять надо, молодые люди. Засиделись вы в комнате!

— Нам гулять некогда, Иван Кузьмич, — ответил Женька. — Мы скоро вашу бумагу всю разгадаем.

У старика отвисла борода. Я могу дать какое угодно честное слово, что он удивился совершенно искренне.

— Да ну? Не может быть!

— А вот и может, — подтвердил я. — Мы угадали слова «великую звезду»...

И тут показалось мне, будто бы на морщинистом лице Ивана Кузьмича, то ли в глазах, то ли между усами и бородкой, мелькнуло выражение растерянности.

— Не может быть... — повторил он. — Неужели?..

— Вот увидите, к вечеру все разгадаем! — торжественно заверил его Женька.

Мы с такой поспешностью завтракали, так торопливо глотали, что я чуть не подавился куском хлеба. А Женька поперхнулся чаем. И вот, наконец, мы снова сидим за столом в нашей комнате. Снова Женька, торопясь, выписывает слова и, только на мгновенье задумавшись, представляет вместо черточек недостающие буквы.

Еще час корпели мы над бумагой, и, наконец, Женька переписал начисто то, что у нас получилось. А получилось вот что:

«В ЯСНУЮ ПОЛНОЧЬ ИДИ К ВОЛЬШОМУ ДУБУ. НА ВЕЛИКУЮ ЗВЕЗДУ, ЧТО СРЕДИ НЕБА СТОИТ НЕДВИЖНО, СЧИТАЙ ДВА СТА САЖЕН, ДА ЕЩЕ ПЯТЬ ДЕСЯТКОВ САЖЕН К ВОСХОДУ, И ОПЯТЬ НА ЗВЕЗДУ ОДНА СТА, ДА НА ЗАКАТ СТО АРШИН. ТУТ ИЩИ ТОТ СУНДУК, ПОЛНЫЙ ЕФИМКОВ ЗОЛОТЫХ, ЛАЛОВ ПЛАМЕННЫХ, ПЕРЛОВ БЕСЦЕННЫХ МОРСКИХ. А СОСТАВИЛ СТАРЕЦ ПАФНУТИЙ, РАБ БОЖИЙ, В ЛЕТО ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА ТЫСЯЧА ШЕСТЬ СОТ ПЯТЬ ДЕСЯТ СЕДЬМОЕ».

Мы так волновались, что даже забыли постучаться к Ивану Кузьмичу, и ворвались в его комнату, грохнув дверью и опрокинув на дороге стул.

— Готово, Иван Кузьмич! — закричал Женька. — Вот оно, все в точности!..

— Ну-ка, ну-ка, — проговорил старый жилец, откладывая авторучку и отодвигая раскрытую старинную книгу. — Показывайте.

Он внимательно перечитал весь текст и развел руками.

— Ну, знаете, друзья!.. Я думал, признаться, что вы просидите над этой шифровкой целое лето! И вдруг — за три дня!

— Два с половиной, — с гордостью уточнил Женька.

— Верно, верно, два с половиной. — Иван Кузьмич положил бумажку с расшифрованным текстом на стол, обернулся к нам и сказал: — Ну что же, спасибо вам, друзья!..

Кажется, он больше ничего не собирался нам говорить. Мы смущенно затаптались, не зная, уходить нам или оставаться.

— Иван Кузьмич, — вдруг спросил Женька. — А что такое ефимки?

— Ефимки? М-м... Видишь ли... Так в старину называли золотые деньги.

— А лалы?

— Лалы — это рубины, — объяснил Иван Кузьмич. — Слово пришло на Русь из Персии. Оттуда купцы везли к нам различные украшения, драгоценные камни — рубины, изумруды, сапфиры, алмазы, жемчуг... Перлы морские — это и есть жемчуг, самый обыкновенный.

Ничего себе обыкновенный! Да ведь если в сундуке старца Пафнутия есть и золото, и рубины, и жемчуг, то на такое богатство можно выстроить, пожалуй, целый город!.. Я в один миг представил себе этот сундук — облепленный землей, прогнивший от сырости, с дырами и щелями, сквозь которые высыпаются сияющей струей золотые ефимки, кроваво-красные лалы и круглые белые жемчужины, такие же, как в бусах у моей мамы. Только у мамы они не настоящие — стекляшки, а здесь, в сундуке, самые что ни на есть настоящие, из раковин...

В горле у меня пересохло, и я спросил хрипло:

— А вы теперь этот сундук откапаете?

— М-м... — промычал Иван Кузьмич, зажав в кулак бородку. — Да ведь, может быть, и клад-то никакого нет...

— Как это «нет»? — взвился Женька. — А бумага? Манускрипт?

Иван Кузьмич посмотрел на него пристальным, долгим взглядом.

— Возможно, его уже откопали...

Меня поражало спокойствие старого жильца. Да если бы я был хозяином такой удивительной бумаги, то сейчас же, не раздумывая, отправился бы на поиски! Люди пересекали океаны, забирались в страшные дебри тропических джунглей, где среди тростников прячутся тигры и леопарды, а под ногами ползают разные сколопендры и пауки-птицееды... Люди спускались в кратеры вулканов и проникали в страшные пещеры, чтобы отыскать зарытые пиратами клады... А тут и ездить никуда не надо. До Большого дуба рукой подать!

Женька, волнуясь, что-то еще говорил. Иван Кузьмич ему отвечал. Но я ничего не слышал. Все, что я когда-нибудь читал или видел в кино о поисках неведомых сокровищ, возникало передо мной подобно вспышкам лампочек во время праздничной иллюминации.

КАК ТРУДНО ИНОГДА МОЛЧАТЬ...

Женьке так и не удалось добиться у Ивана Кузьмича ответа на вопрос, что он собирается делать с загадочным сундуком. Мы вышли из комнатки старого жильца — я в растерянности, а Женька в скверном настроении.

— Эх! — воскликнул я, когда мы спускались по лестнице. — Пойти бы в лес да выкопать этот сундук!

— А может, и сундука никакого нет, — сказал Женька. — Может быть, и правда его кто-нибудь уже давно выкопал...

— А если никто не выкопал? Если он до сих пор в земле лежит? По-моему, Женька, надо всем рассказать и снарядить экспедицию!

— Надо... — Женька вдруг засмеялся. — Бери полотенце — и айда в экспедицию, на речку.

— Зачем на речку? — спросил я в недоумении.

— Купаться. Погодка-то, Иван Кузьмич прав, замечательная!

Мы взяли в нашей комнате полотенца и пошли к реке.

— Жень, — сказал я, когда мы уже подходили к откосу. — Давай скажем ребятам про сундук.

— Нельзя, Серега, — ответил Женька. — Это не наша тайна. Так что держи язык за зубами.

Еще не доходя до края откоса, мы услышали хохот и визг на косе. Наверное, все ребята, сколько их было в Зареченске, сегодня прибежали на речку.

— Слушай, Жень... — зашептал я, дернув Женьку за руку. — Погоди, послушай... Давай сами проверим, на месте сундук или нет.

Женька остановился. Он задумался, сощутив глаза.

— Мы никому не скажем, — торопливо продолжал я, сжимая его руку, словно он мог убежать. — Если сундук на месте, мы его снова зароем и скажем Ивану Кузьмичу. Вот увидишь — он обрадуется...

Я с тревогой смотрел на Женьку и ждал, что он мне ответит.

— Ладно, Серега, — сказал он наконец. — Там посмотрим.

Может быть, это был и не слишком решительный ответ. Но я почему-то верил, что Женька согласился с моим планом.

Размахивая полотенцами, словно флагами, мы спустились вниз с откоса к реке, к солнцу, к песчаной косе. Нас встретили шумно и весело. Федя тотчас же принялся рассказывать, как он подшутил над толстым Тарасом.

Все эти два дождливых дня Федя трудился не покладая рук. Он вырезал из полена рыбу. Орудовать пришлось и топором, и ножиком, и стамеской. Рыба получилась замечательная, особенно голова, которая, в сущности-то, и нужна была Феде для его проделки. Рыбу Федя покрасил масляной краской и нарисовал ей громадные круглые глаза.

— А утром... — захлебываясь, рассказывал Федя, — наш Тарас пришел с удочками и устроился порыбачить...

Сидел, сидел, да и задремал. Взял я эту рыбу, камень к хвосту привязал и нырнул с ней под его крючок. Прицепил там, на берег вылез да как заору: «Клюет, клюет!..» Тарас — дерг, голова из воды прыг!.. У него глаза во какие! Больше, чем у моей рыбины. Он, наверно, думал, что это кит к нему на удочку попался!..

Наверно, это и правда было смешно, когда Тарас тащил из воды громадную деревянную рыбу. Камень тянул ее на дно, удилице сгибалось, тоненькая леска натянулась, как струна. Но я слушал веселый рассказ Феди рассеянно, думая совсем о другом. Ребята вокруг смеялись, а Тарас сидел в сторонке с удочкой и ведром, сердито поджав толстые губы. Оказывается, он все-таки догадался, в чем дело. Пришлось ему раздеться и лезть в воду — отцеплять деревяшку. Рыбу он со злостью зашвырнул далеко на середину реки. Камень отвязался, и она уплыла.

— Будет тебе, — прервав Федю, сказал Митя и обернулся к нам. — Он без конца рассказывать может. А вы лучше посмотрите, что Игорь за эти дни сделал.

— Ну, что там... — смущенно возразил Игорь. — Еще не совсем готово. Треск какой-то...

— Ладно, пускай треск! Разговаривает же. И музыка играет!

Оказывается, Игорь тоже эти дни не сидел без дела. Он закончил начатый еще весной карманный радиоприемник. Это была маленькая коробочка, которую Игорь — тоже сам — склеил из полосок плексигласа.

— Только трещит... — еще раз предупредил конструктор и нажал какой-то рычажок.

В самом деле, раздался треск, сквозь который внезапно прорвался мощный голос: «...хозники Кубани взяли на себя обязательство сдать государству на три миллиона пудов больше, чем в прошлом году...» Игорь покрутил зубчатое колесико, и мощный голос сменился нежной печальной музыкой.

Приемник был замечательный. Женька попросил Игоря показать, какой он внутри. Игорь охотно отодвинул плексигласовую крышечку — она выдвигалась, как крышка пенала. Под ней я увидел батарейку от обыкновенного карманного фонаря, какие-то проволочки, металлические

трубочки и пуговики. Игорь объяснил, что трубочки — это конденсаторы, а пуговики вовсе не пуговики, а транзисторы, которые заменяют лампы.

Однако даже чудесный приемник не мог отвлечь меня от разных мыслей. Знал бы Игорь, знали бы ребята, чем занимались мы с Женькой эти два дня! Язык распухал у меня во рту, так хотелось мне рассказать всем об удивительной бумаге, написанной старцем Пафнутием. Пока мы плескались в воде, плавали наперегонки, мне приходилось не один раз сдерживать себя. «Держи язык за зубами», — сказал Женька. Если бы он знал, как трудно иногда бывает молчать!

Я не ошибся, решив, что Женька согласится на мой план — проверить самим, на месте ли сундук старца Пафнутия. Он согласился. И мы начали готовиться к раскопкам. Не простое это оказалось дело. Подготовиться надо было как следует. Во-первых, у нас с Женькой поднялся спор, когда идти в лес — днем или ночью. Я уверял его, что первое направление — на Полярную звезду — можно установить и по компасу. Но Женька говорил, что тогда расчеты могут оказаться неточными.

— Магнитное поле земли перемещается, — доказывал он. — Я в журнале читал. За триста лет знаешь какое могло получиться отклонение. А для нас разница хотя бы в метр на двести сажен к концу расчетов окажется уже метров в пять или шесть. А ведь нам еще считать на восток, снова на север и на запад. Представляешь, что будет? Да мы вовсе не туда, куда надо, забредем.

В конце концов мы решили, что пойдем в лес засветло и там, у Большого дуба, подождем полночи.

— Именно полночи, — настаивал Женька. — Как в бумаге сказано. Потом можно засечь направление и начать отсчеты. Уже когда будет светло. До восхода. А после взять направление на запад. Так будет точнее, и не придется копать наугад.

На этом мы и порешили.

Второе, что занимало нас, это незнакомые меры — сажени и аршины. Все, что я знал о них, — это пословицы «косая сажень в плечах» и «будто аршин проглотил».

— Может, в словаре каком-нибудь есть... — сказал я. Женька одобрительно хлопнул меня по плечу.

— Верно, Серега, молодец! Конечно, в энциклопедии должно быть об этих саженьях и аршинах.

Мы пошли в ту библиотеку, где взяли том Брема. Копаться в книгах долго нам не пришлось. Мы сразу же нашли и аршин и сажень. Оказалось, что в аршине семьсот одиннадцать и две десятых миллиметра, а попросту говоря — семьдесят один сантиметр. В сажени насчитывалось два метра и тринадцать сантиметров. В словаре было еще сказано «о морской сажени». Она равнялась одному метру восьмидесяти трем сантиметрам. Однако было сомнительно, чтобы сухопутный разбойник Пафнутий считал бы расстояние в морских саженьях. Что такое «косая сажень», мы не узнали — в словаре об этом ничего не говорилось.

И наконец, третье, что тревожило Женьку, — это найдем ли мы одни дорогу к Большому дубу. Но тут я его успокоил, рассказав, что в лесу засекал направление по азимутам, только умолчал, для чего это мне понадобилось. Я отлично помнил все цифры, но Женька все-таки беспокоился, не забуду ли я их со всеми нашими волнениями и хлопотами.

А хлопот и волнений было еще множество. Надо было запастись лопатами, купить новые батарейки для карманного фонаря, но самое главное — нужно было где-то насобирать больше чем на сто метров бечевки.

Мы долго думали, как нам в точности, без ошибок считать в лесу сажени и аршины. Просто шагами не считаешь — запросто можно ошибиться. Женька предложил было смастерить рейку — такую же, какими пользуются землемеры, вроде большого циркуля. Но где же в лесу развернуться с таким циркулем? Рулеткой тоже не слишком намеряешься. И тогда я придумал: нужна бечевка длиной в сто саженей. На бечевке такой длины можно отметить и пять десятков саженей, которые надо отмерять к востоку, и сто аршин, чтобы взять направление на запад. За эту выдумку я снова удостоился Женькиной похвалы.

— Молодец, Серега, хорошо придумал. Только надо, пожалуй, взять не сто саженей, а пятьдесят. На двести метров мы бечевки не найдем.

Я думаю, что в городе за три дня не осталось на улицах ни одной неподобранной веревочки. Мы искали бечевки на свалках, выпрашивали кусочки в магазинах у продавцов, перерыли кучу разного хлама в сарае, где тетя Даша хранила старые вещи, лазили на чердак и спускались в погреб. И все-таки до ста метров было далеко.

Шныряя по городу в поисках обрывков бечевки, мы как-то раз встретили Афанасия Гавриловича.

— А-а, соседи! — весело поздоровался он. — Что же в гости больше не заглядываете?

— Некогда, Афанасий Гаврилович, — смущенно ответил Женька.

— Ай-яй-яй, какие занятые люди! — покачал головою старый партизан.

Он начал расспрашивать нас, как наши дела, много ли мы наловили бабочек, допытывался, как здоровье тети Даши, а я крутил головой, шаря глазами по сторонам, нет ли где-нибудь бечевки. Вертеть головой и высматривать обрывки веревок стало за последние три дня у меня просто назойливой привычкой, вроде условного рефлекса.

Вдруг я заметил на противоположной стороне улицы худого, сутулого человека, который стоял и внимательно смотрел на нас. Он, верно, только что вышел из автобуса, который приехал со станции. На нем был серый старенький пиджак, на голове — коричневая кепка, в руке — небольшой чемодан. Он с таким напряжением смотрел на нас и на Афанасия Гавриловича, словно старался что-то усиленно вспомнить.

Афанасий Гаврилович не замечал этого незнакомца, потому что стоял к нему вполоборота, спиной. А тот буквально впился глазами в бывшего партизана.

Прощавшись с нами, Афанасий Гаврилович сказал, что на днях уезжает ненадолго по делам, что к его возвращению в саду поспеют ранние сорта яблок и что мы должны непременно зайти к нему, когда он вернется. Он зашагал по улице к своему дому, и я видел, что незнакомец на другой стороне все еще стоит неподвижно на тротуаре, сосредоточенно наморщив лоб.

Впрочем, я тотчас же забыл и об Афанасии Гавриловиче и о странном незнакомце с чемоданом, потому что

заметил под забором кусок грязного шпагата — метра в два.

И вот наступил день, когда в огромном мотке бечевки разной толщины, пестревшем разнообразными узлами и узелками, было ровно пятьдесят сажений — сто шесть метров и пятьдесят сантиметров. Двумя красными тряпочками, крепко завязанными в узелки, был отмечен на этом клубке семьдесят один метр — сто аршин. И как часто бывает, когда хорошая мысль приходит в голову слишком поздно, Женька, глядя на готовый клубок, хлопнул себя ладонью по лбу.

— Ну и бестолковые мы с тобой люди, Серега! Мучились, веревочки собирали. А забыли, что в чемодане у нас лежит метров на двести отличной лески! Сколько времени зря потратили!..

С жаром принялся я доказывать Женьке, что леску надо беречь. Может быть, мы еще пойдем с ребятами в лес, к озерам, где водятся здоровенные караси. Но в душе я понимал, что мой лучший друг Женька Вострецов прав. И спорил я зря. Самому себе хотел доказать, что не напрасно мы трудились, копались на свалке и не напрасно я рассадил до крови коленку, когда мы искали бечевку в сарае у тети Даши.

— Ладно, — сказал Женька, выслушав меня и махнув рукой. — Не сообразили вовремя — сами виноваты, — Он помолчал и сказал таким голосом, что у меня по спине пробежал тревожный холодок: — Сегодня после обеда можно отправляться.

НА ВЕЛИКУЮ ЗВЕЗДУ

О наших сборах и планах, разумеется, ничего не знали ни тетя Даша, ни Иван Кузьмич. А нам незачем было их в эти планы посвящать. Тете Даше мы решили оставить записку в нашей комнате на столике, чтобы она не беспокоилась, когда увидит, что наступила ночь, а нас еще нет дома.

После обеда тетя Даша прилегла отдохнуть, а Иван Кузьмич ушел к себе наверх.

— Пора, — сказал Женька, прислушавшись и убедившись, верно, что в доме все стихло.

Потихоньку выбрались мы из дома и прошмыгнули в сарай. Там за дровами лежало наше снаряжение. Все было на месте — и лопаты и два рюкзака. Никто не должен был знать, куда и зачем мы отправляемся. Даже в записке, которую мы оставили на столе в нашей комнате, говорилось, что мы просто уходим в ночную экскурсию.

Мы надели рюкзаки тут же, в сарае, и с лопатами в руках выскочили на улицу. Пробираясь вдоль заборов в зарослях крапивы и бурьяна, то и дело останавливаясь, прислушиваясь и оглядываясь, мы вышли из города окраинными улочками и переулками.

Речку мы перешли вброд далеко за песчаной косой, чтобы не встретить ненароком кого-нибудь из ребят, и очутились в поле. Тут уже опасаться больше было нечего. Не таясь, мы зашагали по тропинке к темневшему впереди лесу.

Хорошо было идти полем. Горячий воздух волнистыми струйками поднимался высоко в небо, где пели невидимки жаворонки. Казалось, что это поет само небо, и облака, и солнце. А в траве по обе стороны извилистой тропки, где среди поспевающего овса и гороха синели васильки, не умолкая стрекотали кузнечики, словно силились своим пустячным звоном померяться с песней солнца, неба и облаков.

— Ты, Серега, точно запомнил азимуты? — озабоченно спросил Женька. Это было первое, что он сказал за все время, пока мы выбирались из города.

— Точно... — с некоторым сомнением ответил я. — Значит, так. От тропки в лесу, где поваленное дерево, азимут сто четыре... Потом пень... Гнилушки... Возле этого пня — сто пятьдесят к юго-востоку... Тут Митя про болото сказал. Остановился у камня. Зеленый такой камень — мохом порос... От него на северо-восток. Азимут тридцать пять... Да я после вспомню.

— Ты сейчас вспоминай — после поздно будет.

Я стал добросовестно припоминать цифры азимутов. Но они поминутно перебивались в моей голове какими-то совсем другими мыслями.

— Жень, как ты думаешь, почему Иван Кузьмич молчит? Все-таки можно было бы поглядеть, на месте сундук

или нет. А он вот уже три дня ни гугу. Будто его это не касается.

— Ученые все такие, — сказал Женька. — Для них самое главное — наука. А о наградах, о деньгах всяких они даже и не думают. Ему, может, некогда было как следует эту записку разобрать, а то бы он давно все расшифровал. Я вот читал — был один ученый в древние времена в Греции. Диоген его звали. У него даже никакого дома не было — ни комнаты, ни квартиры. Он в бочке жил. К нему царь Александр Македонский пришел и говорит: «Проси, чего хочешь!» А Диоген посмотрел на него и попросил: «Если можешь, не загораживай мне солнце». Видишь, какие ученые бывают?

Разговаривая, мы незаметно подошли к опушке, где недавно с ребятами делали первый привал. Но на этот раз отдыхать мы не стали. Я совсем не чувствовал усталости. Цель была близка. Только вот до ночи еще далеко.

В лесу волей-неволей пришлось замедлить шаг. Мы с Женькой смотрели в оба, чтобы не пропустить то место, где я начал засекал азимуты. В чаще, справа и слева, было очень много поваленных деревьев — то ли их повалило ветром, то ли сами они упали, сгнившие у корня, в сырой, болотистой почве, но только я никак не мог узнать, где Митя свернул с тропки.

— Ну? — поминутно спрашивал Женька. — Это дерево? А может быть, вон то?

Я вертел головой во все стороны, но совершенно не узнавал места, словно мы зашли совсем не в ту сторону, куда нам было надо. К тому же еще нас тучей облепили комары. Они кусались так нещадно, что у меня все азимуты повывлетали из головы. Я бил себя по щекам, по шее, по лбу, по макушке. Я махал руками, как мельница крыльями, и, главное, никак не мог сосредоточиться, чтобы получше оглядеться по сторонам. Тревога, что мы заблудимся, кольнула меня в самое сердце. Я даже ощутил этот укол, как укус комара. И тотчас же увидел дерево. То самое! Я узнал его по плотным кустам можжевельника, разросшимся у сломанного пня.

— Вот оно, Женька! — закричал я, и звонкое лесное эхо повторило, отскакивая, как мяч от древесных стволов:

«...енька... енька... енька...» — Теперь можно идти по азимутам.

Проклятые комары! Это из-за них я пропустил несколько цифр азимутов. Потому-то мы и проблуждали с полчаса вокруг Большого дуба.

— Ну же, Серега!.. — подбадривал меня Женька. — Вспомни. Еще раз. Давай посидим немного, и ты постарайся вспомнить.

Хороший мой Женька! Он не ругал меня, зная, наверно, что мне нелегко. Он понимал, что запомнить два десятка цифр не просто, а руготней тут не поможешь. Я напрягал память, стараясь припомнить, в чем же была моя ошибка, какое направление я пропустил, какую цифру забыл, как вдруг кусты расступились и совершенно неожиданно перед нами вырос дуб. Громадный, могучий, он стоял неподвижно, и солнце касалось его верхушки.

— Вот он! — с восторгом закричал Женька, и снова лесное эхо подхватило и размножило этот торжествующий возглас, словно в лесной чаще притаились тысячи наших врагов, которые враз заорали: «Вот он!.. Вот он!.. Вот он!..»

Мы расположились под дубом и стали ждать темноты. Комары прямо озверели. Мы убивали их десятками, а на место убитых прилетали тысячи. Никогда не пойму, что за охота такая у комаров лететь на верную гибель только ради того, чтобы проткнуть своим хоботком мою или Женькину кожу, — ведь они не успевали попробовать даже капли нашей крови — мы были начеку, и хлопки раздавались, как в театре.

Становилось все темнее. С тревогой посмотрел я на небо. Вдруг наползут такие тучи, что мы не увидим Полярной звезды?.. Я крутил головой, глядя на небо, и первым увидел над верхушкой елки замерцавшую среди облаков звездочку.

— Гляди, Женька! — вскрикнул я. — Звезда!..

Мы спрятали наши рюкзаки в можжевельнике, достали бечевку и привязали конец к дубу. Все было готово. Среди разорванных облаков тускло мерпали семь звездочек — ковш Большой Медведицы. Стало совсем темно: была пора новолуния.

— Ну-ка, давай сверим по компасу, — сказал Женька. — Есть или нет расхождение с Полярной звездой.

Я вынул компас и положил его на ладонь. Стрелка, покачавшись, остановилась. Синий кончик указывал точно на звезду, без всяких отклонений. Значит, все-таки можно было искать днем. Я чуть было не сказал Женьке, что надо подождать до утра. Но разве могли бы мы сейчас, когда до старинного драгоценного клада оставалась какая-нибудь тысяча шагов — семьсот сорок пять метров и пятьдесят сантиметров, — сидеть и ждать сложа руки рассвета!

— Пошли, — сказал Женька.

Он зашагал вперед, разматывая клубок бечевки. Я шел за ним, неся лопаты. Женьке, конечно, приходилось труднее, чем мне. Клубок был тяжел, и обе руки у Женьки оказались заняты. Ему нечем было отмахиваться от комаров. А я продолжал их лупить изо всей силы. Правда, мне тоже было нелегко — лопаты все время цеплялись за ветки и стволы деревьев.

— Вот черт! — выругался Женька. Он налетел на колючую стену можжевельника. — Серега, зажигай фонарик.

Теперь и у меня оказались занятыми обе руки. Чтобы отогнать несносных комаров, я мог лишь мотать головой да визжать, что, впрочем, на них совершенно не действовало.

— Обойти надо, — сказал я, подойдя к колючим зарослям.

— Направление потеряем, — возразил Женька. — Придется напрямик. — И он, отдуваясь, словно окунаясь в ледяную воду, полез сквозь заросли колючих веток. — Иди за мной.

Я полез вслед за Женькой и сразу же за кустами попал в крапиву. Меня обожгло, будто кипятком.

— Жень, крапива...

— «Крапива»! — передразнил он. — Ты думаешь, я железный? Между прочим, Джордано Бруно и вовсе на костре сгорел, но не сдался. И наверно, не орал так, как ты. И Жанна Д'Арк... — говорил в темноте Женька. — Святая инквизиция, она, знаешь... Ой, жжется, гадина!..

Не меньше часа пробирались мы сквозь чащу, спотыкаясь о кочки, проваливаясь в какие-то ямы, натываясь на деревья. Я разорвал рубашку, и на руках моих, наверно, можно было насчитать десятка два ссадин и синяков. Женька больше не вспоминал о жертвах инквизиции.

Он шел молча. Я продирался за ним, светя фонариком и придерживаясь одним пальцем за бечевку, которую Женька то и дело натягивал, останавливаясь и поглядывая на небо. Только один раз, когда я застонал, оцарапавшись об острый сучок, он сказал ободряюще:

— Ничего, Серега, потерпи. «Идущий вперед — достигнет цели!..»

Наконец весь клубок был размотан. Теперь надо было идти назад, к дубу, отвязать там конец бечевки и вернуться, чтобы снова, привязав бечевку за какое-нибудь дерево, отсчитать следующие пятьдесят саженей.

— Я пойду, — сказал Женька. — Давай фонарик. А ты покрепче тут привяжи бечевку, чтобы не оторвалась. Я по ней назад вернусь.

Он исчез в кустах. Некоторое время я видел желтый свет, прыгающий среди качающихся теней. Потом этот свет растворился в непроглядной лесной чащобе. Я остался один.

До чего жутко было стоять в темноте! Я боялся пошевелиться. Комары сразу же облепили меня всего, и я пожалел, что не вызвался пойти к Большому дубу вместо Женьки. Вдруг что-то захлопало рядом, затрещали ветки. Без памяти кинулся я в сторону, ударился лбом о дерево, расцарапал щеку о сучок и ничком упал в траву. Меня трясло. Сердце стучало, как барабан.

Долго лежал я так, боясь пошевелиться. Мне казалось, что кто-то черный и громадный надвигается на меня, вот-вот схватит за шиворот. От страха я даже перестал чувствовать укусы комаров. И какую же радость, какое же облегчение испытал, когда услышал, наконец, Женькин голос:

— Эй, Серега, ты где?

Свет фонаря шарил вокруг. Я бросился на этот свет, стуча зубами, натываясь на ветки. Женька посветил фонариком мне в лицо.

— Ты что? С дерева свалился?

— Тут... Тут хлопает что-то... кто-то... хлопает... — трясясь, как в лихорадке, ответил я.

Женька засмеялся.

— Ну и трус же ты, Серега! Это, наверно, птица какая-нибудь.

— Н-ничего я не трус... — лязгая зубами, сказал я. — Только одному в темноте стоять... это, знаешь...

— Ладно, — сказал Женька. — Больше стоять не придется. Я одну штуку придумал, пока к дубу ходил. Будем веревку за колышек привязывать. Дернем — он и выскочит.

Мы смотали бечевку в клубок и конец ее привязали к колышку, который Женька при свете фонарика вбил в землю лотком лопаты. Все мои страхи прошли — Женька был рядом.

Клубок становился все меньше и, наконец, размотался совсем. Женька дернул бечевку посильнее. Она ослабла — колышек выскочил. Мы снова смотали ее в клубок и опять двинулись вперед. Так и шли мы — Женька первым, я за ним — все дальше и дальше в чащу леса, все ближе к нашей тайне.

На востоке небо уже посветлело. Мне показалось, что идти стало легче. Наверно, тот путь, который мы прошли

по лесу, закалил меня. Да и лес как будто начал редеть. Я не чувствовал усталости, и спать совсем не хотелось. Только надоедливые комары по-прежнему звенели над нами. Но даже их укусы как будто стали не такими злыми и болезненными. А Полярная звезда все еще сияла на небе среди светлеющих легких облаков.

С каждым шагом я все больше и больше волновался. Мы прошли еще двести метров на север. Руки мои были исцарапаны в кровь и исколоты хвоей, но я не чувствовал боли так же, как не замечал больше комариных укусов. Все мысли мои были заняты таинственным сундуком старца Пафнутия. Должно быть, и Женька тоже волновался.

— Ну, Серега, — сказал он хрипло, — мы почти у цели.

И в это время над нами погасла великая звезда. Впрочем, она, конечно, не погасла, а просто скрылась за сплошной пеленой тумана, выползшего из кустов и овражков. Совсем уже рассвело, но вокруг ничего не было видно.

Нам оставалось отмерить только семьдесят один метр — сто аршин к западу.

— Жень, — сказал я, дрожа от волнения. — Можно, теперь я впереди пойду?

— Ладно, иди, — согласился Женька и уступил мне дорогу.

На этот раз я не стал вбивать колышек, а просто привязал конец бечевки к тонкому деревцу. Потом наметил направление по компасу на запад и крепко прижал к себе отяжелевший, намокший от росы клубок.

Серый туман клубился среди деревьев. Мне казалось, что сделай я еще один шаг — и наткнусь на него, как на стену. Из этой стены то и дело высывалась то острая ветка, то еловая лапа. Потом все исчезло. Наверно, мы вышли на поляну. И вдруг нога моя на мгновение повисла в пустоте. Землю словно кто-то выдернул из-под меня, и с отчаянным криком, кувыркаясь, выпустив из рук клубок и компас, я полетел куда-то. Что-то хлестнуло меня по лицу, осыпало градом холодных брызг, ударило по затылку.

Оглушенный, еще не соображая, что произошло, я лежал среди бугров. Сильно болела коленка. Саднило локоть.

— Эй, Серега! — донесся до меня откуда-то сверху Женькин голос.

Я ответил не сразу, и он еще долго окликал меня. Наконец, собравшись с силами, я простонал:

— Здесь я, Женя!.. В какую-то яму свалился.

— Это не яма, — сказал сверху Женька. — Это обрыв. Ты в какой-то овраг угодил. Ну, ничего, я сейчас к тебе спущусь. Ты только не молчи, чтобы я по голосу нашел. Говори чего-нибудь.

— Что говорить? — спросил я жалобно.

— Да что хочешь. Стихи какие-нибудь читай. Или пой...

— Сдурел ты, Женька! Сам бы так закувыркался! Послушал бы я твои песни. Хорошо еще, что здесь камней нет, а то бы вместо сундука ты меня домой потащил...

Сверху посыпались комки земли, и из тумана, как привидение, возник Женька.

— Вот и я! — ободряюще закричал он и спросил заботливо: — Ноги-то целы?

— Целы. Коленку только ушиб.

— А клубок где?

— Выронил. И компас тоже.

— Надо найти веревку.

Женька присел на корточки и стал шарить вокруг руками. Потом он уполз в туман и вскоре появился опять.

— Вот она, веревка. Ты, Серега, не заметил, в какую сторону кувыркался? На запад или нет?

— Только мне и дел было — замечать...

— Ладно. Веревка здесь. А ты, Серега, может быть, сейчас прямо на сундуке сидишь. Соображаешь?

Я даже подскочил. Неужели как раз в том месте, где я упал, и спрятал разбойник Пафнутий свой клад?..

— Придется восхода ждать, — сказал Женька. — Если бы компас был, можно было бы проверить точно направление нашей бечевки, а так...

Он уселся рядом со мной на кочку и посмотрел на небо. Потом отвернул мокрый рукав своей куртки и взглянул на часы.

— Ничего, недолго осталось ждать. Скоро — солнце.

Туман клубился вокруг. Не было видно ни деревьев, ни кустов, ни облаков на небе, ни звезд, которые, наверно,

уже начали меркнуть. Все скрылось в тумане. И хотя Женька сидел в двух шагах от меня, я видел его, как сквозь мутное стекло.

Тихо плыл передо мною туман, словно я сидел не на кочке в овраге, а на облаке, и оно покачивалось и тоже плыло куда-то, неся меня все выше, все выше...

Внезапно туман передо мной, клубясь, взвился вверх, как пар над кипящим чайником, если поднять крышку. Совершенно ясно увидел я мохнатые лапы елок, белые стволы берез, оранжевые сосны. Над березами, над соснами и елками высилась вершина дуба. Почему же мы вдруг очутились на поляне около Большого дуба? Где же овраг? Где склон, по которому я катился кувырком вниз?

Я обернулся к Женьке и чуть не закричал от ужаса. Вместо Женьки передо мною стоял косматый старик с длинными, до самой земли, руками. На старике были лохмотья, которые колыхались, как туман. «Иди сюда...» — позвал старик, и голос его прозвучал, как в пустой бочке. Ноги мои словно примерзли к земле. Я не мог двинуться с места. Тогда старик засмеялся и нагнулся, шаря перед собою длинными руками. И я увидел, что перед ним зияет огромная яма, до краев наполненная красной, спелой клубникой. Он стал доставать ягоды из ямы и швырять ими в меня, целясь в голову, в плечи. Я увертывался, а старик все швырял и швырял, спрашивая: «Хватит тебе? Хватит?.. Хватит?..» И ягоды превращались в драгоценные камни, в золотые монеты и прыгали по траве, как мячики. Они громоздились передо мной. Вот уже ноги мои до колен погружены в сверкающие камни, в золотые монеты. А старик все швырял и швырял их горстями и все спрашивал: «Хватит? Хватит?..»

В ужасе я закричал изо всех сил, и от этого крика страшный старик исчез. Вместо него я увидел Женьку. Он смеялся и тряс меня за плечо.

— Хватит спать, хватит! — кричал он мне в самое ухо. — Солнце уже взошло! Хватит спать, Серега!

Я очумело посмотрел и на него и вокруг. Туман и впрямь исчез. Над моей головой синело небо без единого облачка. Но и поляны и Большого дуба тоже не было. Я сидел на дне глубокого оврага. Далеко ввысь, под самое

небо, уходили крутые склоны, поросшие кустарником. А сверху заглядывали в овраг мохнатые елки, и на вершине одной из них золотился первый солнечный луч. Что-то знакомое почудилось мне в этих сумрачных елях, в этих крутых склонах.

— Женька! — вскрикнул я. — Это же Волчий лог!..

— Точно, — ответил Женька. — Волчий лог и есть.

Несколько минут я еще не мог очухаться — все старался сообразить, где сон и где явь. Но лопата, которую Женька сунул мне в руки, была настоящая. Значит, страшного старика и яму с клубникой я видел во сне? Но как же я заснул? Спать-то совсем не хотелось.

Женька взял вторую лопату и поплевал на ладони.

— Ну, Серега, даешь сундук!

НАХОДКА

Женька орудовал своей лопатой очень ловко, далеко отшвыривая комки земли. С каждым взмахом лопаты яма становилась все глубже и шире. У меня получалось хуже. Я старался поддеть на лоток побольше, но пока размахивался, чтобы отшвырнуть землю, она вся сыпалась назад в яму, а то и мне за шиворот. Попадало и Женьке. Один раз, не рассчитав замаха, я осыпал его землей с головы до ног. Минут пять, должно быть, он отфыркивался, отплевывался и ерошил волосы, вытряхивая из них песок.

— Знаешь что, копатель, — сердито сказал он. — Посиди-ка, я один поработаю.

Он стал копать один, а я ждал, заглядывая в яму, не покажется ли крышка сундука, и отмахиваясь от комаров. Я даже очень отчетливо представлял себе эту крышку — потемневшую от времени, стянутую медными полосами. А может быть, за триста лет дерево давно сгнило и Женька сейчас начнет вышвыривать лопатой из ямы золотые ефимки, красные лалы и круглые морские перлы.

— Женька, — говорил я, волнуясь. — А для чего это Пафнутию понадобилось зарывать свои сокровища?

— Монахам денег не полагалось, — отвечал Женька, работая лопатой.

— А я вот в книжках читал — как монах или поп, так обязательно жулик.

— Так он и был жулик. Разбойник ведь...

Когда Женька утомился, за лопату взялся я. Яма была уже глубока — почти мне до колен. А я углубил ее еще на полтора лотка лопаты. Сундук что-то не показывался.

— На месте того атамана, — сказал Женька, — я бы ни за что такое место не выбрал. Уж если закапывать, то вон там, на откосе... — Он показал на склон оврага, где торчал одинокий кустик.

— А может, он так и подумал, — ответил я. — Решил, что в таком месте искать не станут. Хитрый был небось бандит...

Солнце поднималось все выше. Стало жарко. Я снял куртку, но минут через пятнадцать стянул и рубаху.

— Ничего не понимаю, — бормотал Женька. — Где же сундук?

Лицо у него было все искусано комарами и даже как будто опухло, а от этого казалось еще больше удивленным.

— Наверно, глубоко зарыт, — сказал я.

Я уже порядком намахался лопатой. Женька снова сменил меня. Он решил теперь копать не вглубь, а вширь.

— Ты только подумай, Серега, — говорил он. — Сундук где-то здесь, совсем близко. Еще, может быть, чуть-чуть копнем — и вот он.

— Конечно, — соглашался я. — Может быть, еще совсем немножко.

Когда Женькины часы показывали двенадцать, мы оба были уже без сил. У меня ломило спину, руки, шею... Нестерпимо болела голова. Зудило все тело от комариных укусов. А солнце жгло всюду, вонзая в тело тысячи раскаленных иголок. Яма наша была уже так глубока и широка, что в нее, пожалуй, можно было бы уместить фундамент небольшого дома. Ужасно хотелось пить. Язык царапался во рту.

— Жень, — сказал я, не узнавая своего хриплого голоса, — давай поищем в лесу озерко какое-нибудь или ручей. Помнишь, Митя говорил, тут где-то болото.

— Нельзя пить из болота, — сказал Женька. — Там малярия.

— Ну и пускай. Тут столько комаров, что нас уже, наверно, миллионы малярийных покусали. И вообще малярия только через кровь передается.

Не ответив мне, Женька с ожесточением стал швырять землю. Я знал, что он тоже умирает от усталости и жажды. Наверно, у него так же, как у меня, ломило спину. Может быть, даже сильнее — ведь он работал больше меня. Но он не жаловался. Такой уж он человек, мой друг Женька Вострецов.

Прошел еще час, который мне показался целыми сутками. Сменив Женьку, я едва цеплял землю самым кончиком лотка. Силы кончились. А пить хотелось все сильнее.

— Слушай, Серега, — сказал Женька и полез в карман. — Может быть, мы что-нибудь неправильно сосчитали? Или веревка вытянулась от росы. Давай проверим еще раз.

Он достал бумажки — переписанную мной шифровку и расшифрованный текст.

— Значит, так... — бормотал он. — «На великую звезду... два ста сажен...» Это значит четыреста, и еще тринадцать на двести... Двадцать шесть метров... Все верно. — И вдруг брови его поползли вверх, а глаза стали большими и круглыми. — Серега! — прошептал Женька. — Смотри, Серега!..

Этот шепот напугал меня. Я выскочил из ямы и, подойдя к Женьке, заглянул в бумагу. В ней не было ничего нового. Все те же строчки, те же слова.

— Что, Жень?

— А то... — упавшим голосом сказал Женька. — Старик-то над нами подшутил.

— Какой старик?

— Иван Кузьмич, вот какой.

— К-как п-подшутил?

— А вот так. — Женька сунул бумагу мне под нос. — Погляди внимательно.

Я поглядел так внимательно, что у меня чуть глаза не выскочили.

— А что! Все нормально.

— Эх ты!.. «Нормально»!.. В том-то и дело, что ненормально. Ты, что же, думаешь, триста лет назад писали так же, как сейчас пишут? Тогда в письме были разные

«яти», «и» с точкой, «фиты», «ижицы»... В конце слова с твердым окончанием что ставили?

— «Ер», — сказал я тихо. — «Ер» — твердый знак.

— В том-то и дело, что твердый. А тут в бумаге есть хоть один твердый знак?

— Может быть, это я... я не поставил?

— Ты не поставил? Как бы не так! Вот она, шифровка. Все в точности. А год? «В лето от рождения Христова одна тысяча шестьсот пятьдесят седьмое»... Такого и года-то не могло быть.

— Как это не могло?

— Историк тоже! Когда наш современный календарь в России появился?

— П-при П-петре... При Петре Первом.

— То-то и оно! В тысяча семисотом году. А до тех пор считали «от сотворения мира». Как же этот монах мог знать о петровском календаре за целых сорок три года до его появления?

В глазах у меня завертелись розовые круги.

— Жень, — просипел я, сам чувствуя, что говорю безнадежную глупость. — А может, тот монах как-нибудь западному считал? Они, знаешь, какие хитрые были, монахи, — порох изобрели и вообще... А этот еще и разбойничал... Значит, того хитрее.

Я облизнул пересохшие губы. Женька махнул рукой.

— Конечно, — рассуждал он вслух. — Ивану Кузьмичу для работы тишина необходима. А мы с тобой, Серега, последние дни, пока дождь шел, так возились, что уж какая тут тишина. Вот он и решил засадить нас за тихое дело. Чтобы не бузили. Я тогда еще подумал, что здесь что-то не так...

На лбу у Женьки сидел комар, который уже здорово насосался крови, но Женька этого не замечал. Да и мне было не до комаров.

— Значит... он... нарочно... — прошептал я.

— А ты думал, нечаянно? — Женька усмехнулся. — И бумагу он достал в продовольственном магазине — там в такую масло заворачивают. А мы-то думали — древний пергамент...

— Ой, Женька, верно! Он еще у тети Даши тушь спрашивал! Вот она — тушь... Он ее просто водой разбавил.

А мы-то вообразили, что это старинные чернила от времени выцвели!

— Сами мы выцвели... — сказал Женька. — Мозги у нас выцвели. Поверили в клады, как маленькие... А он себе сидит небось да посмеивается. Надул дураков. Эх, прийти бы домой да сказать: «А мы нашли!» Нашли сундук старца Пафнутия. Вот бы он глаза-то вытаращил!..

Женька с досадой изо всех сил вонзил лопату в землю, и тотчас же мы услышали странный короткий звук — лопата обо что-то звякнула.

.

Сейчас, вспоминая обо всем этом, я не могу понять, почему в тот миг оба мы подумали об одном и том же. После Женька сказал мне, что у него, как и у меня, промелькнула одна мысль: «Сундук!..» А ведь и он и я — оба мы уже были уверены, что никакого клада не было и не могло быть, так же, как никогда на свете не было никакого разбойника — монаха Пафнутия. Но может быть, если бы не эта одновременно мелькнувшая у нас мысль, мы бы не кинулись разом и не стали бы руками разрывать землю, забыв об усталости. Если бы не эта мысль, мы бы, наверно, вернулись из Зареченска к себе в город с одной лишь коллекцией бабочек.

Но все произошло именно так. Мы с Женькой, разом присев на корточки, стали яростно разгребать землю, царапая руки и ломая ногти. Я слышал рядом прерывистое, частое дыхание Женьки, и сердце мое колотилось бешено и громко.

Ямка становилась все глубже, и вот я ощутил под рукою что-то твердое, холодное и круглое. Еще мгновение, и, ухватившись оба, мы вытащили какой-то странный предмет, похожий на облепленную землей большую бутылку.

— Все... — произнес я растерянно.

Женька со всех сторон внимательно осмотрел нашу непонятную находку, стер налившуюся землю. Теперь я увидел, что предмет этот походит не на бутылку, а на кусок железной трубы, такой толстой, что я, пожалуй, мог бы засунуть в нее кулак. Впрочем, сунуть в эту трубу кулак было невозможно, потому что с одной стороны труба ока-

залась сплюсненной, а с другой — закрыта плоским донышком с чуть выступавшим краем.

— Жень, что это? — спросил я.

— Гильза от снаряда, — ответил Женька, и в голосе его прозвучало разочарование. — С войны осталась.

— Настоящий бы снаряд найти, — сказал я. — Целый. Вот небось жажнул бы, так жажнул...

Женька размахнулся было, чтобы запустить подальше эту артиллерийскую гильзу, пролежавшую в земле так много лет, но вдруг рука его замерла в воздухе. Он поднес гильзу к уху и несколько раз встряхнул, прислушиваясь.

— А в ней что-то шуршит, Серега.

— Земля, наверно, набилась.

— Скажешь тоже! Как же она набилась, если ее будто бы нарочно сплюснули — даже палец не просунешь. Дай-ка ножик.

Ловко вставляя в щель то лезвие ножа, то рукоятку, Женька все больше расширял отверстие между сплюсненными стенками гильзы. Сначала в него можно было просунуть палец, потом два... Женька дал мне подержать ножик и снова встряхнул гильзу.

— Серега, там какие-то бумаги... Ну-ка, дай сюда лопату.

Острым углом крепкого лотка лопаты Женьке удалось еще чуть-чуть расширить отверстие. Осторожно встряхивая гильзу, он извлек из нее полуистлевший листок бумаги, покрытый торопливыми кривыми буквами.

— Письмо какое-то, — пробормотал Женька, повертев листок в руке.

— Шифром? — спросил я.

— Буквами. Только они стерлись. — Женька низко наклонился, вглядываясь в листок и шевеля губами: — «...рищи... на... лго... жить... погиб... не сдадим... нас... жили... карате...» Серега! — вдруг

закричал он. — Серега! Это партизанская записка!.. Это партизаны!.. Те самые!.. Ты понимаешь, Серега?

Но я еще ничего не понимал. Должно быть, от жары и усталости у меня стала плохо соображать голова. А Женька, волнуясь, уже читал по складам:

— «Товарищи! Нам недолго осталось жить... Мы решили, что все погибнем, но не сдадимся...» Теперь понял? — спросил он, быстро взглянув на меня, и продолжал читать: — «...Нас окружили. Карателей много. Нас осталось пятеро...» — Женька остановился, чтобы перевести дух.

И тут я все понял. Я догадался, наконец, чья это была записка, кто положил ее в стреляную гильзу от артиллерийского снаряда и сплющил гильзу, может быть ударив по ней прикладом автомата или винтовки. И как это я не сообразил сразу? Да, конечно!.. Их осталось пятеро. И четверо, должно быть, прикрывали огнем товарища своего — партизана, который, торопясь, написал на обрывке бумаги письмо ко всем, кто останется в живых после войны.

Ошеломленный, я посмотрел на Женьку. Он силился разобрать какое-то стершееся слово, наморщив лоб, нетерпеливо топая ногой. Потом, видно решив, что слова все равно не разгадать, снова встряхнул гильзу. Из нее выпала какая-то книжечка. Согнутая в трубку — по форме гильзы, она оказалась тоненькой и так затвердела от времени, что Женька с трудом разогнул ее. Один краешек у книжки был разорван, словно его отхватили щипцами. Бурая от сырости, эта книжка когда-то, наверно, была красного цвета. Какие-то едва заметные черточки и полоски различил я на ней и догадался, что это буквы. Некоторые из них, если как следует взглядеться, еще можно было разобрать: «...союзная», «...ическая...», «парт...»

— Партийный билет... — прошептал я, сообразив, что означают эти буквы. — «Всесоюзная Коммунистическая партия...»

Открыть книжку оказалось невозможно. Странички ее слиплись так, словно их намазали клеем.

— Здорово ее сыростью схватило, — сказал я.

— Сыростью? — Голос Женьки прозвучал странно, не знакомо. Я взглянул на него и вздрогнул. — Нет, Серега, это не от сырости, — сказал Женька. — Билет пробит пулей. Это кровь...

СКВОЗЬ ПЯТНА КРОВИ

Пораженные, молча стояли мы и в оцепенении смотрели друг на друга. Но вот я словно очнулся от сна. И тогда сквозь тишину услышал далеко-далеко чей-то протяжный крик. Мне показалось, будто бы кто-то зовет меня по имени: «Сережа-а! Сережа-а!..» Я прислушался. Но крик не повторился больше.

— Ты слышал? — спросил я у Женьки.

— Вроде кричал кто-то... — ответил он.

Вдали опять раздался чей-то протяжный крик. На этот раз как будто ближе:

— Эге-ге-гей! Женья!.. Сережа-а-а!..

— Эгей!.. — откликнулись мы разом. — Эге-ге-гей!..

Я уже узнал голос Мити. А вскоре и сам Митя появился на гребне оврага среди кустов можжевельника. Вслед за ним высыпали к Волчьему логу Федя, Тарас, очкастый Игорь.

— Вот они!.. — закричал Федя.

Он первый юрким шариком скатился по склону. За ним сбежали вниз Митя, Игорь. Толстый, неповоротливый Тарас стал спускаться, хватаясь за кустики.

— Смотрите! — кричал Федя, покатываясь со смеху. — Вот так ямищу вырыли! Ну что, нашли сундук?

Я оторопел. Откуда Федя знает о сундуке?

— Тетя Даша чуть с ума не сошла, — сказал Митя. — Ушли, никого не предупредили. Ну, Иван Кузьмич сразу догадался, куда вы пошли. Вот мы и отправились на розыски.

— Как же так? — Я с изумлением обернулся к Женьке. — Ведь мы записку оставили.

— Записку? — Теперь уже удивился Митя.

— Ну да! На столе в комнате. Специально для тети Даши.

— Никакой записки она не находила.

— Нет, пусть они скажут, нашли сундук или нет! — перебив Митю, закричал Федя. — Где ефимки! Где перлы морские! Покажите! Никогда настоящего клада не видел!

— А это ты видел? — вдруг резко спросил Женька, сунув прямо в лицо хохочущему Феде снарядную гильзу,

клочок бумаги с карандашными строчками и пробитый пулей партийный билет.

От неожиданности Федя умолк, словно поперхнулся, и отпрянул назад. А покрасневшийся Женька наступал на него, размахивая гильзой, будто дубинкой.

— Ты это видел? — свирепо спрашивал он. — Это тебе лалы, да? Это тебе ефимки? Это перлы?

Наверное, Женька загнал бы маленького Федю на дерево — так он был рассержен. Но ребята уже обступили моего друга со всех сторон, стараясь разглядеть, что это он держит в руках.

— У-у... — разочарованно протянул Тарас. — Таких гильз по всему лесу тысячи раскиданы. Еще с войны остались.

Между тем Митя внимательно разглядывал партийный билет. Раскрыть его он, как и мы с Женькой, не мог, но, видно, сразу понял, что это такое.

— Где нашли? — спросил он.

— В гильзе в этой, — ответил Женька. — Там еще что-то есть. Наверно, партизаны спрятали от немцев.

Митя сильно встряхнул гильзу. Из нее выпала покоробленная книжечка. Женька подхватил эту книжечку на лету, и я увидел на обложке отчетливый силуэт Ленина.

— Комсомольский билет... — сказал Митя.

Присев на корточки, он расстелил на траве Женькину куртку и стал вытряхивать на нее из гильзы все, что там было.

— Держите, чтобы ничего не улетело, — строго сказал он. — Это, знаете, поважнее всяких сундуков...

Молча стояли мы вокруг Мити и смотрели, как из артиллерийской гильзы одна за другой падают на Женькину куртку свернутые бумажки, какие-то книжечки и совершенно бесформенные комки.

Наконец в гильзе не осталось больше ничего. И все-таки Митя не бросил ее. Он отломил от куста ветку, очистил ее от листьев, просунул в отверстие гильзы и осторожно пошевелил там, пока не убедился, что гильза совершенно пуста. Но и тогда Митя не зашвырнул ее в кусты, а бережно положил на траву, сказав, что ее надо взять с собой.

Пока он исследовал гильзу, мы рассматривали то, что

кучкой лежало на Женькиной куртке. Тут было еще два партийных билета, три комсомольских, четыре красноармейские книжки, какие-то непонятные бумажки, исписанные чернилами, расплывшимися по строчкам так, что прочесть ничего было нельзя. Была тут еще орденская книжка, какая-то справка, отпечатанная на бланке, и небольшое удостоверение, на котором можно было разобрать слово «пропуск».

— Надо все это Афанасию Гавриловичу показать, — сказал я.

— Ну д-да!.. — возразил Федя. — К нему не сунешься. С-собачница злющая. Мы с Тарасом прошлой осенью за яблоками полезли... Т-так она, вредная, все штаны нам изорвала.

— А нас ничего, не тронула, — сказал я. — На цепи сидела.

— Вот вы к нему и идите, — решил Митя. — Нас-то он на порог не пустит. А вы — другое дело. Афанасий Гаврилович к вашей тете Даше сватался.

— Сватался?! — удивленно воскликнул Женька.

— Ага, — подтвердил Федя. — Т-только она ему — от ворот поворот. А ты думаешь, почему он вас клубничкой угощает? Наверно, снова будет с-свататься.

Вот так новости! Никогда бы не мог себе представить тетю Дашу в роли невесты. Я думал, что невесты бывают только молодые. А тете Даше уже за сорок. Но почему же все-таки она не согласилась выйти замуж за Афанасия Гавриловича? Такая одинокая, никого у нее нет...

— Ладно, ребята, — сказал Митя. — Там видно будет. А сейчас надо в город возвращаться.

Завернув все найденные нами бумаги в мою майку и захватив с собою гильзу, мы стали подниматься по склону Волчьего лога. Без особого труда вышли мы к Большому дубу, отыскивали в кустах наши рюкзаки и, даже не присев, чтобы отдохнуть, двинулись следом за Митей по знакомой тропинке.

Не стану рассказывать о той буре, с какой встретила нас тетя Даша. Это был настоящий шторм, тайфун, ураган — с громом и молнией. Громыхали тарелки, ложки и вилки, когда тетя Даша накрывала на стол. Тучей поднимался к потолку пар из кастрюли с борщом, при виде

которой у меня потекли слюнки — как-никак, а мы ведь не ели уже почти целые сутки...

— Хватит с меня своих забот, — говорила тетя Даша. — Я всю ночь по городу бегала — и в милиции была и в больнице. Водолазов хотели вызывать — думали, что вы утонули. Виданное ли дело — к Большому дубу ночью идти! Да там болота такие: с тропки сошел — и поминай, как звали!.. Нет, довольно! Завтра же отправлю вас домой. Пусть ваши родители с ног сбиваются да валерьянку пьют...

Напрасно пытались мы объяснить, что на столике в нашей комнате оставили записку, что в болото не могли угодить, потому что я запомнил азимуты. Тетя Даша слушать ничего не хотела.

— Никаких записок я не находила. Да и живу, кажется, не за семь верст — можно было и без записок обойтись.

— Так ведь это же тайна была, тетя Даша, — настаивал Женька.

— Вы меня этой вашей тайной чуть до инфаркта не довели.

Наверно, тетя Даша непременно выполнила бы свою угрозу и действительно отправила бы нас домой, если бы неожиданно не пришла подмога в лице Ивана Кузьмича.

Он вернулся с обычной своей прогулки, когда мы, сидя за столом и от слов тети Даши оба сразу потеряв аппетит, уныло болтали ложками в тарелках.

— А, искатели древних кладов! Живы и здоровы?

Женька мрачно взглянул на него и отвернулся.

— Ну, не сердитесь, не сердитесь, — сказал Иван Кузьмич, присаживаясь рядом со мной. — И вы, Дарья Петровна, их не ругайте. Ведь, по совести говоря, это я во всем виноват. Не мог, знаете ли, придумать, чем занять наших рыцарей в дождливую погоду. Ну, а тут и подвернулся мне твой, Сережа, Шерлок Холмс. Пляшущие человечки... Вот я и подумал: незачем, мол, таким деятельным молодым людям сидеть да скучать — дам-ка я им работу... Но, признаться, я никак не предполагал, что вы уйдете ночью в лес разыскивать древний клад.

— Да пусть бы шли, — вмешалась тетя Даша. — Только предупредить надо.

— Если бы вы записку нашли... — угрюмо пробормотал Женька.

— Позвольте, позвольте! — воскликнул Иван Кузьмич. — Не это ли послание вы оставили? Только что нашел. Зацепилось за ветку сирени.

Он порылся в карманах и положил на стол нашу записку.

— Она! — торжествующе заорал Женька, взмахнув руками и задев тарелку так, что борщ чуть не выплеснулся из нее на скатерть.

Тетя Даша взяла листок и повертела его перед глазами.

— Вам, друзья, надо было все-таки позаботиться, чтобы такую важную записку не унесло ветром, — сказал Иван Кузьмич, хитро прищуривая глаза под лохматыми бровями. — Я ведь нашел этот листок вон на том кусте сирени. — Он всем телом повернулся к тете Даше. — Вот видите, Дарья Петровна, мальчики не так уж виноваты. Я виновен куда больше. Они позаботились о том, чтобы вы не волновались. А вот я об этом не подумал. Так что меня казнить надо, а не их.

Не знаю, заступничество ли Ивана Кузьмича или вид нашей злополучной записки так подействовали на тетю Дашу, только она улыбнулась и сказала, видно, совсем перестав сердиться:

— Ладно уж, никого казнить не буду. — И, покачав головой, добавила: — Надо же такое придумать — клады, разбойники. Такое и в кино редко увидишь.

У нас с Женькой в единый миг появился волчий аппетит. Мгновенно очистив свои тарелки, мы попросили добавки и, уписывая вторую порцию борща, наперебой, захлебываясь словами и давясь капустой, рассказывали Ивану Кузьмичу и тете Даше про нашу необычайную находку.

Пока мы ели второе, тетя Даша и Иван Кузьмич разглядывали бумаги и документы, которые Женька вывалил из майки на стол. Тетя Даша перебирала их с любопытством, кажется, не понимая еще, что это за бумажки, а на лицо Ивана Кузьмича стоило посмотреть. Было ясно, что старый жилец поражен. Понятное дело: ведь он никак не ожидал, что в указанном им наугад месте мы что-нибудь найдем. И вдруг!.. Есть чему удивиться. Однако с каждой минутой лицо Ивана Кузьмича становилось все серьезнее.

Старик пощипывал бородку, и густые брови нависли над его глазами, точно два шалашика.

— М-да... — произнес он, откидываясь на спинку стула, и вдруг, хлопнув себя ладонями по коленям, воскликнул: — Поразительно! Невероятно! — Потом — наклонившись к нам: — Да понимаете ли вы, какой бесценный клад нашли?

Кажется, он удивился, когда Женька, уверенно потряхнув головой, ответил:

— Конечно, понимаем.

— И что же вы собираетесь делать с этими бумагами?

— Расшифруем, — сказал Женька и добавил с усмешкой: — У нас уже опыт есть.

Словно не заметив этой шпильки, а может быть просто не обратив на нее внимания, старый жилец на минуту задумался, а потом спросил:

— Значит, вы считаете, что если сами нашли, так это уже принадлежит только вам? Как, скажем, гвоздь или кусок дерева...

Женька смутился и быстро взглянул на меня. Я не понял, что значит этот быстрый взгляд, и сказал:

— Ну, это смотря чего найти. Вот кошелек, например... с деньгами... тогда в милицию надо отнести...

— Верно, — кивнул Иван Кузьмич. — Кошелек с деньгами надо отнести. Сундук еще... С лалами... А если бы вы нашли ну, предположим, меч-кладенец? Или кольчугу Ильи Муромца?

— Чего? — переспросил я.

— Да ясно, Иван Кузьмич, — сказал Женька. — Эти бумаги, конечно, надо в музей сдать. Мы понимаем...

— Хорошо, что понимаете, — успокаиваясь, сказал Иван Кузьмич и снова откинулся на спинку стула.

— Мы все передадим, — продолжал Женька. — Только сперва попробуем сами... Попробуем сами прочитать... Так ведь можно?

— Разумеется, можно. Даже нужно. — Иван Кузьмич опять наклонился к нам и хитро прищурился. — Уж если сумели разобраться в шифре старца Пафнутия, то, уверен, сможете разгадать и эту загадку.

Он медленно поднялся со стула, взял свою палку

и, шаркая ногами, двинулся к своей лестнице. Но, взявшись за перила, вдруг обернулся.

— В юности я увлекался марками. Так вот вам совет старого филателиста. Если вздумаете разлепить странички в партийном билете, подержите его над паром — лучше всего возле носика кипящего чайника. Другим способом пытаться разъединить эти странички я вам не рекомендую.

И, сказав это, старый жилец стал подниматься по лестнице.

Когда наверху скрипнула дверь, тетя Даша, все это время сидевшая молча, вздохнула и подперла голову кулаком.

— А у них, поди, родные есть... — тихо сказала она, глядя на лежавшие перед ней бумаги, и я понял, что она говорит о погибших в бою партизанах. — У кого отец с войны не вернулся, у кого — муж или брат... Наверно, кое-кто ждет еще... Уж сколько времени прошло, а иные всё ждут...

«Тики-тик, тики-тик, тики-тик...» — тикали часы на стене. Они отсчитывали время, которое для одних летело быстро, для других тянулось медленно, а для иных остановилось навсегда. Неужели и тетя Даша ждала еще и надеялась, что ее муж, погибший на войне, окажется жив и вернется когда-нибудь домой? Может быть, и правда ждала?.. «Тики-тик, тики-тик...»

Тетя Даша снова вздохнула и встала.

— Идите отдыхайте, — сказала она. — Небось всю ночь не спали с вашим кладом?

Мне ужасно хотелось спать. Глаза закрывались сами собой. Только бы дотащить до кровати... Но Женька, собрав все бумажки и документы, оставил на столе партийный билет, пробитый пулей.

— Попробуем, Серега? — спросил он.

И я сразу понял, что он хочет попытаться разлепить странички, крепко склеенные кровью.

Минут десять мы с нетерпением ждали, когда закипит чайник. Женька налил в него совсем немного воды, чтобы струя пара была сильнее. Наконец крышка на чайнике заплясала и зазвенела, как колокольчик. Из носика с шипеньем вырвалась горячая струйка. Не ощущая больше усталости, я затаив дыхание следил, как Женька поднес

к этой струйке заветную книжечку. Осторожно, словно в руках у Женьки была тончайшая паутинка, он стал разводить странички в стороны. Они поддавались и, наконец, разлепились.

— Есть! — взволнованно прошептал Женька.

Мы оба разом наклонились над раскрывшимся партийным билетом. Сквозь бурые пятна крови проступали буквы. И очень медленно Женька прочитал вслух:

— «Вересов... Павел Николаевич...»

ГЛАВНОЕ — НЕ УНЫВАТЫ

Это было до того неожиданно, что мы с Женькой как очумелые уставились друг на друга. Женька опомнился первым.

— Серега... — прошептал он и вдруг громко закричал: — Серега! Значит, Афанасий Гаврилович ошибается! Вересов не предатель! Не он! Кто-то другой!..

В дверях появилась испуганная тетя Даша.

— Что случилось? Ты что, Женечка?

— Он не предатель, тетя Даша... — задыхаясь от волнения, принялся объяснять Женька. — Это ошибка!.. Афанасий Гаврилович говорил, что у него карта была. А он погиб... В бою...

— Кто погиб? Кто предатель? — ничего не понимая, спрашивала Дарья Петровна.

— Вересов... Павел Вересов... Вот билет... Его партбилет... Это не он фашистам партизан выдал!..

Не мудрено, что тетя Даша ничего не поняла из этих бессвязных Женькиных восклицаний. Если бы я не знал, в чем дело, то, наверно, тоже ничего бы не понял. Но объяснять подробнее Женька не стал. Засунув партийный билет в карман, он схватил меня за руку и потащил из дома на улицу.

— К Афанасию Гавриловичу! — скомандовал он.

— А отдыхать когда будете? — крикнула нам вслед тетя Даша.

Но мне, да и Женьке, конечно, было уже не до отдыха. Мы мчались по улице во весь дух, перепрыгивая через

канавки и рытвины, пугая гусей, которые пощипывали травку возле тротуаров.

Не знаю, что думали прохожие, глядя на нас. Может быть, они решили, что в городе проходят спортивные соревнования по бегу. А впрочем, нам было не до них. Вот и знакомый забор. И калитка с нарисованной на железной пластинке овчаркой.

Нам долго не отпирали. Мы нетерпеливо барабанили кулаками в дверь. Женька даже стукнул ногой. Пальма рвалась на цепи и лаяла, повизгивая от ярости. Из окон соседних домов стали выглядывать люди. Наконец сердитый женский голос спросил из-за калитки:

— Кого надо?

— Откройте! — закричал Женька. — Мы к Афанасию Гавриловичу!

Пальма залилась еще пуще. И так же визгливо, как Пальма, завопила за дверью старуха Марья Филипповна:

— Я вот сейчас собаку-то спущу!.. Опять за яблоками вздумали лазить!..

Я вспомнил, как Афанасий Гаврилович сказал про Марью Филипповну: «Глуховата... И вообще — не того немного... Но женщина она чуткая и сердечная...» Должно быть, из-за своей глухоты старуха приняла нас за каких-нибудь хулиганов.

— Мы по делу! — попробовал объяснить Женька.

— Знаем мы эти дела! — кричала в ответ старуха, а Пальма еще громче лаяла и звенела цепью.

— Марья Филипповна, — терпеливо говорил Женька. — Это мы... Женья и Сережа. Помните, мы приходили? Еще чай пили с вареньем... Мы у Дарьи Петровны Веточкиной живем... Я племянник ее... Ну, помните? И мы совсем не за яблоками... Мы по очень важному делу. Нам обязательно надо Афанасия Гавриловича увидеть.

Грозный лай был ему ответом. Однако я слышал за калиткой осторожное поскрипывание. Старуха, наверно, переступала с ноги на ногу, раздумывая. Потом вдруг звякнула щеколда,брякнула цепочка, и злой маленький глаз оглядел нас сквозь щелку.

— Нету... — проскрипел голос «сердечной женщины». — Уехал.

— Как уехал? — растерянно спросил Женька. — Куда?

— Мне не сказывал куда. Утром уехал. На вокзал.

Из калитки соседнего сада показалась какая-то женщина и поманила нас пальцем.

— Вы с ней зря разговариваете, — сказала она, когда мы подошли. — Старуха и милицию без хозяина в дом не пустит. Афанасий Гаврилович утром сегодня уехал, на восьмичасовом поезде. Я на базар шла, когда он из дому вышел. Если он вам нужен, придется две недели ждать. Я сама слышала, как он старухе говорил: недельки через две, мол, вернусь.

Сказав это, женщина ушла, а мы остались стоять на тротуаре, глядя ей вслед. Пальма больше не лаяла — вероятно, потому, что не чуяла нас у калитки. Гуси и куры неторопливо расхаживали вдоль тротуаров. Воробьи о чем-то громко спорили, собравшись в стаю на заборе. А нам и спорить было не о чем и не с кем.

— Ладно, Серега, пошли домой, — сказал Женька. — Что же теперь зря стоять?..

— Пошли, — кивнув, ответил я.

И тут, повернувшись, чтобы идти следом за Женькой, я заметил на другой стороне улицы сутулого человека в коричневой кепке. Я сразу же его узнал. Это был тот самый незнакомец, который так пристально смотрел на Афанасия Гавриловича несколько дней назад. Только в тот раз он был с чемоданом и в пиджаке, а сейчас — без чемодана и без пиджака, в темной рубашке с закатанными рукавами.

Едва он заметил, что я гляжу на него, как тотчас же быстро отвернулся и стал внимательно, слишком уж, по моему, внимательно, разглядывать афишу, наклепленную на заборе.

Если бы я был каким-нибудь волшебником, умеющим отгадывать чужие мысли! Если бы я знал, кто этот незнакомец! Может быть, и удалось бы тогда предотвратить то ужасное, что произошло две недели спустя. Но я не был волшебником. Я был самым обыкновенным мальчишкой, и странный незнакомец недолго занимал мои мысли. Тем более что Женька не заметил этого человека и шагал впе-

реди по тротуару, сосредоточенно о чем-то думая.

— Знаешь что, Серега, — сказал он, встрепенувшись, когда мы уже подходили к дому. — Это даже хорошо, что Афанасия Гавриловича нет. Главное — не унывать!

— Чего же тут хорошего? — удивился я.

— А так. Пока он ездит, мы все про партизан узнаем. — У кого узнаем?

— Эх ты, бестолковый! Помнишь, Митя говорил, что его дедушка во время войны раненого партизана спрятал?

— Ну, помню.

— Так вот. Не один Митин дедушка был с партизанами связан. Найдутся еще люди. Надо только поискать. И мы найдем. Ведь тут многие оставались в городе, когда фашисты пришли. А вернется Афанасий Гаврилович, мы к нему придем и обо всех наших розысках расскажем. И спросим тогда, о чем еще в нашей истории не сказано.

— Ой, верно, Женька! — воскликнул я. — Ой, правильно! И знаешь еще что? Можно ведь в нашей школе, дома, рассказать ребятам про эти поиски!

— Еще бы! И в Доме пионеров!

— Можно даже целый музей устроить!..

— Конечно! Музей партизан... Или лучше музей партизанской славы!..

— Мы эти бумаги все перепишем!

— И гильзу привезем! Гильзу-то сдавать незачем!

Громко обсуждая возникший внезапно у нас в головах план, мы пришли домой.

— Что-то больно быстро, — сказала, увидев нас, тетя Даша.

— Уехал он, — сказал я. — В командировку, наверно.

— Как же, в командировку, — насмешливо подтвердила Женькина тетка. — Интересно, кто это его в командировки посылает. Какое учреждение?

— Какое-нибудь посылает, — сказал Женька. — Он сам нам говорил, что уедет по делам.

— Да, дела у него найдутся, — проговорила тетя Даша. — Такие дела, что ой-ей-ей... — И она, махнув рукой, ушла на кухню.

— Что это она, Жень? Про Афанасия Гавриловича?..

— Не знаю... — Женька пожал плечами. — Я и сам, Серега, чего-то никак не пойму...

Едва я вошел в нашу комнатку, как снова почувствовал усталость. Может быть, один вид кровати заставил меня вспомнить, что мы почти целые сутки не спали, и глаза мои опять стали закрываться сами собой.

— Давай, Жень, полежим немного... — сказал я, еле ворочая языком.

— Ложись, если хочешь, — ответил мой неугомонный друг.

Это было последнее, что я услышал, потому что стоило мне скинуть сандалии и опустить голову на подушку, как я тотчас же словно провалился в глубокую черную яму.

Меня разбудило солнце. И, проснувшись, жмурясь от его горячих, ослепительно ярких лучей, я удивился, почему оно бьет мне в глаза, если я прилег поспать всего лишь на часок: ведь в окошко нашей комнатки солнце заглядывало только утром, а по вечерам оно садилось с другой стороны дома. Окончательно очухавшись от сна, я удивился еще больше, увидев, что лежу под одеялом, в майке и трусах, хотя лег одетым — это я помнил очень хорошо.

Повернув голову, я увидел Женьку, который сидел на своей кровати, скрестив ноги, и смотрел на меня с усмешкой.

— Привет исследователям! — сказал он. — Проспал ровно четырнадцать часов! С тобой, Серега, на рыбалку хорошо ходить: уж кто-кто, а ты рыбы не распугаешь.

— Сам-то ты будто бы не спал, — ответил я с обидой.

— Спал! Я знаешь во сколько лег? В двенадцать ночи!.. Ты уже в это время, наверно, десятый сон видел, и пока ты спал, я успел два письма прочесть.

Он соскочил с кровати, шлепая босыми ногами, подбежал к столику, на котором стояла гильза от снаряда — удивительный партизанский тайник — и лежали взъерошенной горкой документы. Схватив со стола какие-то листки, Женька торжествующе помахал ими в воздухе.

— Что это? — спросил я.

— Партизанские письма, — с гордостью объявил Женька. — Вернее, одно письмо, — поправился он, — и та записка, помнишь, которую первой нашли?

— Значит, без меня прочитал, да?

— А ты думал, буду сидеть и ждать, когда ты проснуться изволишь? Прочитал, конечно. Ну, ясное дело, не все. Некоторые слова почти совсем расплылись или стерлись — не разобрать. Но главное понять можно.

Он взобрался ко мне на кровать.

— Подвинься. И слушай. Письмо — в Томск. Я адрес чуть-чуть разобрал. Город-то еще понять можно, а улица, дом, фамилия — все начисто смыто.

Женька поудобнее устроился на кровати, сунул ноги ко мне под одеяло, задев ими меня, как двумя ледышками, и начал читать.

— «Здравствуйте, дорогие мои мама, сестра Оксана и брат Анатолий. Пишу вам уже третье письмо, только не знаю, получили ли вы первых два. Понимаете сами — почта отсюда, из захваченной немцами земли, не налажена. Я те два письма долго хранил, пока, наконец, не нашелся человек, который пообещал их переслать. А переслал ли, нет ли, не знаю...»

Женька взглянул на меня и взволнованно проговорил:

— Ты понимаешь, Серега? Ведь самое главное — мы город знаем и имена. В Томске, наверно, не так уж много

людей, у которых мама, брат Анатолий и сестра Оксана. Милиция враз найдет...

— Ладно тебе, — сердито перебил я. — Ты дальше читай.

— Ага, слушай дальше: «Писал я вам в прошлом письме, как отступала наша часть от самой границы на Каунас, на Вильнюс, как попали мы с нашим командиром роты лейтенантом Вересовым в окружение...» Слышал, Серега?

— Да слышал, слышал! Дальше читай.

— «...Еще писал, как стали понемногу собираться наши товарищи, как с боем мы выходили к Западной Двине, и тут узнали, что взят фашистами Псков... Большая была у них сила. И напали они внезапно. Но мы верили, что и у нас найдутся силы. Не к немцам же нам на поклон идти. Есть приказ — бойцам Красной Армии воевать. Значит, будем воевать, пока живы. Присоединялись к нам и такие же, как мы, бойцы Красной Армии, были и те, кому под немцем жить стало совсем невмочь и кто еще оружие может в руках держать. Писал я вам, родные мои, как шли мы ночами, пробираясь к нашим, как далеко, увязая в трясиных, обходили деревни и проезжие дороги, потому что было нас еще мало, а оружие — винтовка да пистолет на всех...» — Женька посмотрел на меня виновато и сказал: — Тут, Серега, несколько строчек стерлось — никак прочесть не мог.

— Эх ты! — с жаром воскликнул я, не подумав. — Я бы непременно прочитал!

— Попробуй, — ответил Женька. — Вон письмо, на столе лежит. Только ты все равно ничего не прочтешь. Чего же читать, если стерлось. Только конец есть. Вот: «...Я за вас, дорогие мои, не боюсь. Немец к вам в Сибирь ни за что не доберется. Мало каши ел. А вот вы, наверно, беспокоитесь обо мне, потому что не получаете никаких вестей. Знайте же, что сын ваш и брат Григорий жив и пока еще ни разу даже не ранен. Верю: скоро кончится война полной нашей победой, и тогда вернусь я к вам. А если не вернусь, то знайте, что погиб за нашу Родину, за счастье ваше и за будущую прекрасную жизнь».

Прочитав эти строчки, Женька помолчал и произнес задумчиво:

— Вот он и погиб, Григорий, за Родину, за будущую прекрасную жизнь.

— Погиб... — повторил я тихо вслед за ним. И тотчас же спросил нетерпеливо: — А записка?

Женька переложил листки, которые были у него в руках, и сказал:

— Теперь слушай записку. Тот, кто все это спрятал в гильзу, наверно, записку эту в самый последний момент положил. Когда уже ясно стало, что живым из партизан никто не останется.

— А там не сказано, кто ее положил? — спросил я, стараясь заглянуть в листок. — Может, подпись какая-нибудь есть.

— Ничего тут нет, — сказал Женька. — Да и разобрать-то я не все разобрал. Тоже пришлось над каждым словом голову ломать. А интересно бы узнать, кто писал. Ведь это, Серега, настоящее геройство — писать записку и знать, что через минуту ты погибнешь...

— Может, Афанасий Гаврилович по почерку узнает? — высказал я предположение. — Я слышал, по почерку всегда можно узнать, кто что писал.

— Конечно, мы ему все покажем, — кивнув, ответил Женька. — Может быть, и узнает по почерку. Ну, а теперь слушай.

Начало записки было мне уже знакомо — Женька прочитал эти первые строчки еще там, в Волчьем лого. «Товарищи! Нам недолго осталось жить. Мы решили, что все погибнем, но не сдадимся проклятому врагу. Нас окружили со всех сторон. Карателей много, а нас осталось пятеро... Очень мало патронов, и каждый из нас, оставшихся пока еще в живых, поклялся, что последний патрон оставит для себя. Товарищи, мы умираем, но нас фашисты не победили. И никогда им не победить нашу Родину и наш народ...»

Голос у Женьки звенел, как натянутая струна; и почувствовал я, как к горлу моему подкатывается комок и словно во всем теле моем звенят и звенят громко и грозно натянутые крепко струны.

— «...Нас пока еще мало, — продолжал читать Женька. — Но таких, как мы, будет много, очень много. И враг останется на нашей земле не победителем, а мертвецом,

смердящим трупом, который высохнет на солнце, и страшную память о нем смоют весенние дожди. Прощайте, товарищи, вы, живые! Отомстите за нас!..»

Женька умолк, и мы долго сидели вот так, молча, и я слушал, как нестерпимым грозным звуком звенят во мне певучие струны. Наверно, и Женька тоже слышал этот звук, наполнивший всю нашу комнатку, весь город, весь мир...

КТО ЖИВ, ТОТ НЕ ЗАБУДЕТ

Нам незачем было откладывать то, что мы задумали. И Женьке и мне хотелось поскорее найти людей, которые видели партизан из отряда Павла Вересова и, может быть, даже помогали им бить фашистов-оккупантов. Об одном из таких людей мы уже знали — это был Митин дедушка. Нам не терпелось увидеть его.

Мы не стали спрашивать у тети Даши, на какой улице и в каком доме живет Митя со своим дедушкой. В такое время Митю непременно можно было застать на речке. Торопливо позавтракав, мы помчались к песчаной косе.

День выдался солнечный и жаркий. Вся коса была усыпана ребятами. Кто уже плескался в воде, кто жарился на солнышке, развалясь на песке. А Тарас, как обычно, примостился поодаль с удочкой и ведерком. Я сразу же увидел Настю, Игоря, Федю. Но Мити среди ребят не было.

Размахивая полотенцами, мы сбежали вниз, и тотчас же, заметив нас, на берег из воды, поднимая фонтаны брызг, помчался Федя. И вдруг, не знаю отчего, жуткая мысль промелькнула в моей голове. А что, если бы вдруг вот сейчас началась война? Началась бы так же неожиданно, как в том далеком сорок первом. Загудело бы небо от гула страшных фашистских самолетов... Черные взрывы, гремя, выросли бы там, наверху, на откосе, взметнули бы вверх огненные свои лапы, вывернули с корнем вон те деревья, возле которых так мирно устроился с удочкой толстый, добродушный Тарас... Словно море в самую грозную бурю, хлестнула бы на берег тихая эта речка, и, может быть, глубокая смертельная яма от тяжелой бомбы осталась бы на том месте, где сидит сейчас Настя и глядит в мою

сторону, приподняв, словно в удивлении, худенькие плечи... И вздрогнул я, представив себе ребят, мечущихся по песчаной косе, и вместо звонкого, веселого смеха возник в ушах моих испуганный и горестный крик.

С трудом очнулся я от этого видения и услышал голос Феи:

— ...И как это вы с ним разминувшись, ума не приложу!.. Он так и сказал, что к вам пойдет, потому что дедушка велел вас к нему привести и все, что вы нашли, с собой захватить.

— Эх, Серега! — Женька с досадой взмахнул полотенцем. — Если бы мы хоть на десять минут задержались, он бы нас застал.

— А вы подождите! — посоветовал Игорь. — Он от вас обязательно сюда пойдет.

— Верно, Женя, подожди, — сказала Настя, словно меня тут и не было.

— Нет уж, лучше мы сами пойдем, — возразил Женька и, кивнув мне, стал карабкаться вверх. — Мы его по дороге встретим.

Митю и правда мы встретили на полпути от реки к нашему дому. Он так спешил, что раскраснелся и запыхался.

— Иденте скорее!.. — отдышавшись, сказал он. — Дедушка ой как разволновался, когда узнал про эту гильзу!.. Он еще вчера меня за вами посылал, да вы спали.

— Кто спал? — с удивлением воскликнул Женька. — Это Серега заснул, а я до ночи сидел над письмами партизан.

— Мне тетя Даша сказала, что вы отдыхаете, — объяснил Митя. — Я ее возле вашего дома встретил. Говорю: «Позовите Сережу и Женю». А она: «Спят оба, намучились за ночь, отдыхают». Я и вернулся.

Мы забежали домой, чтобы захватить наши бумаги. Женька сложил все в большую коробку от печенья «Красная Москва»; эта коробка стояла невеста зачем и с какого времени на этажерке. Я взял еще фотоаппарат, чтобы сфотографировать Митиногo дедушку, и все втроем мы помчались к Мите домой.

Митя, оказалось, жил недалеко. Впрочем, в маленьком уютном Зареченске все было недалеко. Небольшой деревянный домик прятался в разросшихся по всему палисаду ку-

стах сирени. Митя пропустил нас в калитку, и мы поднялись на крыльцо по крепким, чисто вымытым ступенькам.

— Отец и мать на работе, — сказал Митя. — Дедушка один дома. У него что-то с утра спина болит.

— Может быть, в другой раз зайти? — неуверенно спросил я.

Митя засмеялся.

— Он мне задаст — в другой раз! Он вас ждет не дождется.

Толкнув дверь, Митя снова пропустил нас вперед. Миновав темные сени и отворив еще одну дверь, мы очутились в большой комнате, залитой зеленым светом — это солнце так освещало ее, пробиваясь сквозь ветки сирени и отсвечивая на зеленой клеенке, которой был накрыт стол, стоявший посреди комнаты.

Прямо напротив двери, у окна, сидел в кресле старик с редкими волосами на голове, но зато с такой лохматой бородой, словно седые его волосы понемногу перебрались с макушки на подбородок. Старик читал газету, придерживая пальцами очки. На нем были потрепанные брюки, теплые домашние туфли и серая толстая фуфайка.

— Дедушка, — сказал Митя, — я их привел. Это Женя и Сережа.

— Нет, вы послушайте, что делается! — воскликнул старик, мельком взглянув на нас поверх очков, и хлопнул ладонью по газете. — Никак не угомонятся немцы. В Западной Германии бундестаг принял закон о всеобщей воинской повинности. А мы на два миллиона человек армию сократили... Англичане все «изучают» вопрос о прекращении ядерных испытаний, а у нас... — Старик ловко перевернул страницу. — А у нас вот в Ленинграде открыта выставка «Атомная энергия в мирных целях»...

Митин дедушка сложил газету и сердито бросил ее на подоконник. Затем снял очки, положил их на газету и поднялся с кресла.

— Ну, давайте знакомиться. Кто же из вас Евгений, кто Сергей?

Мы торопливо представились. Старик протянул нам было длинную худую руку, но вдруг сморщил болезненную гримасу и схватился за спину.

— Эх ее, проклятую!.. К дождю, должно быть...

Однако он все же пожал нам руки и остановил взгляд на коробке у Женьки под мышкой.

— Там?

Женька кивнул и протянул ему коробку.

Снова устроившись в кресле у окна и надев очки, Митин дедушка долго разглядывал партийные и комсомольские билеты, раскрывал красноармейские книжки, вглядывался в стершиеся строчки партизанских писем и потом, шевеля губами и ероша бороду, читал те же самые письма, но уже переписанные Женькой. Мы стояли и глядели на него, не решаясь сесть, хотя у меня уже затекли ноги.

Наконец, бережно сложив все бумаги на газету, старик обернулся к нам.

— Вы что же стоите? — спросил он. — А ты, Димитрий, не можешь гостям стулья предложить? Садитесь, садитесь. Да рассказывайте, как и где нашли.

Вот тебе и раз! Мы сами ждали от Митинога дедушки рассказов о партизанах. Но делать было нечего, и Женька, запинаясь, начал говорить. Правда, он умолчал о том, для чего нас понесло в лес ночью, однако старик, оказывается, уже и сам знал об этом — должно быть, Митя ему рассказал.

— Так-так, — проговорил он, когда Женька замолчал. — Значит, клад старинный искать ходили. — И, взглянув на наши сконфуженные физиономии, продолжал: — Да вы не смущайтесь. Про этот клад мне еще моя бабка рассказывала лет эдак шестьдесят тому назад. И я тоже мечтал сундук вырыть. Да кто же его знает, где разбойники свои сокровища прячут. А вот то, что этот клад на самом деле есть, — так это факт.

Дедушка помолчал и осторожно взял с подоконника партийный билет Павла Версова.

— Значит, говорите, удалось паром расклеить...

Наклонив голову, то отдаляя от глаз, то снова приближая к глазам очки, старик принялся разглядывать фотографическую карточку на билете. Фашистская пуля как раз прошла сквозь нее, оставив только небольшой кусочек — изображение части лба, правую бровь и глаз.

— Тот или не тот? — бормотал Митин дедушка. — Вроде бы тот... Лоб такой же высокий, чистый... Брови... — Вдруг он обернулся к нам и спросил: — Всё принесли?

— Все, — ответил Женька.

— Что-то не видать здесь документа на имя Тихона, — словно разговаривая с самим собой, проговорил старик.

— Какого Тихона?

— Знать бы и мне какого, — сказал Митин дедушка. — Тот партизан, которого я в погребе у себя схоронил, Тихоном назвался. Только сдается мне, имя он выдумал. Самый это командир и был — Вересов Павел Николаевич.

И старик снова стал разглядывать обрывок фотографической карточки.

— А вы расскажите им, дедушка, — попросил Митя. — Как мне рассказывали.

— Мы историю этого отряда хотим написать, — торопливо вставил Женька. — Как они воевали... Как погибли...

— Ишь ты, историки какие, — насмешливо сказал старик, но я уловил в его голосе и нотки одобрения.

— Конечно, мы эти документы все в музей передадим, — волнуясь, продолжал Женька. — Но нам хочется сначала все узнать...

Старик сидел и внимательно слушал Женьку, насупив седые брови. Солнце освещало его так хорошо, что я не выдержал и, нацелив на него фотоаппарат, щелкнул затвором.

— Это что же? — спросил старик. — И меня в историю? Так я же не партизанил, в лесах не скрывался, эшелонов фашистских под откос не пускал, листовок не расклеивал...

— Все равно, — сказал я. — Вы народным мстителям помогали. Значит, вы тоже подпольщик. — И, чуть изменив выдержку, я снова сфотографировал его.

Старик засмеялся, помотав бородой.

— Ну ладно, — сказал он. — Раз для истории, тогда согласен. Да не забудьте подпись под карточкой поставить: историческая, мол, личность — Григорьев Михаил Федорович.

Митин дедушка вдруг перестал смеяться и посмотрел на нас серьезно из-под насупленных бровей.

— Однако шутки в сторону... Расскажу вам обо всем, что запомнилось. Только, чур, не перебивать.

— Вот вы говорите — история... — Так начал свой рассказ Митин дедушка Михаил Федорович. — Правильно, конечно: история, события, герои... Обо всем этом теперь в книжках пишут, кино снимают... Ребятишки про те времена в своих учебниках целые страницы наизусть учат. Но для иных людей эта самая история есть их собственная трудная жизнь. А война... Кто жив, тот никогда ее не забудет...

Он задумался на минуту и продолжал медленно и негромко:

— И как это все произошло?.. Ведь были мы к войне готовы... И в газетах об этом писали, и по радио говорили, и песни пели: разобьем, мол, врага в пух и прах — на земле, в небесах и на море... Видно, фашисты лучше нас подготовились. И напали, как воры, в темноте, когда мы не ждали...

Поначалу-то мы не верили, что немец даже до Пскова доберется. Война еще далеко гремела, так что у большинства было мнение, что немец сюда не придет. А мобилизацию уже объявили. Мужчины стали в поход собираться. Некоторые добровольцами на войну пошли. Иные, кто постарше, в ополчение записывались. Я бобылем жил — старуха моя померла года за три до того, как немец напал. «Чего, — думаю, — сидеть на печи?» Пошел в военкомат. А мне говорят: старый, мол, не годись.

Вот это мне и подтвердило, что немец еще далеко, раз не всех на войну берут. Самолетов фашистских тоже первые дни мы не видели. Летали они стороной — на Псков, на Новгород, к Ленинграду. Да и так подумать: что немцам наш Зареченск? Городишко неказистый, стратегии никакой не имеет. Ни крупных заводов, ни военных частей. Веревочная фабрика, лесопилка, маслобойка, две кустарные артели да заготовительные пункты. Однако уже на первой неделе узнали мы, каковы фашисты, какой лютый враг на нашу землю напал.

Михаил Федорович снова задумался, видно что-то припоминая.

— Ну да, — сказал он. — В четверг это было. Стало быть, в базарный день. Базар у нас собирался по воскресеньям и по четвергам. Так вот, в четверг пошел я на базар — сала купить. Война — войной, а есть надо.

Прихожу на рынок. Народу много. Шум, гам, поросята визжат, гуси орут, куры кудахчут. А в том ряду, где салом торгуют, бабы меж собой распорились, дойдет к нам немец или не дойдет, а если дойдет, то что такое будет. Ну, у большинства такое склонение, что не дойдет. А кое-кто говорит — пробьется. А та тетка, у которой я как раз подходящий шматок высмотрел, возьми да и скажи: «Подумаешь, немец! Не человек, что ли? И при немце проживем!..» — «Ах ты, — говорю я ей, — карга! Как у тебя язык не отсохнет? Ты ли, толстая, при немцах проживешь? Да он тебя с твоим салом живьем сожрет и корки не оставит!..»

И вот тут как раз немец сам за себя и подтвердил.

Сперва я не понял, что это вдали загудело: то ли гул, то ли свист... И вдруг низко-низко над рынком промелькнули три самолета.словно три черных креста кто-то через базар перекинул. Промелькнули и исчезли.

Люди стоят, в небо смотрят, а там уж и гула не слышать. Даже и рассмотреть не успели, какие такие это самолеты — немецкие ли, наши ли...

Однако недолго мы в сомнениях оставались. Вновь послышался гул. Только уже не такой ровный, как первый раз, а с подвыванием. Это уж после мы ученые стали — узнали, что сперва немец примеривается, а потом для стрельбы заходит на цель. А тогда еще ничего не знали. Встали опять, рты поразевали, в небо смотрим. И вдруг застрекотало в небе, сверху вниз ринулись черные кресты, хлестнуло пулями по рядам, по людям, по возам... Крик поднялся, столпотворение. Бросились все врассыпную. А у меня будто ноги к земле приросли. Не могу понять, что делается. Страху-то я тогда не чувствовал. Так налетели, что и испугаться не успеешь. А когда скрылись самолеты, гляжу — кто в пыли корчится, кто стонет, кто криком кричит... А тетка, что при немцах неплохо жить собиралась, лежит ничком на прилавке.

— Убили? — вскрикнул я.

— Так и я поначалу думал, что убили, — сказал Митин дедушка. — Только гляжу — пошевелилась. Потом вскочила и давай свое сало в мешок запихивать. «Эй, тетка! — кричу. — Ты живая?» А она и не отвечает. Посовала в мешок сало и бегом с рынка. Впрочем, базар весь опустел

в один миг. Так и не купил я сала. А когда домой вернулся, только там и сообразил, как близко от меня в те минуты моя смерть пролетела.

Михаил Федорович умолк и несколько минут сидел, опустив голову. И мы трое — Митя, Женька и я — сидели перед ним тихо, не произнося ни слова.

— Да, — вдруг подняв голову, продолжал старик. — Вот как оно все началось. Потом потянулись через наш городок беженцы. Шли с тележками, с тачками, а кто и так — на плечах тащил свой нехитрый скарб. Мне одна девчушка запомнилась — маленькая такая, ну, лет пяти, не больше. Идет за матерью, не плачет и узел на себе тащит. А из узла кукла торчит без руки. Остановил я ту женщину, ее мать, и говорю: «Вы бы часть вещей оставили. Назад пойдете — можно взять...» Посмотрела она на меня — ничего не сказала. И девчушка та, коротышка, тоже посмотрела, и навсегда я глаза ее запомнил... Такое в них было, что словами не передашь.

За беженцами вслед красноармейцы через город пошли. Бредут, по сторонам не смотрят. Нашлись, конечно, глупые люди, стали им кричать: «Эй, куда, защитники? Увидали немца — и драпать?» А каково было нашим солдатам в ту пору отступать? Они одни про то знают.

Городок наш сдали без боя. Только электростанцию взорвали отходя. Больше, пожалуй, и взрывать было нечего. Вокзал немцы сами примерно за неделю до того разбомбили.

Погрузился наш Зареченск во тьму. И не знали мы, что тьма эта продлится без просветов целых два года...

Немцы к нам наутро пожаловали. Сначала пронеслись по улицам танки, загрохотали по булыжнику, остановились у рынка три машины. Черные кресты на башнях. Потом появились мотоциклисты. Выкатили на базарную площадь, огляделись, развернулись и уехали. Ни души в ту пору на улице не было. Даже собаки побоялись брехать... И два часа в городе стояла такая непривычная тишина. Словно насторожилось все. А потом опять показались мотоциклисты. И вслед за ними вошла в Зареченск первая немецкая колонна.

Немец в ту пору веселый был, — продолжал Митин дедушка. — Легко ему спервоначалу победа давалась.

С песнями в город вошли, боевым порядком. А для нас, для зареченцев, эти песни были хуже похоронного марша.

Новый клуб, что перед самой войной построили, немец под комендатуру занял. По всему городу на домах, на воротах, на столбах листочки забелели. И стали солдаты народ из домов выгонять: «Шнелль, шнелль, русс, читайт приказ...»

Были те приказы напечатаны по-немецки и по-русски. Говорилось там, что в течение трех дней все жители города обязаны зарегистрироваться в комендатуре и сдать любое имеющееся оружие, в том числе и охотничье со всем снаряжением. Под конец, как у немцев водится: «Заслушание — смертная казнь».

Солдат своих фашисты на постой по лучшим домам распределили. Ну, а самые лучшие из лучших, самые чистые — для господ офицеров. И в моем доме тоже появился незванный гость — лейтенант, помощник коменданта... С денщиком. Рыжий такой денщик, на жеребца похож. Приглянулся, стало быть, лейтенанту мой дом. Да и как не пригласиться! — Михаил Федорович обвел широким движением руки стены, оклеенные светлыми, веселыми обоями. — Нам со старухой его еще сыновья строили. У меня ведь трое сынов было. И дочка — вот Митькина мамка. Только не жили они с нами, до войны еще разъехались кто куда. Старший, Борис, на Урале работал, средний, как и я, Михаил, — во Владивостоке, младший, Петр, — в Ленинграде учился, в университете. Дочка в Москве жила. Потом с мужем они в Казань переехали — оба работали там на большом заводе. Там, в Казани, на Волге, и Митька родился.

Михаил Федорович ласково потрепал Митю по макушке. Было видно, что он очень любит внука.

— Двое-то сыновей у меня на войне погибли, — говорил старик. — Младший-то, правда, до сих пор жив-здоров. Только вижу я его редко. Геолог он, по горам все ходит, по степям, а что разыскивает, мне неизвестно. Наезжает иногда в гости. А вот Митькины родители навсегда приехали. Отец-то у него электрик. Новую электростанцию после войны строил. Теперь на ней — главный механик...

— Дедушка, а про лейтенанта-то, про немцев... — осторожно, но настойчиво напомнил Митя.

ПАРТИЗАНСКАЯ ЛИСТОВКА

— Ах ты, склероз! — сердито воскликнул Михаил Федорович. — Ну конечно же!.. Пустился в воспоминания... Так вот... На другое утро пошел я в клуб на регистрацию. За два года, пока немцы у нас хозяйничали, мы так и не научились называть комендатуру комендатурой: все клуб да клуб. Так, значит, явился в клуб. Паспорт захватил, книжку пенсионную тоже. Думаю, если будут немцы склонять, чтобы я на них работал, так покажу им документ — пенсионер, мол, инвалид.

Народу в клубе уйма, и на улице перед клубом толпа. В дверях фельдфебель стоит, какие-то листочки раздает. Мне тоже дал листок. А это анкетка. На машинке отпечатанная. Вопросы в ней: имя, отчество, фамилия, адрес... Национальность... Возраст. Коммунист или комсомолец, активист, колхозник (лишнее зачеркнуть)... Какую должность исполнял при советской власти, какие награды от нее имеются... Потом — о родных: кто такие, служат ли в Красной Армии... Не знаю, были ли подобные анкеты в других местностях — я что-то не слышал, — а в нашем городе были.

Отыскал я в очереди хвост, стал ждать, когда регистрироваться. Огрызок карандаша в кармане нашел, начал ответы в анкете записывать. Не коммунист, мол, а для комсомола стар. Наград от советской власти не имею, кроме, конечно, пенсии за работу. Ну, о детях написал — не знаю где, хотя старший в Красной Армии действительную службу проходил.

Записал все, жду. Мимо немцы бегают, лопочут по-своему. И те, кто ждет, тоже переговариваются. У кого немцы куренка зарезали, у кого поросенка... А соседка моя, что через дом жила, — Стрельникова Лидия Ивановна — рассказывает, как вчера к ней в дом двух немцев на постой определили. «Все, — говорит, — что было, пожрали, ни крошки не оставили». Невестка щей наварила для троих — для самой, значит, Лидии Ивановны, для себя и для дочки Катюшки. Кастрюлища большая вышла — думали, на два дня хватит. А солдаты — те все за вечер слопали. Едят, чавкают да похваляют: «Карош зуп...»

Гул по всему клубу стоит. Никого немцы без внимания не оставили. Иных просто по-разбойничьи ограбили. Древнюю старуху — бабу Марфу, что на улице Чехова жила, и ту не обошли — немец-ефрейтор у нее иконку стащил. Приглянулась, значит. А Спиридонов Матвей, в моем возрасте уже человек, постарше даже чуть, — он в артели работал, хоть ему на пенсию давно пора, — говорит: «Погодите, еще не то будет. Немец всем покажет, почем фунт лиха. С иконок начал — крестами кончит...» На него кричать стали: «Не каркай, старый!»

Наконец моя очередь подошла. Захожу в комнату. Там раньше музыкальный кружок всегда занимался — по всему клубу разносился рев. А теперь, вижу, сидит в этой комнате за столом лейтенант. Тот самый, что в моем доме поселился. Ну, вылитый гусак — шея длинная, головка маленькая и нос в точности клюв гусиный. Переводчик с ним, не здешний. Не разобрал я в то время, немец ли он, русский ли, что в прихвостнях у немцев ходит. Гусак меня увидел, заулыбался: «О, хозяин гут... Ста-ри-чок...»

Прочитал он мою анкетку, что-то там подчеркнул. Потом с переводчиком по-своему поговорил. Переводчик мне пересказывает: «Служи, старик, великой Германии, она тебя без награды не оставит». — «Как же, — думаю, — не оставит! На могилу землицы отпустит». А сам спрашиваю: «Как насчет пенсии?» Будут ли, мол, платить, как раньше. И пенсионную книжку сую гусаку. Он повертел мою книжку в руках. Переводчик объясняет, что это такое. А гусак и говорит: «Будет всем пенсия, когда великая Германия полностью победит большевиков». — «Эге, — думаю, — долго же мне ждать придется этой фашистской пенсии...»

Только немцы все равно работать на себя заставили. Неспроста они эту анкетку придумали. Все рассчитали. Недели не прошло, а молодых ребят и девочек стали отправлять куда-то. Слух прошел, что в Германию, на заводы. Если кто отказывался ехать, такого — в тюрьму. А после все равно увозили.

Вот так и начали немцы в нашем городке хозяйничать. Нашлись, конечно, такие мерзавцы, что сразу перед врагом плясать начали. Некоторые в полицию пошли, чтобы на работу в Германию их не угнали, другие просто стали на людей доносить: кто при советской власти отличался, на со-

браниях выступал, стенные газеты выпускал, агитатором был во время выборов. Ну, а все это, ясное дело, в анкету не запишаешь. Вот немцы и придирались: скрыл свою верность советской власти. По тем проклятым доносам многих арестовали и тоже куда-то увезли.

Да, были всякие — и доносчики и открытые предатели. Один такой особенно яро себя немцам показывал. Хорьков Терентий. Ух, и злой же был, негодяй!.. Его отец — Стратон Хорьков — до революции торговлю в городе имел, бакалею. Он особенно в девятнадцатом году отличился, когда в Петрограде и в Москве голодали. Много он тогда добра наспекулировал. Ясное дело — советская власть его сразу же за шиворот взяла, и уехал он невесть куда, в места далекие. А сын его остался. Затаил на всех злобу, а при немцах развернулся. По его доносам многих тогда похватали. Правда, недолго он лютовал. Настигла его, негодяя, партизанская кара. А случилось это как раз в тот день, к которому я и веду свой рассказ.

Много бед и зла натворили в нашем Зареченске фашисты. Молодых парней и девочек стали отправлять на работы в Германию, кое-кто угодил и в концлагеря. Не было в городе дома, где бы те разбойники к хозяйским вещам свою лапу не приложили. А потом увидели мы, зареченцы, и первую фашистскую казнь. Не вора казнили, не бандита, а человека правильной чистоты. Главного врача нашей больницы — доктора Соловьева Николая Акимыча, вот кого они казнили...

В больнице у нас Николай Акимыч работал, считайте, с двадцатого года, еще с гражданской. Замечательный был врач-хирург. Многим людям жизни спас. Все в городе его знали и считали за родного. Кроме, ясное дело, симулянтов: им Соловьев спуска не давал. Да и вообще нрава был горячего. Видно, крепко с немцами повздорил. А дело-то, я думаю, так вышло. Стали в Зареченск прибывать первые раненные немцы из-под Ленинграда. Комендант капитан Кригер приказал очистить больницу — всех больных, стало быть, вон. Ну, Николай Акимыч, видать, с ним поговорил. Не знаю, конечно, чего он там высказал немцу, только больницу все равно очистили, больных всех выгнали, а доктора нашего арестовали. И на другой же день по городу приказ вывесили: за неподчинение германским властям

Соловьева Николая Акимыча приговорить к смертной казни через повешение. На расправу-то у фашистов суд скорый.

Состоялась казнь на базарной площади. Всех, кто мог ходить, согнали немцы туда, чтобы у народа был пример, как фашистам перечить. И вот как раз на другой день после казни появились в городе первые партизанские листовки...

Утром я из дому вышел на колодец за водой, гляжу — к воротам листочек приклеен не то тестом, не то замазкой. Написано от руки. Да вот я сейчас вам похожую покажу. Гусак-лейтенант, что в моем доме жил, дня через три такую же с забора сорвал. Она и есть.

Михаил Федорович встал и, держась за спину, медленно, разминая ноги, пошел к комоду. Выдвинув ящик, он попрыгал в нем и достал пожелтевший листок.

— Ну-ка, читайте.

Женька схватил эту бумажку с такой поспешностью, что я думал — он ее разорвет. Я видел, как у него загорелись глаза. Еще бы — ведь это была настоящая партизанская листовка!..

Написано было чернильным карандашом, четкими печатными буквами. Текст совсем не стерся и не выцвел. Все можно было легко прочесть. И Женька стал читать вслух, а я следил по строчкам.

— «Товарищи! — читал Женька. — Вы сами теперь знаете, каков новый фашистский порядок. Грабеж, виселицы, каторга — вот их порядок. Но фашистам недолго осталось лютовать на нашей земле. Придет час расплаты. Советский народ нельзя победить. За все свои злодеяния враг ответит жизнью. Смерть за смерть, кровь за кровь! Не богатства, за которыми пришли фашисты, найдут они на нашей земле — найдут они здесь свою могилу. Смерть фашистским захватчикам! Смерть убийцам!..»

Не успел еще Женька дочитать листовку до конца, как раздался громкий стук в дверь. Тотчас же в дверную щель просунулась вихрастая голова Феди.

— Можно, дедушка Михаил Федорович?

— Входи, входи, — закивал старик.

Федина голова исчезла, за дверью послышалась какая-то возня, и в распахнутую дверь стали входить ребята.

та. Тут были и Тарас, и Настя, и радиоконструктор Игорь.

— Эге, — сказал Митин дедушка, — да вас целая компания.

— Мы послушать пришли, — смущенно объяснил Федя.

— Ну, рассаживайтесь, — с улыбкой пригласил старик. — Гостями будете.

Усевшись рядом со мной, толстый Тарас прошептал:

— Это Федя нас привел. Говорит: «Пойдемте тоже, послушаем, как дедушка Михаил Федорович про партизан рассказывает». Ну, мы и пошли.

Подталкивая друг друга, смущенно перешептываясь, ребята, наконец, все расселись и, повозившись немного, утихомирились. Только Федя еще некоторое время ерзал и скрипел стулом, устраиваясь поудобнее. Но в конце концов успокоился и он.

— Так вот, — снова заговорил Митин дедушка. — Эдакие листочки стали появляться часто. Начали немцы искать, кто их расклеивает, но никого найти не смогли. А через неделю примерно сошел с рельсов верстах в трех за станцией немецкий эшелон. Немцы станцию и пути в первую очередь починили после бомбежек, потому что дорога шла прямо на Ленинград и по ней фашисты отправляли к Ленинграду свои эшелоны. Вот один и ухнул. Паровоз то с разгона прямо в болото угодил, а задние вагоны и платформы друг на дружку полезли. Их немцы после три дня растаскивали. Взрывчатки у партизан, видать, не было, так они рельс свинтили.

Тут по городу шум пошел. Из дома в дом — вполголоса весть: наши, мол, близко. А фашисты озверели. Стали хватать кого попало. Приказ вышел от коменданта — на улице после девяти не показываться, больше одного человека не собираться. Они, видать, думали, что в городе подпольщики действуют. А партизаны-то в лесах скрывались, в болотах. И одного даже вскорости люди увидели. Мне об этом сосед рассказал, Матвей Спиридонов. Сам-то он не видел партизана, а племянник его — Родион, что на лесопилке работал, даже с тем партизаном вроде бы разговаривал.

Пильщики у нас сами в лес ходили, отбирали древесину, валили и везли на лесопилку. Ну, раньше, при советской власти, это все машинами производилось. А тут машин

нет. Приходилось таскать на лошадях да на себе. Больше на себе, потому что немцы всех оставшихся кляч реквизи- ровали. Вот однажды и пошли заготовщики в лес. Немцев с ними не было — те после случая с эшелоном туда ходить опасались. Но зато и посылать туда стали только тех жите- лей, у кого в городе семьи. Эти семьи оставались вроде за- ложников. Был приказ: если кто сбежит, у того семью всю начисто под пулемет. А у Родиона, Матвеева племянника, дома и мать-старуха, и жена, и сынишка пяти лет, и доч- ка — двух годков еще нету. Он у немцев считался самым надежным — не убежит. Его старшим над командой поста- вили, чтобы в лес на заготовки ходить.

Вот и в этот раз пошли в лес. То ли пятеро, то ли ше- стеро. Для заготовок. Начали пилить. И вдруг к ним из чащобы вышел человек. Шинель военная, фуражка со звездой... Мы с Матвеем утром у колодца повстречались. Он об этом мне и сказал. С языка сорвалось. Сказал и испу- гался. Смотрит, глазищи пучит. В те поры все друг друга бояться стали: чуть что — и донос. А где донос, там и виселица. Я ему говорю: «Ты, Матвей, меня пять десятков лет уже знаешь. Разве я на доносчика похож?» Понял он, что я его мысли разгадал, хотел было еще что-то добавить, да тут немец нас заметил: «Шнелль, шнелль!»

Пришлось нам разойтись. Но я думаю, что кое о чем тот незнакомец в шинели наших заготовщиков порасспро- сил. А может быть, и нет. Ведь примерно через две недели ушел к партизанам в лес Афанасий Шкворнев. Он запросто мог им объяснить, сколько в городе немцев, кто из жителей в полицию записался. Он после мне как-то говорил, что это он привел партизан к подлецу Терентию Хорькову. Огорода- ми вел, проходными дворами... Ну, ясно, Афанасий-то город знает как свои пять пальцев...

ЗВЕЗДА НА ФУРАЖКЕ

Я очень жалею сейчас, что не записал подробно и в точности все, что рассказывал нам Митин дедущка. Пона- деялся на свою память. Правда, многое я запомнил слово в слово, кое-что после подсказал мне Женька. Однако неко-

торые подробности и я позабыл и Женька не мог припомнить. И может быть, ни я, ни Женька не могли бы восстановить в точности рассказ Михаила Федоровича, если бы здесь с нами не было ребят. Это они помогли нам вспомнить, что рассказывал Митин дедушка, когда спустя три недели, уже готовясь к отъезду из Зареченска, мы спешили записать то, что успели узнать о партизанах-героях, погибших в Волчьем логое октябрьской ночью сорок первого года.

Предателю Терентию Хорькову партизаны вынесли смертный приговор и однажды ночью, пробравшись в город, привели этот приговор в исполнение.

Это случилось дней через двадцать, а может, через месяц после того, как заготовщики с лесопилки встретили в лесу незнакомого человека в шинели и фуражке с красной звездой. За этот месяц много в городе произошло событий.

Уже на третий день после той встречи из конторы заготовительного пункта, куда крестьяне по приказу немцев везли зерно, мясо, молоко и овощи, пропала пишущая машинка. На столе, где она стояла, утром нашли листок бумаги, где крупно было написано: «Смерть фашистским захватчикам!» Вместе с машинкой исчезли кипа бумаги и копия. Полицая, который ночью дежурил у дверей Заготпункта, немцы повесили.

Патрулей теперь на улицах по ночам стало больше. Но партизанских листовок тоже прибавилось. И напечатаны они были на машинке. И вот что удивительно — стали в тех листовках сообщать сводки с фронта.

— Помню, — рассказывал Митин дедушка, — в одной листовке говорилось о боях под Смоленском, как там наши немцев громят. Потом еще — бой под Ельней... Но мы всегда в листовках искали про Москву. Если Москву немцы не взяли — значит, наши не сдаются. И про Москву в каждой листовке было. Москва стояла крепко. И про то, сколько фашисты над Москвою во время налетов своей авиации теряют, в листовках было сказано. До сих пор не пойму, — добавил Михаил Федорович. — Откуда им все это было известно? Радио, что ли, раздобыли? Но где? Для радио питание надобно, а у них, как после узнали, даже не было фонарей. Вот загадка!

В эти дни свалились под откос еще два фашистских эшелона. Каждую ночь немцы устраивали в городе облавы. Ходили по домам с полицией — искали подпольщиков. Терентий Хорьков тоже ходил. Ему ничего не стоило избить человека: женщину ли, малыша ли — все равно. Старика Лукьянова, у которого нашли во время облавы листовку, он застрелил на месте.

А старик-то, — сказал Михаил Федорович, — и читать не умел. Листок, видать, сохранил на самокрутку: газет в городе не было — из чего крутить? Так он его, Хорьков-то, изрешетил всего пулями... Вот какой был зверь. Немало от него натерпелись люди. Но зато когда прихлопнули его партизаны, ровно праздник для всех настал. Я после, утром, видел. И на другой день тоже. Кто по улице ни пройдет, хоть старушка, хоть мальчонка, у всех на лицах одно. Словно говорят немцам: укокошили вашего пса. — то же и с вами будет!

— Так ему и надо! — не выдержав, крикнул Федя.

И никто на этот раз не зашикал на него. Мне и самому хотелось крикнуть: «Так ему и надо, предателю!..»

— Небось и умереть-то как следует не сумел, трус поганный, — с презрением сказал Женька.

— Да ведь преступники все трусы, — кивнув, согласился Михаил Федорович. — Хоть фашист, хоть ихний какой прихвостень, хоть бандит или хулиган. Смелы, когда нападают на слабого да на беззащитного. А как приходит время за свои злодеяния ответ держать, тут они слизняки слизняками. Сколько я их в ту пору перевидал — и бандитов и фашистских выроdkов. Тут ведь после освобождения, в клубе, суд был — полицаев судили, кто удрать не успел. Так посмотреть на них — чистые ягнятки. Рыдают, слезы утирают. Какются — по глупости, мол, по неосознанности. Младенцы, видите ли!.. Думаю, и Хорьков перед смертью не лучше себя вел. Небось сапоги партизанам готов был лизать, когда пришли к нему. Да, смелые были люди эти партизаны. Ведь незадолго до того в город к нам особая команда прибыла. Эсэсовцы, каратели. Видно, комендант вызвал. Десять солдат и два офицера. В черных мундирах, фуражки тоже черные. На рукавах — череп с костями. Только не испугались партизаны, пришли в город — злодея покарать.

Эсэсовцы заподозренных в связях с партизанами на месте не расстреливали и сразу на виселицу не тащили. Это были опытные палачи. В бывшем детском саду, который немцы превратили в тюрьму, в подвале отвели специальную комнату для пыток. По ночам, в тишине, было слышно, как кричат там люди... Хорьков тоже на пытках присутствовал и, наверно, не одного хорошего человека искалечил. И главное — безвинных много погибло в тех подвалах.

Однажды ночью, — рассказывал Михаил Федорович, — проснулся я от стрельбы. Ну, думаю, опять черные зверствуют... Только, слышу, необычная стрельба. Обычно, если кого на месте убивали, так дадут очередь — и все. А тут перестрелка. Я ведь еще с первой мировой да с гражданской по слуху знаю, когда перестрелка идет.

Пока я вставал да в темноте штаны нашаривал, мой Гусак со своим денщиком уже на улицу выскочили. А стрельба все ближе... Кое-как натянул я штаны и — на крыльцо. Ночь уже к рассвету близится. Видно поодаль, как мечутся по улице какие-то фигуры. Голоса, крики — то по-немецки, то по-русски, — это когда полиция переключаются. «Здесь он где-то, — слышу. — Далеко не убежит!.. Ищи по всем домам, ребята!..» Потом голоса удаляться стали. И тут через забор перекинулся кто-то. Упал на траву и застонал.

Меня будто ветром сдуло с крыльца. Подхватил я того человека и — откуда только силы взялись! — поволок прочь от забора. Волоку по земле, а сам приговариваю: «Ты тихо, родной, тихо... Как бы немцы не услышали. А я тебя схороню...» Приволок его к погребу — и туда. Думаю, утречком принесу одеяло, подушку, а то продрогнет. Догадался сразу, что это партизанский боец и что, видать, его — никого другого — немцы ищут.

Спустя полчаса стрельба утихла. Гусак с денщиком вернулись. А я уж успел за это время под забором пошарить и с той и с другой стороны. И правильно, что пошарил: гость тот неожиданный фуражку обронил. Несу я ее домой, а пальцы на чем-то твердом лежат. Ахнул я — звезда пятиконечная... Не этого ли человека заготовщики наши в лесу видели?

Эх, ребята, пожалел я тогда, что немецкого языка не знаю. Гусак с денщиком по-своему шпарят. Знать бы язык — понял бы я, что к чему. Долго они трещали. Уже рассвело. А я опять к забору — нет ли следов. И сразу заметил кровь на траве. Потихоньку, с оглядкой я ту траву повырывал — и в нужник... И ведь успел вовремя. Как раз я из нужника-то вышел, гляжу — у забора топчутся полицаи, а с ними черный с черепом на рукаве и переводчик.

Сердце у меня зашлось. За себя-то я не испугался. Моя жизнь уже была прожита. И так, считал, я на свете зажился. А вот за того, в погреб, испугался. «Что нужно? — спрашиваю. — Господин лейтенант еще почивают». А сам говорю и прислушиваюсь, не слышать ли отсюда, как Гусак с денщиком ночное происшествие обсуждают. Переводчик что-то черному сказал. Я разобрал слово «лейтенант». Кивнул черный, махнул рукой, и прошли полицаи дальше.

К вечеру узнал я, что немцы весь город перерыли. Матвей у колодца мне повстречался и, оглядевшись, сказал, что ночью убили Хорькова. Домой пришли и убили. И записку оставили — приговор партизанского суда. Он-то, Матвей, мне и сказал, что одного партизана немцы ранили, и это, должно, командир партизанский или комиссар. Одним словом — предводитель ихний.

Михаил Федорович взял с подоконника пробитый пулей партийный билет и снова стал разглядывать то, что осталось от фотографической карточки Павла Вересова, разорванной кусочком свинца.

— Да, — произнес он, вздохнув. — Вот и не знаю я, он это был или не он... По карточке этой не угадаешь.

— А он поправился? — волнуясь, спросил Федя.

— Через пять дней на ноги встал, — ответил, кивнув, Митин дедушка. — Каждую ночь, как только Гусак уснет, я к нему в погреб спускался. Еду кое-какую приносил. Что было. Для тепла шинелишку свою старую. Ватник тоже, валенки... Он так и спал — в валенках. Пистолет у него был. Так он пистолет даже во сне в руках держал. От каждого шороха просыпался, словно и не спит вовсе... Немцы три дня и три ночи по всем домам рыскали. Вот я теперь и думаю, что у партизан и верно предатель был — донес немцам, что тот человек в отряд не вернулся, где-то

в городе скрывается. А иначе, отчего бы они облавы устраивали? Как раз в те дни... Да такие облавы, каких никогда еще не бывало. Правда, ко мне не заходили. Не могли, должно быть, представить, что в доме, где живет немецкий офицер, прячется партизан. А я так думаю — это командир ихний был. Потому и зверствовали немцы.

— А может, они просто за Хорькова мстили? — сказал Женька.

— Может, и так, — кивнув, согласился Митин дедушка. — Вот разберете свои бумаги, тогда увидим. Может, и найдете какого Тихона.

Михаил Федорович умолк и задумался.

— А он вам никаких заданий не давал? — тихо спросил Женька.

— Как же, дал одно задание! — восторженно ответил старик. — На другой день, вернее будет — ночью. Как я к нему спустился, он и говорит: «Ты, дед, Матвея Спиридонова знаешь?» — «Как не знать, — отвечаю. — Вместе росли». — «Тогда, — говорит, — передай ему, как встретишь, вот это». И подал мне бумажку. А на бумажке одна только буква «П». — Митин дедушка снова раскрыл партийный билет командира отряда. — Его Павлом звали. Может, он, если только это он был, первую букву своего имени поставил. Весть, значит, что жив. А я тогда решил, что «П» — это вроде пароля, первая буква слова «партизан». Или, может, «подпольщик».

— И вы передали бумажку? — спросил я.

— А как же можно не передать? — Митин дедушка даже брови от удивления поднял. — Это, брат ты мой, такое дело!.. От этой бумажки, может, зависело, сколько наших на фронте побьют, сколько еще фашистских поездов под откос свалится, в болото угодит... Так вот, я специально высмотрел из окна, когда Матвей мимо с ведром прошагал. Я тоже сразу ведро в руки — и к колодцу. До сих пор не могу сказать, почему тот командир именно Матвея выбрал. Не иначе как племянник Матвеев, Родион, все же был с партизанами связан.

— А где он, этот Родион? — спросил Женька.

— Погиб на фронте, — ответил старик. — Когда Красная Армия наш Зареченск освободила, с ней на запад много народу пошло — немца добивать. Некоторые назад

после войны вернулись, а Родион погиб. Смертью храбрых, в сорок четвертом, под Кишиневом. И дед Матвей умер. В прошлом году. Последнее время все хворал, за грудь держался. — Михаил Федорович подумал и сказал: — А вы вот-ка что: с Егором Прохоровым поговорите. Он кое-что должен вам рассказать.

— Кто это — Егор Прохоров? — спросил Женька.

— Да вместе с Родионом тогда в лес ходил на заготовки, — объяснил Митин дедушка. — Если и было у Родиона или еще у кого из заготовщиков от партизан какое задание, он вам скажет.

Я вдруг вспомнил, как в лесу, когда мы шли к Большому дубу, Митя обмолвился, что его дедушке известно о девушке-партизанке Клаве Муравьевой, дочке лесника, которая знала все тропки в болотах и которую потом казнили фашисты.

— Михаил Федорович, — торопливо обратился я к старику, чтобы не забыть то, о чем считал нужным спросить непременно. — Вот Митя говорил, будто вы знали Клаву Муравьеву... Партизанку...

— А кто же ее не знал! — удивленно воскликнул дед. — И отца ее, лесника Игната, тоже все знали. — Он вдруг прищурил глаза, словно хотел к чему-то внимательно присмотреться. — Постой, постой! Клава!.. Уж не тот ли самый предатель и ее немцам выдал?

— Какой предатель? — воскликнул я, решив почему-то, что Митин дедушка сейчас откроет нам эту необыкновенную тайну.

— Да тот самый! Тот, что о моем госте фашистам сообщил! — Михаил Федорович крепко хлопнул себя ладонью по коленке. — Ох, голова! Да ведь так и есть!.. Каратели тогда всё в лес ходили — тропы искали, да, видно, никак найти не могли. А Клаву среди дня схватили, прямо на улице. Ее одну, никого больше. Но ведь на лбу-то у нее не было написано, что она партизанка. Мало ли девушек, похожих на нее, по улицам ходило! А взяли-то ее!.. Не иначе — донос получили, что будет она в тот день в городе! Клава-то каждую тропку в лесу знала...

Подавшись вперед всем телом, Женька слушал старика. Губы его подергивались, словно он про себя шептал: «Н.

же, ну!..» Должно быть, Женьке хотелось, чтобы медлительная речь Митиного дедушки звучала быстрее.

— Не знаю, для чего она в город пришла, — рассказывал Михаил Федорович. — Афанасий-то после говорил, что в отряде она выполняла обязанности санитарки и стряпухи. Может, насчет продовольствия или лекарств всяких... А может, и так — разведка... Только схватили ее фашисты, два дня муками пытали, а потом согнали народ на площади и повесили Клаву на глазах у всех...

Неожиданная мысль вдруг поразила меня. А что, если в отряде не было никакого предателя? Женька, может быть, прав. Облавы в самом деле немцы могли устраивать, мстя за смерть Хорькова. И Клаву схватили не потому, что ее кто-то предал. Ведь в городе ее знали многие. Узнал какой-нибудь полицай и побежал — сказал фашистам... И может быть... Может быть, Клава Муравьева, не выдержав страшных фашистских пыток, в бреду, нечаянно открыла эсэсовцам тайну, где найти проходы в болотах, тропы к партизанскому лагерю. Она проговорила, и все равно немцы ее казнили — на то они и фашисты. Но о проходах среди болот знали только она и командир — Вересов. Клава погибла, и Афанасий Гаврилович решил, что только Павел Вересов мог выдать врагу тайну. Вот она откуда, ошибка!.. Эта догадка стучала в моем мозгу тысячью звонких молоточков. Не решаясь высказать свою мысль вслух, я был занят ею, пока Женька записывал на клочке бумаги адрес Егора Алексеевича Прохорова, пока ребята прощались с Митиным дедушкой, и после, когда мы уже вышли на улицу.

— Значит, Серега, надо к Прохорову идти, — сказал Женька, и я, словно очнувшись, спросил:

— Что?

— Спишь ты, что ли? К Прохорову надо идти.

— А вы еще в Печурово пойдите, — сказал Федя.

— В какое Печурово?

— Это деревня, за болотами, — принялись наперебой объяснять ребята. — Наверно, партизаны туда тоже навдывались.

— А вот еще рядом Марьино есть, — подсказала Наталья. — И туда тоже можно пойти.

— Далеко эти деревни? — спросил Женька.
— До Печурова километров двенадцать, а до Марьино чуть побольше, — ответил Митя.
— Двенадцать километров!.. — протянул я.
— Знаете что, ребята! — вдруг воскликнул Митя. — Давайте их проводим! Они же дороги не знают. Соберемся как-нибудь вместе и пойдем.
— Правильно! — подхватил Федя. — Пойдем вместе!..
— Значит, у нас теперь целый отряд будет, — обрадованно сказал Женька. — Целый отряд следопытов!..
— А что! — подтвердил Федя. — Отряд и есть!
— И командир он — Женья! — сказала Настя.
— Точно! — подхватил Федя. — А я — заместитель...
— По болтовне, — вставил Игорь.

Все засмеялись, и Федя тоже. Он вообще не был обидчив, этот смешной маленький крепыш.

В этот день мы простились как-то особенно, не так, как прощались всегда. Ведь и правда это было здорово, что у нас теперь отряд следопытов!..

Всю дорогу до самого дома Женька строил разные планы. Я никогда не видел его таким разговорчивым. Впрочем, этими планами, куда и к кому надо пойти, чтобы побольше разузнать о партизанах, он тотчас же увлек и меня. Я совсем было позабыл о занимавшей меня недавно мысли.

Уже совсем недалеко от дома, когда мы проходили мимо ряда высоких тополей, Женька вдруг подпрыгнул и ловко поймал в кулак слетевшую с дерева бабочку — с черными крыльями, по которым, будто перевязь, шла голубая полоска.

— Катокала фраксини, — сказал я почти машинально. — Голубая ленточница... И зачем ты, Женька, ее поймал? Нам теперь будет не до бабочек. Отпусти, пусть летает...

Женька ничего не ответил. Только пристально посмотрел на меня. А потом достал из кармана коробку и бережно засунул в щель голубую ленточницу, «катокала фраксини» — бабочку из семейства ночниц-совок и подсемейства ленточных, которая по глупости сорвалась с дерева в неподходящее для нее время и теперь будет красоваться на булавке в нашей коллекции.

НЕЗНАКОМЫЙ ГОСТЬ

Тетя Даша заждалась нас с обедом. Впрочем, от нового строгого выговора нас спасло то, что Иван Кузьмич, которому в это утро не мешал никакой посторонний шум, заработался у себя наверху и тоже пропустил время обеда, а его тетя Даша беспокоить не хотела.

— Долго же вас продержал Михаил Федорович, — сказала тетя Даша, когда мы пришли домой. — Наверно, про всю свою жизнь успел рассказать?

— Он только про войну рассказывал, — ответил я. — Как партизана прятал в погребе.

— Знаю, — кивнув, сказала тетя Даша. — Теперь-то это уже всем известно.

— Он нам еще листовку показывал, — говорил я. — Настоящая листовка. Партизаны сами писали.

Когда тетя Даша начала разливать в тарелки суп, наверху хлопнула дверь, и ступени лестницы заскрипели под спускающимся к нам Иваном Кузьмичом.

— Ну, историки, — весело проговорил он, усаживаясь за стол. — Как успехи?

— Кое-что узнали, — сдержанно ответил Женька.

— Иногда кое-что — это уже немало, — сказал Иван Кузьмич. — Я вот помню, как один видный ученый-египтолог, между прочим, мой сокурсник по университету, однажды разгадал всего одну строку в египетских письменах на глиняных табличках. Всего строка, несколько рисунков... Он тоже тогда говорил, что это «кое-что». А «кое-что» оказалось началом расшифровки ценнейших данных об искусстве в древнем Египте. Большое, друзья мои, всегда начинается с малого. Дом строят по кирпичику. Книга складывается по букве, по строчке. — Старый жилец взялся за ложку и отломил кусочек хлеба. — Ну, так о чем же вы узнали?

Я начал рассказывать. Иван Кузьмич внимательно слушал. Конечно, я рассказал все гораздо быстрее, чем это сделал Михаил Федорович. То ли потому, что спешил, то ли потому, что выбирал только самое главное, что особенно легко запомнилось.

— Да-а, — сказала тетя Даша. — Хороший он человек,

старый Григорьев. И вот ведь — всю семью потерял. Два сына с фронта не вернулись... — Она помолчала и добавила, вздохнув: — Много хороших людей не вернулось...

Неугомонный Женька готов был лететь к Егору Алексеевичу Прохорову тотчас же после обеда. Но я так наелся, что не мог двинуться с места.

— Знаешь что, Жень, — сказал я, — давай лучше, как Митин дедушка говорил, список составим. Потом покажем сразу Афанасию Гавриловичу, когда он вернется, и узнаем, кого в этом списке не хватает.

Я думаю, что и Женька тоже все-таки отяжелел после еды. Во всяком случае, как бы там ни было, он, подумав немного, со мной согласился.

Усевшись за столик в нашей комнатке, мы разложили перед собой все документы и бумаги. Я раскрыл наугад красноармейскую книжку, не очень пострадавшую от времени и сырости. В ней стояли фамилия, имя и отчество — Андрей Васильевич Степняк.

Степняк... В книжке не было фотокарточки. Я старался представить себе, какой он, этот Андрей Степняк. Наверно, высокого роста, плечистый — настоящий богатырь. Таки́м же я представлял себе матроса партизана Железняка, когда слушал сложенную о нем хорошую и немного грустную песню. Фамилии были похожи. Вероятно, потому и люди эти — тот герой-партизан, который сражался в гражданскую войну под Херсоном, где высокие травы и стоит курган, и партизан Степняк, пускавший под откос фашистские эшелоны под Зареченском, ходили друг на друга в моем воображении, словно родные братья.

Женька переписывал фамилии из партийных билетов.

«Громов Яков Петрович... — выводил он на бумаге. — Рузаев Платон Никифорович...» Я заглянул в документы коммунистов. Их карточки в партийных билетах можно было хорошо рассмотреть. Громов худощавый. Лицо у него тонкое, а глаза пристальные, смотрят внимательно. Курчавые волосы... Нос с горбинкой... Платон Никифорович Рузаев круглолицый. В глазах — смешинка.

— Ты что задумался? — спросил Женька, ткнув меня в бок кончиком карандаша.

— Ничего, Женька, я так...

— Ну ладно, если так... Давай считать, сколько фамилий получилось.

Женька принялся считать, склонившись над листком.

— Слушай, Серега, — сказал он растерянно. — Только двенадцать.

— Что «двенадцать»?

— Двенадцать человек только. И то про одного из них известно, что звать его Григорий и у него в Томске мать, сестра Оксана и брат Анатолий. Значит полных — с именами, с отчествами и фамилиями — всего одиннадцать.

Я потеснил Женьку за столом и стал читать список. «Вересов Павел Николаевич... Громов Яков Петрович... Рузаев... Степняк... Парфентьев... Головановский... Это — фамилия из орденой книжки. Головановский Прокофий Иванович, награжден орденом Трудового Красного Знамени. И фотографическая карточка есть. Уже пожилой человек, лет сорок пять — не меньше... Наверно, рабочий... Лицо доброе, лоб в морщинках, и веселые морщинки у глаз. Где он жил до войны? В каком городе? На каком заводе работал? За что получил свою награду?.. И где теперь его орден? Наверно, каратели сняли. С убитого. Там, в Волчьем логое... А вот фамилия из пропуска. Пропуск на фабрику. На обложке можно разобрать тисненные буквы: «Фабрика «Коммунар». А фамилия — внутри книжечки — Дмитриев. И имя с отчеством есть — Константин Александрович. И где она, такая фабрика — «Коммунар»?..

— Слушай, Женька, — сказал я, прочитав список до конца. — А ведь ты не записал Афанасия Гавриловича!

— Ой, Серега, верно! — воскликнул Женька. — Не записал.

— И Клаву Муравьеву...

— Опять правда!

— А Федорчук? — закричал я. — Микола Федорчук, с которым Афанасий Гаврилович в разведку ходил! Его немцы убили у комендатуры.

— Есть — Федорчук!..

Женька торопливо принялся вписывать имена. Я смотрел, как он выводит строчки, и гадал, поделится с ним своими мыслями о Клаве Муравьевой или нет.

— С Федорчуком пятнадцать, — сказал Женька. — Все равно девяти человек не хватает. То ли, Серега, у них

документов не было, то ли не успели те документы в гильзу вложить. Правда, вот еще комсомольский билет и три красноармейские книжки. Да разве в них что-нибудь разберешь?

— У Афанасия Гавриловича спросим, — сказал я.

— Да, может, и он не помнит. Сколько лет прошло!.. — Женька помолчал, перебирая бумаги и документы, лежащие на столе, и сказал: — И ведь в этом списке может быть тот, кто отряд предал. Ну, коммунистов я не считаю. Комсомольцев тоже...

И тут я решился.

— Послушай, Женька, — проговорил я. — Что, если в отряде не было никакого предателя?

— Как это — не было? — От изумления Женька вытаращил глаза.

— А так. Может быть, под пыткой Клава не выдержала...

— Что-о?..

— Ну, не то чтобы не выдержала... Просто в бреду выдала, где тропы в болотах, где партизаны...

— Ты, Серега, с ума, что ли, сошел?.. — Женька произнес это как-то очень тихо, свистящим шепотом. — Может, у тебя, Серега, у самого бред?.. Соображаешь, что говоришь?

— Да я же не говорю, что это в точности так было, — смутившись, поспешно сказал я. — Только предполагаю...

— Предположитель какой! — крикнул вдруг Женька. — Да у Клавы немцы отца замучили, дом спалили.. Она их знаешь как ненавидела!..

— Так ведь не нарочно же она... — говорил я, жалея уже, что начал этот разговор. — В бреду, может быть...

— В бреду? А кто немцам сообщил, что в городе раненый партизан скрывается? А почему Клаву на улице схватили из всех прохожих одну? Ну, отвечай, почему?

На Женьку страшно было смотреть. Мне показалось, что он сейчас ударит меня.

— Может быть, немцы и не знали про того партизана, — сказал я. — Просто устроили облаву.

— Что-то у тебя все очень просто получается.

— Ну да... А Клаву схватили... Ведь Михаил Федорович сам говорил, что ее многие знали в лицо.

— Так и знали немцы, что Клава к партизанам ушла!..
— А если не знали, то почему же Клаву схватили?
— Потому, что предатель, который в отряд к партизанам пробрался, сообщил заранее: придет, мол, в город разведчица-партизанка. Ясно?

Да, мне все теперь было ясно. Конечно, Женька прав.

— Это верно, — сказал я, сдаваясь. — Конечно... Клава выдать не могла...

— То-то — не могла! Такие, как Клава, не выдают. И такие, как Вересов, как Громов. И такие, как вот этот орденосец Головановский. И комсомольцы — тоже.

— А может быть, предатель по чужим документам к партизанам пробрался? — спросил я. — Убили фашисты какого-нибудь комсомольца, взяли его билет, отдали своему шпиону и говорят: «Иди к партизанам, выдай себя за комсомольца...»

— Может быть, Серега, так оно и было.

И в этот миг вдруг за нашими спинами раздался громкий голос:

— И может быть, вы совершенно правы...

Мы обернулись разом. Возле двери стояла тетя Даша и рядом с ней какой-то человек лет тридцати или, может быть, поменьше, светловолосый, синеглазый и загорелый. Наверно, от очень сильного загара голубые глаза его казались яркими, будто две звездочки.

Растерянно смотрели мы то на улыбавшуюся тетю Дашу, то на этого незнакомца. Ну и распорились же мы, значит, с Женькой, ну и раскричались, если не слышали, как отворилась дверь и как они вошли! А гость, шагнув к нам, протянул руку.

— Давайте знакомиться. Левашов. Зовут меня Василий Степанович. Работник областного музея.

ДРАГОЦЕННЫЙ ПОДАРОК

Бывает так, что сгоряча сделаешь какую-нибудь глупость, а после — иногда через час, а то и через день — начинаешь жалеть о ней. И думаешь и мучаешься — хорошо было бы сделать все по-другому...

Вот об этом и думал я, проснувшись рано на следующий день и вспоминая обо всем, что произошло у нас с сотрудником областного музея Василием Степановичем Левашовым.

Он увез с собой всё — все партизанские бумаги и документы. Даже позеленевшую гильзу от снаряда и ту прихватил. От нашей замечательной находки остались у нас только переписанные Женькой письма да список пятнадцати человек, среди которых, кстати, не оказалось ни одного по имени Тихон.

Я лежал на своей кровати, глядя в потолок, и размышлял, почему мы не попросили этого сотрудника оставить нам документы хотя бы до приезда Афанасия Гавриловича. Наверно, Левашов согласился бы. Правда, он обещал непременно выслать нам фотокопии всех документов. Да кто же его знает, пришлет или нет. И если пришлет, то когда?

Василий Степанович очень долго разговаривал с нами. Он рассказал, что каждый партийный документ строго учитывают — ведь комсомольским или партийным билетом может воспользоваться враг. А те документы, что мы нашли, еще не сняты с учета. С тех пор — с сорок первого года... Потом, словно спохватившись, он вдруг начал объяснять, как это важно, чтобы найденные нами бумаги хранились в музее. Он внимательно читал расшифрованные Женькой письма, сличал их с подлинниками, разглядывал комсомольский билет и красноармейские книжки, превращенные временем и сыростью в бесформенные комки. Он сказал, что этими письмами и документами займутся специалисты из какого-то научно-технического отдела.

— Я уверен, — сказал он, — что там сотрудники прочитают больше, чем сумели прочесть вы. Хотя и вы, конечно, — добавил он, — сделали немало.

Он очень нас расхваливал. Наверно, потому-то мы и развесили уши. А после и вовсе поразевали рты. Василий Степанович начал рассказывать, как работают сотрудники научно-технического отдела. Он спросил нас, знаем ли мы, кто убил на дуэли Пушкина. Еще бы мы этого не знали: Дантес, конечно.

— А из-за чего была дуэль?

— Пушкин письмо какое-то получил, — вспомнил Женька.

— Верно, — кивнув, согласился Левашов. — Письмо. Пасквиль. Но Пушкин так и умер, считая, что письмо это написал сам Дантес или усыновивший его барон Геккерен. Только в 1927 году ленинградский криминалист Сальков точно установил, что письмо было написано рукой великосветского щеголя князя Владимира Долгорукова. Но и это еще не все, — продолжал наш удивительный гость. — Ученые, занимающиеся творчеством Лермонтова, долго спорили о том, принадлежит ли перу великого поэта сказка «Ашик-Кериб». Почерк в рукописи не очень был похож на лермонтовский. И опять-таки эксперты доказали, что рукопись эта Лермонтова. В научно-технических отделах и музыкой занимались. Да, да... Когда-то, давным-давно единственный экземпляр нотной партитуры Чайковского — вариации на тему рококо — был выправлен немцем-скрипачом Фитценгагеном. Не понравилась этому немцу музыка Петра Ильича. Пришлось спустя много лет криминалистам восстанавливать подлинный текст музыки Чайковского. А герои Брестской крепости!.. Когда наши войска освободили Брест, в развалинах крепости нашли разрозненные листки — записи защитников крепости. Тридцать один листок. Вот вроде ваших этих писем... Из них криминалисты прочитали тридцать страничек. А это было нелегко...

— И все эти криминалисты в вашем музее работают? — спросил я с недоверием.

— Ну нет, — засмеялся Левашов.

— А где же? — удивился Женька.

— Да ты не беспокойся, — Василий Степанович улыбнулся. — В надежных руках будут ваши документы — ни один не пропадет.

Потом он стал расспрашивать нас об Афанасии Гавриловиче. Мы с Женькой наперебой начали рассказывать, как познакомились с ним в поезде, как ходили к нему в гости.

— Только он скромный очень, — сказал я. — Ничего про партизан рассказывать не стал. Он Павла Вересова считал предателем...

Вот тут-то и надо было бы попросить Левашова оставить нам документы до приезда Афанасия Гавриловича. И как это я не сообразил в ту минуту!..

Тетя Даша вскипятила чай и позвала нашего гостя

отужинать вместе с нами. Было уже поздно. За окнами опускались сумерки. До отправления поезда, на котором должен был уехать Левашов, оставалось еще часа три, и он согласился. За ужином мы рассказали ему о Митином дедушке Михаиле Федоровиче и, как умели, наперебой, повторили то, что нам довелось от старика услышать. Левашов слушал очень внимательно, а когда мы сказали, что пойдём к Егору Алексеевичу Прохорову и постараемся найти еще каких-нибудь людей, которые видели партизан, он сказал:

— Это здорово. Очень здорово! И давайте так уговоримся: я для вас со всех документов фотокопии сниму, а вы мне будете сообщать, стараясь быть точными, обо всем, что вам удастся узнать. Согласны? Вот и адрес музее. — И он написал на клочке бумаги несколько строчек.

Обо всем этом я раздумывал, глядя в потолок, лежа на кровати и дожидаясь, когда проснется Женька. Настроение у меня было неважное.

Вот заворочался под одеялом и Женька. Он всегда просыпался потягиваясь. Потянулся и на этот раз.

— Не спишь, Серега?

— Не сплю. Думаю.

— О чем думаешь?

— О том думаю, что мы с тобой дураки. Надо было попросить этого сотрудника музея, чтобы он нам до приезда Афанасия Гавриловича оставил документы.

— Это ты правильно говоришь, — сказал Женька, и в голосе его различил я насмешку. — Правильно говоришь, что дураки. Только не потому, что не попросили Левашова нам документы оставить, а потому, что сами не пересняли их твоим аппаратом.

— Не пересняли?.. Сами?..

— Ну да. Висит твой аппарат на стенке. Только место занимает. Сфотографировал Афанасия Гавриловича, сфотографировал Митиного дедушку — и все. Надо было в Волчьем лого несколько снимков сделать. Надо было все документы переснять. Мы же все равно собирались их сдать для музея, а не себе оставить.

И снова Женька был прав, как всегда.

— Ну ладно, — сказал Женька. — Теперь уже нечего горевать. Давай-ка одеваться.

За столом, когда мы завтракали, у нас зашел спор, найдут или не найдут родственников погибших партизан. Мы даже спросили на этот счет мнение тети Даши и Ивана Кузьмича — он завтракал вместе с нами. Старый жилец склонялся к тому, что найдут всех обязательно.

— А как вы думаете, Иван Кузьмич, — спросил Женька, — портреты партизан в музее вывешат?

— Это уж непременно, — ответил старик.

— И Афанасия Гавриловича портрет — тоже, — сказал я.

— Вот его портрет я бы в музее не помещала, — вдруг вмешалась тетя Даша. — Если уж и помещать его портрет, так — в милицию, в какое-нибудь «дело».

— Почему? — удивился я.

— И за что вы его так не любите, тетя Даша? — спросил Женька.

— А за что его любить, хапугу? — сердито ответила тетя Даша.

— Да какой же он хапуга? — воскликнул я. — Он же герой, партизан.

— Был партизан, — сказала тетя Даша. — А теперь самый настоящий жулик. Ладно уж... — Она махнула рукой. — Не люблю я, если говорить по чести, в чужие дела соваться. А вам расскажу. Уж очень вы от него в восторге. Не нравится мне это. Вы небось думаете, что он, Шкворнев-то, на самом деле в командировки ездит? Да спекулировать он ездит. Ягоды, фрукты из своего сада продавать. Наберет полны корзины и везет туда, где клубника да яблоки подороже.

Я вспомнил, как удивился в поезде, увидев огромную пустую корзину Афанасия Гавриловича, перепачканную красным соком ягод.

— И туда везет и оттуда набирает всякой всячины, чего здесь, в Зареченске, не найдешь, — продолжала тетя Даша. — И цветами торгует, когда время подходит. Я вот как-то раз в Ленинград ездила. К матери моего Николая... Совсем она старенькая — восьмой десяток. Вот я и езжу, навещаю ее... Поехала и той осенью. На вокзальную площадь с перрона вышла, а на площади торговцев видимо-невидимо: цветы продают. Ну, оно понятно — самое бойкое место для такой торговли вокзал: иных встречают,

иных провожают. Гляжу, и наш Афанасий тут. Стоит с корзиной. Ну, правда, цветы у него из всех самые лучшие. Еще бы, заборище такой отгрохал — никто не потопчет. Вот он стоит со своей корзиной, а меня не замечает. Букетом трясет — смотрите, мол, все, какая красота! Тут, вижу, к нему паренек подходит. Молоденький такой. Студент, наверно. Может, он невесту встречает. Может быть, мать... О чем у них разговор, я не слышу, но понимаю — о цене. И видать, такую цену наш голубчик заворотил, что у студента того сразу лицо вытянулось. Стал он карманы выворачивать, считает рубли, мелочь какую-то на ладонь сыплет... Не выдержала я, нарочно мимо прошла и говорю: «Здравствуй, Афанасий Гаврилович». Тут уж у него физиономия стала вроде огурца — и длинная и зеленая. Не ожидал он, что застану его за таким делом. А я, значит, стою, не ухожу. «Торгуете?» — спрашиваю. «Да что вы, — отвечает, — Дарья Петровна. Какая торговля!.. Сам вот приехал. Родственнику цветочки везу. Он до цветов охотник». Уж выдумал бы что-нибудь поскладнее! «А, — говорю, — родственнику, значит?» Зло меня разобрало. «Не этот ли, — спрашиваю, — ваш родственник — молодой человек, который деньги считает?...» Покрылся он. «Что вы, что вы!..» А я только посмотрела на него и отвернулась — на троллейбус пошла. Вот он какой командировщик! Поняли?

Пораженные, сидели мы с Женькой и не верили своим ушам. Но не поверить тете Даше мы не могли.

— Уж он и так и эдак после ко мне подкатывался, — сказала Женькина тетка, помолчав. — Даже замуж предлагал за него идти. Да только мне такой муж не нужен. И вообще никакой не нужен, — добавила она тихо, и я понял, что она в эту минуту вспомнила о своем муже, о Николае Веточкине, который погиб на войне возле Одессы от злой фашистской пули.

— Вот так штука, Серега... — Это было первое, что произнес Женька, когда мы очутились в нашей комнатке.

— Да, может быть, тетя Даша что-нибудь напутала, — неуверенно сказал я. — Может, он и правда к родственникам в Ленинград приехал. А еще может быть, — поспешно добавил я, заметив недоверчивое выражение Женькиного лица, — что он и не спекулировал. Он, может, про-

давал цветы по тем ценам, как в магазине продают, а у студента просто не было денег.

Не знаю, был ли согласен Женька с моими предположениями. Он не успел мне ответить, потому что в сенях раздался стук в дверь, и мы услышали Митин голос:

— Женя с Сережей дома? Здравствуйте, Дарья Петровна.

— Здравствуй, Митя, — ответила тетя Даша. — Дома они, проходи. Как там дед-то себя чувствует? Не болеет?

— Ничего, — сказал Митя. — Спина побаливает. Он говорит — это к непогоде.

Тетя Даша засмеялась.

— Михаил Федорович у нас как барометр.

Женька распахнул перед Митей дверь, чуть не стукнув его по лбу. В руке у Мити я заметил свернутую в трубочку тетрадку.

— А я думал, вы уже ушли, — сказал Митя. — Ну что, были у дяди Егора?

— Не успели вчера, — ответил Женька.

— А список составили? Мне дедушка велел: зайти узнай, нет ли среди тех партизан Тихона.

— Нету Тихона, — печально ответил Женька. — И документов, и бумаг, и гильзы — ничего у нас больше нет.

Митя вытаращил глаза.

— Как это — нет?

— А так вот — нет. В музей уехали.

И Женька принялся рассказывать Мите о вчерашнем нашем голубоглазом госте — сотруднике областного музея Левашове.

— Ну ладно, — говорил с огорчением Женька, заканчивая эту историю. — Мы все равно хотели бумаги в музей передать. И если тот Левашов не обманет, то копии нам пришлет. Да ведь мы сами раньше можем уехать, чем он их нам пришлет. И как не сообразили тут же переснять копии!.. И аппарат — вон он! — на стенке висит. И фотограф свой — вот он! — сидит, как воробей на заборе.

Не знаю, почему вдруг я оказался похож на воробья, да еще на заборе. Но Женьке вообще иногда приходят в голову какие-то странные сравнения.

Подумав, Митя сказал:

— Зря ты, Жень, загоревал. Копии в музей снимут луч-

ше, чем вы смогли бы сами вашей «Сменой». Вот мы прошлой весной на экскурсию ходили, в Копалино. Это километров шестнадцать отсюда. Всем классом пошли. Там у ребят в Копалинской школе свой исторический музей есть. Вроде история края: района ихнего, Копалинского. Ух и интересный музей! С самых доисторических времен. И про революцию есть. И про гражданскую войну. И про Отечественную. Каска немецкая есть. Шашка... Это — с гражданской войны. Каска смешная — с шишаком наверху. И с этой войны тоже есть немецкая каска. Без шишака уже. А на нашу не похожа. А фотокарточек у них там на стенах — видимо-невидимо! Они нам говорили, что это им из областного музея прислали. И вам пришлют. Не сомневайтесь. А если и с опозданием вышлют, так тетя Даша или из нас кто-нибудь — мы перешлем, только адрес оставьте.

— Спасибо, если перешлете, — повеселев, сказал Женька.

— Подождите, — загадочно улыбаясь, сказал Митя. — Сейчас еще одно спасибо скажете. Да еще какое!

Он бережно развернул трубочку-тетрадку, раскрыл ее и вытащил желтый листок.

— Вот. Верите. Дедушка вам велел передать.

Это была партизанская листовка! Та самая листовка, которую так долго хранил у себя в комодке Михаил Федорович Григорьев.

НЕНАВИСТЬ СИЛЬНЕЕ СТРАХА

Если говорить честно, то после того, как все наши документы и бумаги увез с собой Василий Степанович Левашов, у меня опустились руки. Для чего идти к Егору Алексеевичу Прохорову? Для чего шагать двенадцать километров, чтобы попасть в Печурово или в Марьино? Я не верил, что Левашов сдержит свое обещание. Мало ли у него дел в музее!.. Ну, пообещал и забыл. Надо ему еще возиться со всякими фотокопиями... А привезти в школу и в наш исторический кружок в Доме пионеров одни только записанные нами рассказы людей, видевших партизан, каза-

лось мне пустяком. Но зато все изменилось, когда Митя рассказал нам о музее в Копалинской школе да еще принес листовку — настоящую партизанскую листовку — подлинник, а не копию. Я снова воспрянул духом.

К Егору Алексеевичу Прохорову мы решили идти немедленно, вместе с Митей. Митя сказал, что дядя Егор в прошлом году вышел на пенсию и мы можем застать его дома.

— А спина-то у дедушки неспроста болела, — сказал Митя, когда мы вышли на улицу. Он кивнул головой вверх, показав на небо. — Занепогодит к вечеру.

По небу, временами закрывая солнце, быстро летели облака. Громоздятся друг на друга, будто снежные горы, они словно собирались на какую-то невиданную сходку — от края до края неба, чтобы общими силами обрушить на землю звонкий ливень.

Не доходя дворов двадцать до калитки дома, где жил Афанасий Гаврилович, я вдруг невольно замедлил шаг. Впереди шел человек. Я сразу же узнал знакомую коричневую кепку. Конечно, это был тот самый человек, которого я дважды видел возле дома Шкворнева. Пройдя мимо калитки, человек на миг приостановился и, быстро оглядевшись, сунул что-то в щель. Мне показалось, что это был конверт.

Странное и тревожное чувство вдруг охватило меня. Кто он такой, этот незнакомец? Что ему надо от бывшего партизана?

— Женька, — сказал я, глядя вслед быстро удалявшемуся человеку в коричневой кепке. — Как ты думаешь, может быть, Афанасий Гаврилович уже вернулся?

— По-моему, еще не вернулся, Серега, — ответил мне Женька. — Помнишь, та тетка сказала, что он уехал на две недели. А прошло с тех пор только два дня.

— Эгей! — вдруг раздался сзади веселый возглас. — Эгей, следопыты!..

Мы обернулись все разом. К нам спешили Игорь и Федя.

— Куда собрались? — спросил, подбежав, запыхавшийся Федя. — Уж не к дяде ли Егору?

— К нему, — кивнув, ответил Митя.

— И не совестно? Без нас... — Федя был явно оби-

жен. — Уговорились вместе, а вы... Думаете, нам не интересно про партизан послушать?

— Конечно, — тоже с обидой поддержал его Игорь.

— Неудобно, Федя, к незнакомому человеку приходиться с утра да еще целой толпой, — объяснил Женька.

— Это он для вас незнакомый, — сказал Федя, — а для просто дядя Егор.

— Тогда надо уж и Тараса позвать и Настю, — сказал Митя. — А то и они обидятся.

— Мы уже были и у Насти и у Тараса, — торопливо ответил Федя. — Настя на огороде работает — матери помогает. А Тарас болеет. Вот смех-то! Сидит на кровати грустный-прегрустный, и щека подвязана. «Жубы, — говорит, — болят. Флюш», — говорит. Наверно, простудился. Ведь целыми днями с удочкой, ноги в воде. Вот и заработал свой «флюш». Только у него незаметно: щеки сами по себе толстые.

— А что, в самом деле, — сказал я. — Ну, придем мы к Прохорову трое, ну, придем пятеро. Не все ли равно?

— Конечно, он не прогонит, — подтвердил Митя. — Пошли.

Вот так и случилось, что на Советскую, к Егору Алексеевичу Прохорову мы двинулись почти всем нашим отрядом следопытов в полном составе — только без Насти и без Тараса.

По дороге Федя говорил не умолкая.

— Вот вы про товарища забыли, а я про вас не забыл. Ну ладно, отряд у нас есть. А штаб? Где мы собираться будем?

— У тети Даши нельзя, — сказал Женька. — Ивану Кузьмичу помешаем.

— И у нас тоже... не очень, — с огорчением заметил Митя. — Отец и мать с работы усталые приходят.

— Вот то-то и оно! — обрадованно воскликнул Федя. — Ну, ничего, — добавил он таинственно. — Я знаете какое место выбрал!..

— Какое? — заинтересовавшись, спросил Митя.

— А вот увидите!

— Да ты не тани, говори.

— Ладно, пошли, — сказал Федя еще загадочнее.

— Куда?

— Говорю же: увидите.

Феде не терпелось поскорее провести нас куда-то, но мы уже пришли на Советскую, а сказать просто так, какое место выбрано для нашего штаба, Федя ни за что не хотел, как мы его ни упрасивали.

— Не хотите сейчас идти, — упрямо сказал он, — пойдем после.

Неказистый одноэтажный домик, где жил Егор Алексеевич Прохоров, был таким же, как десятки, как сотни домов в Зареченске. За невысокой оградой, в садике на куче песка возился малыш лет пяти.

— Эй, Петушок! — окликнул его Федя. — Дедушка дома?

Малыш посмотрел на всех нас внимательно и вдруг, сорвавшись с кучи, помчался к дому; он кричал во все горло пронзительным и звонким голосом:

— Дедушка! К тебе пионеры пришли! В галстуках!..

— Эгей! — отозвался из дома веселый бас. — Которые такие в галстуках? — И на пороге застекленной террасы появился рослый лысоватый человек в очках, с молотком в руке.

Это и был Егор Алексеевич.

— Заходите, заходите, — радушно пригласил он нас, поднимая очки на лоб. — Только ноги почище вытирайте. А то хозяйка утром пол вымыла, а она у нас строгая.

Старательно пошаркав ногами по проволоочной сетке у порога, мы гуськом вошли на террасу. Дядя Егор указал нам на скамейки возле небольшого столика.

— Рассаживайтесь и рассказывайте, какие ветры вас ко мне занесли. По носам вашим вижу, что дело важное.

Федя пощупал свой нос и засмеялся. А Митя стал объяснять, кто мы с Женькой такие. Он говорил только о нас потому, видно, что остальных ребят Прохоров знал хорошо.

Услышав, что Женька — племянник тети Даши, Егор Алексеевич тряхнул лысеющей головой.

— Знаю Дарью Петровну. Женщина, достойная уважения. И мужа ее покойного знал. Отличный был человек, душевный и честный.

Он говорил решительно, громко, отрывисто. Я вспомнил про молоток, который был у него в руке, когда он вы-

шел на крыльцо, и подумал, что дядя Егор, наверно, очень энергичный старик. Вот и сейчас, уже на пенсии, не может он сидеть без дела — то молоток возьмет, то пилу, что-нибудь починит, что-нибудь подправит. Привык, наверно, всю жизнь крепко и помногу работать, а сейчас вот надо сидеть дома и следить, как бы внук его Петушок, который, стоя у двери, сосал палец и смотрел на нас во все глаза, не набедокурил бы в доме или куда-нибудь без спроса не удрал.

Пока я раздумывал над этим, Женька успел рассказать о нашей находке. Он упомянул о том, что мы уже были у Митиного дедушки и что как раз он-то и дал нам адрес дяди Егора. Потому что Прохоров был в лесу с заготовщиками в тот день, когда из лесной чащи вышел к ним партизан в военной шинели и в фуражке с красной звездой.

— Верно, — кивнув, сказал Егор Алексеевич. — Было такое. Мы тогда, как обычно, в лес пошли. Пятеро нас собралось. Спиридонов Родион... Потом еще Сергей Пономаренко. Ну, я — третий. Четвертый — Петров Денис. Пятый... Кто же пятый был? А? Степанов Данила. Здоровущий мужик... На голову меня ростом выше. Богатырь. Такие лесины ворочал!.. Говорят, и погиб на фронте, как богатырь. В городе Будапеште. Да, да, он как раз и был тогда пятый.

В лес мы к полдню пришли. Четыре тележки с собой прикатили. Мы на них укладывали бревна и возили в город, на лесопилку. По четыре бревна на две тележки. Ну, я думаю, Данило и один бы такой груз сдвинул. Только мы себя работой тогда не старались изнурять. Какая охота на немцев работать? За день только восемь бревен доставляли. Один спереди тянет, другой сзади толкает, а пятый, лишний, стало быть, следит, как бы бревна от тряски не разошлись.

Ну вот, в тот день начали мы деревья валить. А партизаны, видно, давно уже к нам присматривались. Знали, что с нами немцев нет. И вышел их командир к нам открыто. Это мы после меж собой решили, что он партизанский командир. А сразу-то все только рты поразевали. Как же иначе? В красноармейской шинели человек. Звезда на фуражке. У меня от радости сердце запырало.

Думал, Красная Армия подошла — немцам конец. Да и шинель-то у него была по форме. С петлицами. Кубики в петлицах — командный состав. Только вот сапоги совсем сбитые. Видно, немало пришлось верст пройти ему в тех сапогах...

Вышел он к нам, а мы стоим, глазами хлопаем. Он на пенек присел, кiset вытащил, бумагу, самокрутку свернул. «На немцев, — говорит, — работаете». Стали мы ему объяснять, что немцы в лес посылают только семейных. Работаем, мол, под страхом — детей погубят. Он послушал, нахмурился. Кресалом на трут огонь высек. Закурил. Ничего больше нам не сказал и стыдить не стал. А начал расспрашивать, сколько в городе немцев, как вооружены, нет ли склада боеприпасов. Еще спросил, кто из жителей в полицаи пошел служить. Все мы ему рассказали: и сколько фашистов и где комендатура. Про Хорькова — самого главного гада — тоже поведали. Он все очень внимательно выслушал, а после стал спрашивать, не знаем ли мы верных советской власти людей в городской больнице и на железной дороге. Тут-то я и понял, что этот командир — один из тех, кто скрывается в лесу, бумажки против фашистов на стенах лепит да вражеские поезда под откос валит. Один из тех, из-за кого немцы последнее время покой потеряли. И я это понял, и товарищи мои. Стали мы тоже его спрашивать: скоро ли конец фашистской неволе, скоро ли наша Красная Армия на помощь к нам придет и нельзя ли к ним, к партизанам, с семьями податься? Выслушал он нас и говорит: «Придет Красная Армия. Не было такого случая, чтобы наших людей она из беды не выручила. И чужих выручает, кому горе-несчастье грозит, а наших, советских, тем более в беде не оставит». Сказал он еще, что пока не может взять нас к себе в отряд с семьями: для семейной жизни, мол, еще не все у них в лагере приспособлено, и с продовольствием туго, и с жильем. Но как только будет полегче, тогда, конечно, и с семьями нас всех заберет.

Эх, как пригодились бы нам с Женькой сейчас те документы, в которых были фотографические карточки! Из трех партийных билетов в двух они остались целехоньки. Была карточка и в орденой книжке. Может быть, взглянув на фотографии, Егор Алексеевич сразу бы узнал

командира в шинели. А если бы не узнал и сказал бы, что на тех трех карточках изображены другие люди, значит человеком в шинели, в фуражке с красной звездой был сам Павел Вересов?.. Тысячу раз прав Женька: я просто безмозглый болван — не сообразил вовремя, что надо переснять моей «Сменой» все бумаги.

Со злости я с силой дернул ремешок аппарата, словно этот ремешок был виноват в том, что у меня такая пустая голова. Между тем Егор Алексеевич продолжал свой рассказ, и я, все еще ругая себя, снова стал слушать.

— Назвать тому партизанскому командиру людей, верных советской власти, было нетрудно, — говорил Прохоров. — Таких в городе было много. Гораздо больше было, чем полицаев и прочих фашистских прислужников вроде Хорькова. Родион сразу же назвал свояка Арсения, его жена Родионовой жене родной сестрой доводилась. Работал он смазчиком на станции. Тоже не своей охотой пошел. Немцы сказали, что и его самого и всю его семью в лагерь угонят, если работать не пойдет. Но мы-то знали, как он буксы у вагонов смазывает. Почему только вагоны в пути не загорались — не знаю. Ну, а насчет верного человека в больнице, так вернее докторши Надежды Викторовны Старицкой, пожалуй, там было и не найти. Это мы все в один голос подтвердили.

Командир задумался, ладонью подбородок потер. Должно быть, запоминал имена. А потом спрашивает: «Ну, а вы, товарищи, хотите советской власти помочь поскорее немцам шею свернуть?». Ясное дело, мы все сказали, что хотим. И были тогда получены нами, каждым, особые задания. Родиону — переговорить со свояком, выяснить, какие у него настроения; Даниле и Денису Петровым — составить примерный распорядок смены патрулей ночью и план их маршрутов; Сергей Пономаренко такое задание получил — разузнать, есть ли у немцев в городе взрывчатка, и если есть, то где немцы ее хранят. И у меня задание было: установить точно, в какой комнате в Заготпункте стоит пишущая машинка, и поговорить с докторшей, с Надеждой Викторовной, сможет ли она спрятать для партизан бинты, йод, вату и разные лекарства. А кроме того, было у нас у всех одно общее задание — расклеить по городу партизанские листовки.

— И вы расклеили? — не вытерпев, воскликнул я.

— Ну, а как же? — ответил дядя Егор. — Той же ночью. Этих листочков нам в тот раз командир дал целую пачку. Мы их разделили. Каждому досталось штук по десять. Я свои листки в сапог спрятал, под портянку. А за полночь выглянул на улицу — вижу: патрульных нет. Я шашь за ворота: и на соседский дом, на свой забор, на телефонный столб — всюду расклеил. Утром-то, правда, немцы их все посрывали, но много тех листов уже успели люди прочесть.

— А не страшно было их дома держать, дядя Егор? — спросил Митя.

— Как же не страшно? — сказал Прохоров. — Ведь за один такой листок Хорьков старика Лукьянова на месте застрелил. За пачку листовок немцы наверняка бы всю мою семью погубили. — Егор Алексеевич помолчал и повторил, взглянув на Митю: — Страшно-то страшно, Митрий. Да только ненависть наша к врагам проклятым посильнее страха была.

— А вы после еще виделись с тем командиром в лесу? — спросил Женька.

— Да с перерывами, пожалуй, раза четыре, — ответил дядя Егор. — Он сам к нам выходил, когда мы были ему нужны. Кроме него, мы других партизан не видали. Однажды он попросил нас достать медной проволоки — побольше, немного серы и свинца.

— Зачем? — удивился Федя.

— А я разве знаю? — развел руками Егор Алексеевич. — Мы и не интересовались. Надо — значит надо. Хоть из-под земли, а достать требуется.

— Может, из свинца пули делали... — задумчиво рассуждал Федя. — А проволока для чего?

— Помолчал бы ты, — с укором сказал Митя.

— Ну, свинец-то достать было нетрудно, — продолжал дядя Егор. — У нас в Зареченске до войны много рыболовов было. Грузила почти у каждого в доме. И у меня лежал в сарае припрятанный кусок свинца в добрый кулак величиною. Серы Данила достал. Он неподалеку от кладбища жил, а на кладбищенских памятниках сера часто выступает — руками можно собирать. С проволокой хуже было — где ее возьмешь? А командир говорил, что надо не

меньше метров двухсот тонкой медной проволоки. Спасибо Денису — надоумил. На электростанцию пошли. Там после взрыва много катушек с медной проволокой валялось. Мы эти катушки и собрали. Вывезти их, правда, трудно-вато оказалось. Да на что же ум не повадлив! Привязали снизу к тележке — так и вывезли за город. Вот до сих пор и не знаю, для чего все это партизанам нужно было.

Федя рванулся было что-то сказать, но взглянул на Митю и, ничего не сказав, сел на место.

— Да... — проговорил, вздохнув, Егор Алексеевич. — Для чего-то надо было, если приказали достать. А листовки каждый раз мы от командира получали. Однажды, помню, это уже в конце августа было, вышел он к нам радостный. «Это, — говорит, — товарищи, очень важно. Сами почитайте и расклейте по всему городу, чтобы побольше людей прочло». Подал нам пачку листовок — на машинке отпечатано. Мы, конечно, сразу схватились — сами стали читать. Как сейчас у меня перед глазами та листовка. «Товарищи, братья и сестры, все, кто томится в проклятой фашистской неволе...» — так она начиналась. Помню, Денис читал, а мы то украдкой слезы утирали, то хотелось нам плясать от радости. Еще бы! В той листовке было, друзья мои, первое услышанное нами за несколько месяцев сообщение с фронтов. И откуда партизаны узнали о боях под Таллином, под Ленинградом, под Смоленском и Ельней, под Одессой, на Днестре... В немецких листочках, которые по всему городу развешивались каждое утро, говорилось, что Красной Армии давно уже нет, что Москва через день-два сдастся... А тут... Ну как же не радость?..

У Егора Алексеевича и сейчас от радости искрились глаза, словно все, о чем он рассказывал, сейчас он переживал снова.

— После того случая, — сказал дядя Егор, — во всех листовках были сообщения с фронта. Да только недолго мы их носили, те листовки. Каратели, что в город приехали, запретили выпускать за городские заставы жителей без особых надобностей. Всюду на выездах шлагбаумы поставили, будки для часовых. Нам, лесовщикам, тоже запретили в лес ходить. Стала лесопилка. Да только листовки все равно в городе появлялись. Реже, правда, но были.

Егор Алексеевич замолчал и о чем-то задумался.

— Можно спросить? — Женька, как на уроке в школе, поднял руку.

— Спрашивай, — кивнул Прохоров. — Отчего же нельзя?

— Вы тогда по заданию разговаривали с докторшей? С Надеждой Викторовной...

— Ясно, разговаривал. Вроде как на прием пришел.

— И она согласилась помогать партизанам?

— Конечно. А то откуда же у партизан появились медикаменты? У нее с ними связь крепко была налажена. Да вы бы сами у нее спросили.

— Она жива?..

Женька заорал так громко, что у меня зазвенело в ушах. А Федя свалился со скамейки.

— Что кричишь? — с негодованием воскликнул он. — Жива, конечно. Кто же Надежду Викторовну не знает.

— Верно, — подтвердил Егор Алексеевич. — Ее все у нас в городе и знают и уважают. Надежда Викторовна — человек заслуженный. До сих пор она в нашей городской больнице работает. Заместитель главного врача. А живет на Ленинской, возле горсовета. И уж если вы, — добавил Егор Алексеевич, — всерьез взялись разыскивать партизанских помощников, то обязательно к Арсению Токареву зайдите, Родионову свояку.

— И он тоже, значит, жив! — воскликнул Женька, но уже не так громко, чтобы, наверно, снова кого-нибудь не испугать.

— А ты небось думаешь, — сказал Прохоров, — что раз герой, так уж и погиб? Да их сколько угодно вокруг — героев. А Токарев Арсений до сих пор на железной дороге служит. И живет у вокзала, в новом доме. Со всей семьей. Непременно к нему загляните.

ШТАБ СЛЕДОПЫТОВ

Когда мы очутились на улице, у Женьки с Федей разгорелся великий спор. Феде не терпелось поскорее повести нас к загадочному штабу следопытов, а Женька твердил, что надо немедленно бежать к Надежде Викторовне Ста-

рицкой, на Ленинскую. Я в этом споре участия не принимал, потому что сам еще не знал, что будет лучше. Посмотреть, что за штаб нашел Федя, мне очень хотелось, но и взглянуть на храбрую докторшу, которая каким-то образом сумела снабдить партизан медикаментами, тоже было интересно. Игорь не вмешивался в спор, потому что, как я давно уже заметил, вообще не любил спорить. А вот почему Митя не разнял Женьку и Федю, почему он поглядывал на них с насмешкой, я не понимал.

— Д-да ты пойми, д-дурья голова, — доказывал Федя, заикаясь больше обыкновенного. — Н-надо же нам посмотреть, где б-будет наш штаб... А п-после к Надежде Викторовне п-пойдем. Я знаю, где она ж-живет...

— Вот и п-пойдем к ней сначала, — возражал Женька, тоже начиная заикаться. — А штаб никуда не денется.

— А т-ты не п-передразнивай.

— Я и не п-передразниваю.

— Н-нет п-передразниваешь...

Федя обиженно надулся. И тут Митя спокойно сказал:

— И чего вы спорите? Надежда Викторовна сейчас на работе. Идти к ней надо вечером. И Токарев тоже на работе. Думаете, они сидят и ждут, когда вы к ним придете?

Женька посмотрел на Митю ошеломленно и вдруг засмеялся. Федя засмеялся тоже.

— Ладно, Федя, — сказал Женька. — Пойдем посмотрим, где будет у нас штаб.

Путь оказался не близкий. Мы прошли через весь город, мимо рынка и стали подниматься вверх по замощенной булыжником улочке. Я шел и думал, что вот по этим самым улочкам когда-то, давным-давно, в тревожный и страшный сорок первый год по ночам тайком пробирались партизанские разведчики. Шли бесшумно, готовые в любой миг открыть огонь по врагу. За каждым углом подстерегала их смерть. В любую минуту мог появиться на улице патруль. В любой миг могли хлестнуть по ним фашистские пули...

Твердая, как пуля, капля стукнула меня по макушке. Тучи заволокли все небо. Они ползли оттуда, где кончалась булыжная улочка. Мы шли навстречу дождю.

Словно отрезанные, внезапно кончились дома. Слева,

за белой каменной оградой топорщились кресты. Там было кладбище. Мы свернули от кладбища направо, к оврагу, за которым буйно росла черемуха. На гребне оврага паслась коза, привязанная длинной веревкой к колышку. Она долго смотрела на нас своими глупыми глазами.

— Эй, Федя, — сказал вдруг Митя. — Так ты нас к старой электростанции ведешь.

— А я уж давно догадался, — произнес Игорь.

— Жаль, что догадались, — огорченно сказал Федя.

Узенькая тропинка вилась среди кустов бузины и темных кривых стволов черемухи. По ней, наверно, давно никто не ходил. Наконец впереди показались очертания развалин — неясные сквозь ветки кустов и деревьев. Шагая вслед за ребятами, я все ждал, когда среди зарослей мелькнет река, — ведь электростанция должна была стоять на воде. Однако сколько я ни вглядывался вперед, реки не было видно. Вдруг впереди справа послышалось осторожное кваканье лягушек. Я тотчас же решил, что там, правее, и есть река, к которой мы сейчас выйдем. Тропинка и правда свернула в ту сторону, но, пропетляв еще немного среди черемухи, вывела нас к небольшому, заросшему ряской пруду, почти совершенно круглому. С его бережка в тинистую воду зашлепали потревоженные лягушки.

— Воронка, — сказал Митя. — От бомбы. С войны осталась. Таких здесь много. Их уже лягвы здорово обжили. Даже тритоны попадают.

— А где же речка? — спросил я.

— Какая речка?

— Ну, плотина...

— Хватился! — сказал Федя. — Речка совсем в другой стороне.

— А как же электростанция работала?

— На торфе, — ответил Митя. — Тут кругом болота. Торфяник. Дарового топлива сколько хочешь. Правда, еще до войны говорили — я от дедушки слышал, — что надо строить станцию на реке.

— А мне бабушка рассказывала, свет только по вечерам давали, — вмешался Федя.

— Точно, — кивнул Митя. — Зимой — пораньше, летом — попозже, как стемнеет. В час ночи выключали.

— И фабрика до войны тоже на торфе работала, — снова сказал Федя.

— И лесопилка, — добавил Митя. — Это после войны все стало на электричестве, а раньше электричество было только для освещения.

Тропинка круто свернула влево, и перед нами из расступившихся кустов выросло мрачное здание. Высокие проемы окон зияли темными провалами. Крыши у здания не было. Стены наверху кончались оббитыми кирпичными зубцами. Развалины чем-то напоминали башню древнего рыцарского замка. От них веяло холодом.

— Ну что? — спросил Федя громким шепотом. — Здорово? Сюда никто не ходит. Кругом ни души.

И вдруг, словно в ответ на его слова, неподалеку затрещали кусты. Мы все замерли, вглядываясь в заросли на краю овражка. Но шум смолк так же внезапно, как и возник.

— Дерево, наверно, завалилось, — сказал Митя.

— А может, птица, — возразил Федя. — Кто сюда пойдет? Да еще в такую погоду.

Тучи плыли теперь совсем низко над деревьями. Казалось, они вот-вот зацепятся за острые зубцы кирпичных развалин. Иногда по листве шлепали редкие капли.

— Пошли — внутри поглядим, — сказал Митя.

Он первым полез в темную дыру, когда-то бывшую дверью. Один за другим исчезали в этой дыре Женька, Федя, Игорь... Я нырнул туда последним, но перед тем как скрыться в ней, оглянулся. И показалось мне, что кусты на краю оврага зашевелились и там раздался осторожный шорох.

Внутри здания был полумрак. Сквозь разбитые окна, сквозь дырявую крышу проникал свет.

— Вот здесь и будет штаб, — сказал Федя, с гордостью оглядывая нас, очевидно дожидаясь похвалы.

— Ну, раз штаб, — сказал Женька, — значит надо заседать. Объявляю первое совещание штаба отряда следопытов открытым.

Мы расселись кто где. Я примостился на громадной бетонной балке, которая, наверно, когда-то служила основанием для большого электромотора.

— Значит, так, — сказал Женька. — Давайте обсудим...

И вдруг совсем близко раздался тоненький голосок:

— Ребята, вы где?

Я даже вздрогнул от неожиданности. А Федя обрадованно закричал:

— Ребята, это Настя!

Действительно, это была Настя. Через минуту она стояла перед нами, и мы наперебой расспрашивали ее, как же она нас отыскала.

— А что же отыскивать? — отвечала раскрасневшаяся Настя. — Мне Федя утром сказал, что нашел место для штаба. Потом вы все прошли мимо нашего дома вверх по Красноармейской. Я сразу и догадалась, куда вы пошли и где штаб будет.

— Смотри ты! — с уважением проговорил Митя. — И не испугалась одна пойти.

С приходом Насти все оживились, словно только ее здесь и не хватало. Женька бодрым голосом начал рассказывать о том, что мы уже успели сделать.

— Значит, так, — говорил он. — У нас есть два рассказа очевидцев — Митинога дедушки и Егора Алексеича. Есть их портреты — Серега сфотографировал. Есть подлинная листовка...

— И Афанасия Гавриловича портрет, — напомнил я.

— Да, и его портрет тоже, — кивнул Женька, и мне показалось, что он слегка нахмурился.

— А Левашову вы написали, как он просил? — вспомнил Митя.

— Вот он обидится и не пришлет вам никаких копий, — вставил Федя.

— Мы напишем, — сказал Женька. — Сегодня же напишем. А пока что ближайшие задания будут такие...

— К Надежде Викторовне сходить — раз, — не утерпев, перебил нашего командира Федя. — К Токареву — два... И его тоже надо сфотографировать.

— А в Печурово! — сказала Настя.

— И в Марьино, — добавил Игорь.

— Эх, пойти бы еще в Копалино! — сказал Митя. — Правда, у них в школьном музее про наших партизан

ничего нет, никаких материалов, но про Зареченск кое-что есть.

— Я думаю так, — сказал Женька. — Нам надо разделиться. Ну что это мы будем ходить всюду толпой? Нужно по-другому. Одна группа, например, идет в Копалино, другая — в Марьино, третья — в Печурово. Так? К примеру, я, Игорь и Митя — мы пойдем к Токареву, а в это время Серега, Настя и Федя — к Надежде Викторовне.

— Правильно! — с восторгом закричал Федя.

— А потом, — продолжал Женька, — будем собираться здесь, в нашем штабе, и докладывать, кто о чем узнал.

На том и порешили. И уже на сегодняшний вечер задание было принято — разделившись на две группы, как сказал Женька, пойти к Токареву и к Надежде Викторовне.

Когда, покидая развалины старой электростанции, мы вышли к тропинке, я спросил у Насти:

— Так это ты пряталась вон там, в овраге? А мы-то думали — медведь.

— И никто не говорил, что медведь, — быстро сказал Федя. — Мы думали, что птица в кустах. Или дерево упало...

— А все равно было видно, как ты по кустам пробежала, — сказал я.

Настя в недоумении взглянула сперва на меня, потом на Федю.

— Я не пряталась в овраге, — сказала она. — Я и не была там вовсе. Я по тропинке пришла.

— Говорил я вам — это дерево обвалилось, — сказал Митя. — Там, в овраге, много гнилых стволов валяется. — Он посмотрел на небо и покачал головой. — Ну и тучи! После обеда, пожалуй, пойдет.

СЛЕДОПЫТАМ ДОЖДЬ НЕ ПОМЕХА!

Насчет дождя Митя угадал правильно. Заморосило часа в три, как раз после обеда, когда мы с Женькой, сидя в нашей комнатке, писали письмо Василию Степановичу Левашову, подробно расписывая, как мы ходили к дяде

Егору и что он нам рассказал. Конечно, не забыли мы напомнить и об обещании самого Василия Степановича прислать нам фотокопии партизанских документов.

Я был почти уверен, что из-за дождя мы не пойдем к Надежде Викторовне Старицкой и Женька с Игорем и с Митей тоже не поедут на вокзал, чтобы повидать Арсения Токарева. Но напрасно я так думал. Видно, мало еще успел узнать наших с Женькой новых друзей — зареченских ребят. Не успели мы дописать письмо Левашову, как пришел Митя. За ним спустя каких-нибудь пять минут примчался Федя. Следом за Федей вместе пришли Настя с Игорем. Настя была в резиновых сапожках, в непромокаемом плаще с капюшоном.

Если бы не важное дело, я бы ни за что не надел при Насте перешитый тетей Дашей балахон. Но на какие жертвы не пойдешь ради поисков!.. Скрепя сердце, стиснув зубы, я слушал, как Настя фыркает, глядя на мою нелепую фигуру.

— Куда же вы собрались в такую погоду? — с ужасом спросила тетя Даша, увидев, как мы торопливо одеваемся. — Живой нитки на вас не будет.

— Ничего, тетя Даша! — весело воскликнул Женька. — Следопытам дождь не помеха!

— А нам и недалеко, — подхватил Федя. — На Ленинскую, к Надежде Викторовне.

— Неужто все к ней заявитесь?

— Нет, не все, — сказал Митя. — Мы вот с Игорем и Женей едем на вокзал, в Дом железнодорожников. К Токареву.

— Все по партизанским делам, — догадалась тетя Даша. — Так вы, пока автобуса дождетесь, промокнете насквозь.

— Не промокнем, тетя Даша! — весело ответил Женька, застегивая пояс на плаще. — Пошли, следопыты!

Дождь и правда моросил еще не очень шибко. Да и Женькиной группе здорово повезло. Автобус показался в конце улицы, как только мы вышли из дома.

— Порядок! — сказал Федя. — Вам теперь хорошо. Здесь сели, а там слезли. Автобус у самого Дома железнодорожников останавливается.

Пассажиров в автобусе было немного. Устроившись возле окошек, ребята стали махать нам руками. Мы тоже помахали им. Автобус зафыркал и медленно покатил вниз по улице. А мы зашагали на Ленинскую.

Конечно, в Зареченске были не одни только деревянные домишки. Попадались и каменные — иногда старые, а порой и совсем новые, выстроенные уже после войны на месте разрушенных бомбами или сгоревших от пожаров, которые часто вспыхивали в городе, когда здесь были немцы. Широкая Ленинская улица почти вся была застроена одними каменными зданиями. В таком вот доме — новом, кирпичном, трехэтажном — жила Надежда Викторовна Старицкая.

Надежда Викторовна была дома. Она сама отворила нам дверь. Если бы я нечаянно встретил на улице эту маленькую седую старушку с согнутой спиной, с усталым лицом, я бы никогда не подумал, что она когда-то, рискуя жизнью, помогала героям-партизанам. Обыкновенная старенькая женщина. Только разве глаза у нее не совсем обыкновенные — черные, живые, молодые.

— Вы ко мне, ребята? — спросила Надежда Викторовна, оглядывая нас. — А, Федя Перепелкин! Ну, как твоя нога?

Года два назад, катаясь на лыжах с откоса у реки, Федя сломал ногу, и сейчас Надежда Викторовна вспомнила об этом. Наверно, она сама его и лечила.

— Хорошо, Надежда Викторовна, — смутившись, ответил Федя. — Совсем не болит.

— Так вы проходите, — пригласила старушка. — Только ноги вытрите — вон там коврик.

Она, должно быть, только что вернулась с работы. На вешалке в коридоре, расправленный на деревянных плечиках, висел мокрый плащ, а через веревочку, протянутую вдоль коридора, был перекинут платок, тоже мокрый.

— Раздевайтесь, — сказала Надежда Викторовна. — Рассказывайте, какое у вас ко мне дело.

Если бы с нами был Женька или хотя бы Митя, они, конечно, быстро объяснили бы, для чего мы пришли. А я все никак не мог толком высказаться. Очень уж из-

далека начал — про находку в лесу, про партийный билет Павла Вересова, пробитый фашистской пулей... А тут еще Федя все время перебивал меня, стараясь, видно, помочь. Но он только мешал, потому что мне приходилось начинать все сначала. Однако Надежда Викторовна обо всем догадалась сама.

— Я знаю, — сказала она. — Ты один из тех мальчиков, которые живут у Дарьи Петровны Веточкиной. Вы нашли в лесу документы партизан. Верно?

Я кивнул. А Федя моментально пояснил:

— Он Сережа. А тот — Женья...

— Да что же мы в коридоре стоим! — спохватилась Надежда Викторовна. — Проходите же в комнату.

Сидя в небольшой опрятной комнате, я, наконец, сумел объяснить, для чего мы пришли. Сама Надежда Викторовна показалась мне вдруг такой же простой, как ее комнатка, и смотрела она ласково, и голос у нее был добрый.

— Так вот оно что... — проговорила она. — Хотите узнать, как я сумела переправить лекарства партизанам. Ну, что же, ладно, я вам об этом с удовольствием расскажу. Только сначала давайте я чайник поставлю. И печенье к чаю у меня есть — сама вчера напекла.

Когда Надежда Викторовна вышла, Федя с тревогой спросил:

— А ты, Сережка, запомнишь, что она рассказывать будет?

— Конечно, запомню! — воскликнул я, мельком взглянув на Настю. — У меня, знаешь, какая память!..

Мне показалось, что Настя чуть усмехнулась. Должно быть, она не очень верила в мою память.

Вернулась Надежда Викторовна.

— Ну вот, чайник поставлен. Скоро придет с работы сын — Вадим, — и мы вместе сядем за стол. А пока... С чего же начать, дорогие мои гости?

— Вы с самого начала расскажите, — необычно тихим голосом сказал Федя.

— Сначала? Ну ладно.

И Надежда Викторовна начала рассказывать:

— Когда в город вошли немцы, я работала в больнице. Мне тогда было уже под пятьдесят. На моей памяти

три революции и гражданская война. Все здесь, в Зареченске. В девятнадцатом году я начала тут работать. Мне было тогда всего двадцать четыре года. Новую больницу при мне построили. А медицинский институт я окончила позже — в двадцать шестом году. До тех пор некогда было — работы много. Гражданская война, раненые, тиф, холера, голод... Через все мы с мужем моим прошли. И вместе работали. Он — терапевт, я — хирург.

Уже на второй день, когда немцы вошли в город, они приказали очистить больницу. Все отделения — и терапевтическое, и хирургическое, и даже детское. А у нас были очень тяжелые больные. Но комендант слышать ничего не хотел, никаких возражений. «Здесь должны отдыхать и лечиться доблестные воины великой Германии», — сказал он. — А до этого сброда — ваших больных — мне нет никакого дела». Глядела я, ребята, в ту минуту на этого рыженького толстенького немца в начищенных сапогах, в отутюженном мундире и думала: «А ведь и у тебя, наверно, в твоей Германии, есть дети. Есть близкие, родные. Так кто же вырвал из этой груди все человеческое — уважение к людям, жалость к больным детям? Неужели Гитлер со своей бандой? Так ведь это не люди! И ты, выходит, не человек...» И правда, чем дольше я на него смотрела, тем больше мне казалось, что нет у него в лице ничего человеческого. Рыжая обезьяна, вроде орангутанга. И не просто обезьяна, а какая-то помесь обезьяны, гиены, волка.

Очевидно, многие мои товарищи врачи думали так же, а наш главный врач, Николай Акимович, человек прямой, резкий, тот не мог удержаться. «Для меня, — говорит, — как раз ваши солдаты — это сброд, банда убийц, грабителей, мародеров». Переводчик так и застыл: не знает — переводить или нет. Но переводить не пришлось. Комендант, очевидно, понимал по-русски. Он подошел к нашему старому, всеми уважаемому доктору, размахнулся и ударил его по лицу. Два солдата схватили Николая Акимовича, поволокли. А через день на рыночной площади нашего главного врача казнили.

Но еще накануне казни солдаты вышвырнули из палат всех наших больных. В буквальном смысле вышвырнули. Не выгнали, не попросили уйти. Просто выкидывали пин-

ками женщин, стариков, ребятишек — горячечных, в бреду, с высокой температурой, калек...

Надежда Викторовна закрыла лицо руками, опустила голову, словно и сейчас еще перед глазами ее стояла та страшная картина. И когда, проведя ладонями вниз по щекам, она вновь открыла свое лицо, я вздрогнул — такая боль застыла в ее глазах.

— А потом, — продолжала она, опустив руки и так крепко сцепив пальцы, что они хрустнули, — потом стали к нам привозить раненых немецких солдат. Это были легко раненные. Тяжелых отправляли дальше, в тыл, в большие госпитали. А наша больница была чем-то вроде дома отдыха для этих негодяев. Фронт близко. Подлечится такой мерзавец после легкого ранения — и назад, в строй.

— И вы их лечили? — не вытерпев, с негодованием воскликнул Федя.

— Сначала не очень чтобы лечили, — ответила Надежда Викторовна. — Хотя на руках у меня был сын, мой Вадим, Димка. Ему тогда едва исполнилось одиннадцать. Был он такой худенький, болезненный, что больно смотреть. Ради него и жила те первые дни после казни Николая Акимовича. За малейшее неподчинение властям немцы расправлялись сурово. Самое легкое наказание — это отправка в концлагерь. А работа у нас была адская. Бешеных собак надо не лечить, а убивать. Ну, а раненые немцы были настоящими бешеными собаками. Чуть что не так — запускали в сестер и врачей чем попало — в русских, конечно. стакан под рукой — стаканом, бутылка попадетсЯ под руку — бутылкой. Бутылок у них много накопилось в палатах — пьянствовали они днем и ночью. Нашей сестре Лиде, когда она фашисту ногу перевязывала и чем-то не угодила, тот фашист плечо прокусил. Наклонился и укусил, как бешеный пес. Да, они были псами, бешеными псами... Как в бреду, только ради моего Димки жила я те первые дни. А потом, когда пришел ко мне Егор Алексеевич Прохоров, я стала за свое место в больнице держаться. Теперь уже надо было работать не только ради сына. Ради многих-многих сыновей надо было лечить проклятых фашистов, перевязывать их поганые раны, добиться у немцев доверия, получить доступ к медикаментам...

«НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ»

В прихожей хлопнула дверь. Лицо Надежды Викторовны озарилось ласковым светом.

— Это Вадим.

Мелкими быстрыми шажками, сухонькая, маленькая, она побежала встречать сына. Я думал, что этот сын Вадим, которому в сорок первом году едва исполнилось одиннадцать лет и который тогда был хилым и больным, такой же худенький и щуплый, как она. Но в комнату, отряхивая капли дождя с густых курчавых волос, вошел громадный дядя — ростом под потолок.

Наверно, Надежда Викторовна еще в коридоре сказала ему, что у нее неожиданные гости, потому что, войдя в комнату, он ничуть не удивился, увидев нас.

Пока он здоровался с нами, весело пожимая всем руки, Надежда Викторовна хлопотливо накрыла на стол, поставила сахарницу, чашки и блюдца, достала из буфета вазу с домашним печеньем. Вадим принес с кухни чайник. Мы сели за стол, хотя сначала и отказывались от чая. Но Вадим Никанорович — так полностью, по имени и отчеству, звали сына докторши — заставил нас перейти за стол, всех заботливо рассадил, сам налил каждому чай в чашку. Он был такой веселый и добрый, что мы как-то незаметно для себя перелезли со стульев, на которых сидели, на стулья за столом. Обжигаясь, я отхлебнул из чашки и надкусил печенье — оно оказалось вкусное.

Надежда Викторовна отпивала из своей чашки маленькими неторопливыми глотками. Я видел, что Федя ерзает на стуле от нетерпения: когда же она кончит? Да и Настя посматривала на докторшу, наверно, с таким же чувством. Наконец Надежда Викторовна вытерла губы бумажной салфеточкой.

— Ну, вот, можно и продолжать. На чем же мы остановились?

— Вы рассказывали, как сначала было плохо работать в больнице, — напомнил Федя. — А потом, когда пришел дядя Егор...

Она ненадолго задумалась, потом ласково взглянула

на Вадима Никаноровича, тут же посерьезнела и снова повела свой рассказ:

— Это случилось приблизительно дней через пять или через неделю после казни нашего Николая Акимовича. Как раз за день до этого комендант разрешил нескольким нашим врачам принимать местных больных. Видимо, немцы испугались, что в городке могут начаться эпидемии. Ну конечно, принимали мы наших больных не в больнице, а в бывшей конюшне — неподалеку. Конюшня была наспех переделана под амбулаторию для местных жителей. И принимать больных комендант разрешил в те часы, когда заканчивались все наши дела в госпитале.

Болезни в ту пору начали свирепствовать вовсю. Особенно тяжело болели дети. Да и взрослые не миновали всякого рода недуги. В те многие часы, которые были выделены нам для осмотров, мы не успевали принимать всех больных. И вот как-то раз на прием ко мне пришел Егор Алексеевич Прохоров. «Что у вас?» — спрашиваю. А он глядит на меня как-то странно. Потом говорит: «Кашель». Стала я его выслушивать. Легкие сначала. Он ко мне спиной стоит. А в легких все чисто. Ни малейшего хрипа. Попросила повернуться, начала прослушивать сердце. Тут-то он мне и сказал, шепотом, едва слышно: «Надежда Викторовна, вы не думайте, что я симулянт. Я здоров, совершенно здоров. Но пришел к вам по делу. Вы, — говорит, — я знаю — советский человек. Так вот... Есть люди, которым нужна ваша помощь...» Стетоскоп у меня в руках потяжелел. Говорю: «Дышите. Не дышите...» — а сама себя не слышу. И ударов его сердца тоже не слышу. Свое сердце слишком громко бьется. Зато голос его, шепчущий, едва различимый, — словно гром в ушах. «Согласны вы, Надежда Викторовна, помочь партизанам?» Я только кивнула чуть-чуть. И тут он вздохнул с таким облегчением, что у него внутри хрустнуло — никогда раньше в стетоскоп не приходилось мне прослушивать такой хруст. Да и позже не случалось.

Уж не помню, какой я диагноз поставила. Не помню, какое лечение назначила. Пациент-то мой был здоров. Кажется, я сказала, что у него катар. А в дверь уже стучат — очередь волнуется: скоро ли? Я быстро написала на рецептурном бланке: «Сообщите, что надо сделать.

В лес уйти не могу — сын болен». Сунула ему рецепт и вместе с ним к двери. Говорю: «Принимайте по три раза в день...» Пока говорила, он записку прочитал, кивнул головой: «Ждите».

Всю ночь я не могла уснуть. Думала, думала, думала без конца. Да разве надо было спрашивать — хочу ли я помочь партизанам, нашим советским людям? Но чем я могла помочь?.. Уйти в лес я действительно не могла. У Димки началось острое воспаление легких. Чем же я помогу? Чем?..

День прошел, как в тумане. Вероятно, мучительное раздумье даже притупило мою обычную апатию. Я делала перевязки механически. Торопилась только. Но эту торопливость немец-врач, начальник госпиталя, принял за усердие. Даже похвалил меня.

С трудом я дождалась вечера, приема в нашей амбулатории-конюшне. При каждом стуке в дверь вздрагивала. Но Егор Алексеевич в этот вечер не пришел. Не было его и на другой день. Он появился на третий вечер. Опять я стала его прослушивать. И он передал мне записку. Шепнул: «Сожгите». Я прочла: «Нужны медикаменты. Можете ли достать? Сообщите». И подпись — «П».

— Это, наверно, сам командир писал! — не удержался я.

— Почему ты думаешь, что командир? — спросил Вадим Никанорович.

— А нам дедушка Михаил Федорович рассказывал, как он раненого партизана прятал в погребе. Тот тоже записку написал и подписался «П».

— Может быть, эта записка была от командира, — сказала Надежда Викторовна. — Но для меня с ее получением наступили самые трудные дни. Я сказала Егору Алексеевичу, что медикаменты достану, чего бы это мне ни стоило. Попросила только узнать, какие медикаменты нужны и много ли. Через день он принес список. Нужны были и йод, и бинты, и вата, и желудочные капли... Одним словом, нужна была целая походная аптечка. И вот стала я завоевывать доверие у немцев, чтобы получить доступ к лекарствам.

Нелегко это было. Как приходилось сдерживать себя! Будто бы пьешь отвратительную микстуру. Противно, но

знаешь, что пить надо — в этом спасение. По клочку ваты, по бинтику, по таблетке и несколькими каплям я собирала для партизан посылку. И наконец, наступил день, когда ее можно было бы отправить в лес. Но как? Всюду патрульные заставы. Тогда как раз пропала пишущая машинка из конторы заготовительного пункта, а на домах и заборах стали появляться партизанские листовки, отпечатанные на этой самой машинке. Немцы зверствовали, обыски, облавы устраивали прямо на улицах, врываются в дома... Егор Алексеевич, узнав, что посылка готова, снова сказал: «Ждите». И наконец, я дождалась.

Как-то вечером на прием ко мне пришла девушка. Девочка почти. В платке, в стареньком платьице. Я не сразу узнала Клаву Муравьеву, дочку казненного немцами лесника. Очень она изменилась. Но меньше всего могла я ожидать, что Клава Муравьева — посыльная от партизан.

— Ой! — вскрикнул я. — Значит, Клава к вам приходила!

— Ко мне, — кивнув, подтвердила Надежда Викторовна. — Она приходила три раза. А я за это время примерным поведением да хорошей работой настолько завоевала доверие у начальника госпиталя, так он мною был доволен, что удалось мне сделать многое.

Однажды я пришла к нему и попросила осмотреть моего сына. И чего только я ему не говорила! Чем только не попыталась улестить. Говорила, что при советской власти врачей готовили наспех, ничего-то, мол, они не умеют, ничего не знают. И ведь клюнул он на приманку — пришел, осмотрел Димку. Ясное дело, поставил диагноз — крупозное воспаление легких. А у Димки тогда еще экзема началась — недоедал он. Уж как я благодарила этого надутого индюка! Сейчас вспоминать и смешно и стыдно. Но зато немец разрешил мне брать для сына лекарства в госпитальной аптеке. Партизанам моя хитрость, конечно, пригодилась.

— А Клава? — снова спросил я. — Когда ее схватили, она тоже к вам шла?

— Да, ко мне, — прозвучало в ответ. — Если бы от меня, то не было бы сейчас на свете ни меня, ни Димки... Ее долго пытали. Дознавались, к кому она шла, зачем,

с кем у нее в городе связь... Ничего не сказала. Так и погибла молча. Оружия при ней не нашли. Никаких документов... Ее, конечно, опознали: Клавдия, мол, Муравьева, дочка Игната — лесника, казненного с месяц назад. Но откуда немцы дознались, что Клава в партизанском отряде? Откуда было им известно, что она именно в этот день придет в город?.. Помню, тогда еще слух прошел, что Клаву предали. Но кто мог ее немцам выдать?

— Ясно, кто! — забывшись, заорал я во все горло. — Предатель! Который в отряде был!.. Это он предупредил немцев!

Я осекся и покраснел, думая, что напугал своим нелепым криком Надежду Викторовну. Она и правда вздрогнула, когда я, заорав, сорвался с места и вскочил, размахивая руками.

— А вам Клава ничего не говорила? — на этот раз совсем тихо спросил я. — Может быть, партизаны кого-нибудь подозревали?

Надежда Викторовна покачала головой.

— Нет, Клава ничего об этом не говорила. Я думаю, что если в отряде и был предатель, так партизаны его принимали за настоящего бойца, доверяли ему и ни в чем подозревать не могли. Вероятно, он очень искусно умел маскироваться. А с Клавой мы вообще почти не разговаривали во время наших встреч. Два-три слова — вот и весь разговор. Правда, однажды... Это произошло во время последнего ее посещения, за неделю до того, как ее схватили... Я стала рассовывать ей по карманам бинты, пакеты о ватой. И стоит она передо мной — худенькая, маленькая, руки тонкие, как у десятилетней девочки. Только глаза большие, живые... Так жалко мне ее стало, будто я снаряжаю в опасный путь свою родную дочку. И вот тогда спросила я у нее: «Не страшно тебе, Клава?» Она посмотрела на меня внимательно, и тут на улице, за окнами, раздалась песня. Идиотская песня — одна из тех, что обычно пели немцы, шагая куда-нибудь строем. Я знаю немецкий язык, и до сих пор не могу понять, как может уместиться такая вот глупейшая песня рядом с творениями Гёте или Шиллера... Клава тоже слышала песню, слышала голоса немцев — крикливые, высокие голоса.

И я увидела, какой ненавистью загорелись у нее глаза. И губы дернулись от гнева. Она прошептала: «Пусть им будет страшно!.. Не я на их землю пришла... Не я их отцов, их матерей, детей, сестер замучила... Так пусть не мне, а им будет страшно!.. Все время... До самого смертного часа... До самого конца...» Так и стояла она с глазами, горящими от ненависти, пока песня не смолкла вдали. А потом, задумавшись, она спросила: «Тетя Надя, а какая жизнь будет после войны?» Мне захотелось какой-нибудь шуткой смягчить ее горе, рассеять страшную память о погибшем отце. «Ну, Клабочка, — говорю, — после войны, конечно, каждый день будет праздником... Всюду флаги... И самолеты будут летать и бросать на улицы в городах и в деревнях конфеты и пряники...» Я думала, она улыбнется. Но она не улыбнулась. Я вообще ни разу не видела, чтобы она улыбнулась. Она посмотрела на меня серьезно и кивнула головой: «Так и будет. А еще... Еще после войны, тетя Надя, все станут друг другу как родные. Все будут один другому помогать. И все будут добрые и веселые... Как мой отец...» Сказала так и ушла. Даже забыла проститься. Такой я и видела ее последний раз.

Только такой безмозглый человек, как я, мог хоть на секунду подумать, что Клава Муравьева, партизанка, дочь погибшего героя, не устоит под пытками, откроет гитлеровцам тайну лесных и болотных троп!.. Нет, ни во сне, ни наяву не могла отважная партизанка выдать карателям товарищей своих — партизан. Ни за что, никогда не рассказала бы она врагу, как пройти по тропам к болотам. Нет, не дождались бы этого немцы, сколько бы ни терзали ее, сколько бы ни пытали!..

Мы засиделись у Надежды Викторовны до темноты. Дождь все шумел за окнами — барабанил по крыше, шелестел по листве, струйкой лил из водосточной трубы. Вадим Никанорович включил радио. Из Москвы передавали концерт. Звучали песни на разных языках — на французском и английском, на немецком и итальянском. Я вслушивался в незнакомые слова и думал, что те, в лесу, партизаны, дрались и за этот вот вечер, за этот тихий свет лампы над столом, за шелест листвы в окне, за эти песни на тысячах разных языков...

Вечером, уже в темноте, под все усиливающимся дождем, вернувшись домой, я застал теплую компанию. За столом сидели тетя Даша, Иван Кузьмич и Женька. Перед ними красовалось большое блюдо с румяными оладьями, стояли вазочки с вареньем, которое сластена Женька накладывал на оладьи столовой ложкой.

— Привет! А я раньше тебя успел... — встретил меня Женька.

Тетя Даша захлопотала, стаскивая с меня мокрый плащ, кепку, убежала на кухню, чтобы развесить все это — просушить.

— А ну, исследователь, — сказал Иван Кузьмич, — садись с нами оладьи есть. Исследователям, историкам, следопытам и знаменитым путешественникам тоже надо поддерживать свой организм разными жирами и витаминами.

В тот вечер мы с Женькой долго не спали. Лежа на наших кроватях в комнатухе, мы рассказывали друг другу о том, что узнали о партизанах: я передавал, пытаюсь быть точным, рассказ Надежды Викторовны; Женька говорил о том, что они с Митей и Костей узнали у Арсения Токарева.

— Партизаны Токареву тоже такой приказ дали, — рассказывал Женька. — Завоевать у немцев доверие. Делать только то, что прикажут ему партизаны. Ну, он и стал завоевывать. Он говорит: вовремя такой приказ мне дали, а то несдобровать. Дня через три на станции проверка была. Приехал какой-то гестаповец с командой немцев-техников и стал проверять, как смазчики, сцепщики, ремонтники работают. А Токарев тогда первый раз буксы хорошо смазал. Тот гестаповец первым делом в буксы полез. Проверили. Все в порядке. Похвалили Токарева. А двоих железнодорожников забрали. В машину — и увезли. Какие-то неполадки были найдены.

— А задание-то ему какое было? — спросил я.

— Задание, значит, такое... Расписание поездов партизанам переправить — раз; сообщать, что везут, — два.

— А как он сообщал?

— С обходчиком одним. Немцы сами путь проверяли. Человек пять ходили в обход. Ну, а с ними всегда были двое-трое ремонтников. Если путь поврежден, немцы за-

ставляли чинить тут же. Вот один обходчик такой — ремонтник, значит, и вызвался. Его Семеном звали. Семен Гудков. Видишь, я и фамилию запомнил.

— Ты бы лучше записал.

— Зачем? Когда у железнодорожника такая фамилия, ее на всю жизнь запомнить можно. Так вот, этот Семен Гудков и носил для партизан сообщения.

— И передавал прямо на глазах у немцев?

— Сдурел ты, Серега. Ляпнешь иногда, не подумав. Он от Токарева записки получал. Малюсенькие. В шарик ее скатаешь, она меньше ногтя. Мне сам Токарев показывал. Ее запросто и проглотить можно, если что... Вот Гудков скатает такую записочку, спрячет за щеку и идет. А в условленном месте — у них такое место было на двенадцатом километре, напротив расщепленной сосны, — в этом месте наклонится Гудков, ну, будто чтобы гайки на рельсах рассмотреть, а сам проткнет в земле пальцем дырочку и записку туда сунет.

— Вот здорово!

— Он почти целых три недели так записки носил, — продолжал с возбуждением рассказывать Женька. — Пять фашистских поездов тогда с рельсов сошло. Арсений Антонович говорит — он в то время нарочно подсчитал: два поезда с солдатами — человек по восемьсот в эшелоне. Это значит тысяча шестьсот примерно. Да еще три эшелона с техникой — пушки, минометы, снаряды, патроны...

— Боеприпасы, наверно!

— Ясно, и боеприпасы. Немцы тогда к Ленинграду прорывались. Арсений Антонович говорил: все поезда на Ленинград шли... Немцы тогда небось уже по радио сообщали — мол, взяли Ленинград...

Эх, Женька, Женька! Нашел кому рассказывать!.. Да кому же и знать, как не мне, что творилось летом и осенью сорок первого года под Ленинградом. Ведь там впервые узнал, что такое война, впервые пошел в атаку и сделал свой самый первый выстрел по врагу мой отец...

Отец был тогда командиром саперной роты. Под городом Лугой, на дальних подступах к Ленинграду строил он с бойцами оборонительные укрепления. Однако фашисты слишком быстро продвигались вперед. Головы кружились

у них от первых военных удач: ведь в их лапах были уже вся Латвия, вся Литва, почти вся Белоруссия... Они, наверно, думали, что им легко будет взять какую-то Лугу, если не устояли перед их танками Рига, Вильнюс, Минск, Псков...

Я помню, отец рассказывал: немецкие танки вырвались к Луге 12 июля сорок первого года. Целый танковый корпус послал Гитлер, чтобы опрокинуть наши заслоны, захватить Лугу и помчаться дальше на север, к Ленинграду...

И вот тут загремели наши пушки. Порою артиллеристам приходилось стрелять в танки с пятидесяти, с тридцати шагов... Если не хватало снарядов, бойцы связывали веревкой десяток гранат, ползли навстречу танкам и швыряли эти смертоносные связки прямо под стальные гусеницы...

Да, здорово там дрались наши бойцы. Но, может быть, артиллеристам было бы труднее, если бы не минометчики; и минометчикам не удержаться бы, если б не самолеты... А не сойди с рельсов тут, под Зареченском, эшелоны с фашистскими солдатами, с танками, с пушками, с боеприпасами, может быть, защитникам Луги, защитникам Новгорода, Старой Руссы было бы еще труднее. Значит, партизаны здесь, под Зареченском, в сорок первом помогли и моему отцу...

Женька, кажется, о чем-то говорил. Но, занятый своими думами, я не слушал его. Мысль о том, что летом сорок первого года партизаны, пускавшие под откос фашистские поезда, были невольными помощниками моего отца, показала мне такой удивительной, что я поспешил поделиться ею с Женькой.

— Ну, а как же! — воскликнул мой друг, выслушав меня. — Ясно — помогали!.. Еще как помогали-то!.. И твоему отцу и всей Красной Армии помогали...

— А что, Женька, — спросил я. — Ты не узнавал у Токарева, куда делся тот его помощник — Семен Гудков?

— Немцы его расстреляли, — глухо прозвучал в ответ Женькин голос.

— Узнали?

— Заметили. Пытали его. Дознаться хотели, кто ему записки передает. Только не дознались. До самой смерти он

на своем стоял: сам, мол, пишу. Не выдал Токарева. Так и погиб...

Женька замолчал. В тишине стало слышно, как за окном уныло шумит дождь.

— А много тогда, Жень, героев настоящих было, — сказал я.

— Много, — кивнул Женька. — Только не про всех еще люди знают. А надо, чтобы знали обо всех.

Дождь все шумел, то затихая, словно к чему-то прислушиваясь, то припуская громче и сильнее. Он барабанил по стеклу, по крыше, звенел в водосточной трубе. Я так и заснул под этот шум, и всю ночь мне снилась война.

ДЕНЬ, ПЕРЕПОЛНЕННЫЙ СОБЫТИЯМИ

Нет, кажется, ничего на свете противнее, чем затяжной, унылый, надоедливый дождь. То ли дело гроза. Уж налетит, так налетит — с молниями, с громовыми раскатами, с таким ливнем, что стоит лишь на мгновение выбежать из дому на улицу, и нет уже на тебе сухой ниточки, словно во всей одежде — в штанах, в рубашке, в башмаках — ты кинулся с крутого берега в речку, окунулся с головой — дух захватило, вынырнул, выбрался на берег и, шлепая по веселым лужам, вперегонки с отплясывающим по тротуару ливнем помчался, крича во все горло от радости. И знаешь наперед, что промелькнет гроза, промчится, оттремит, отсверкает молниями, и вновь еще чище, еще просторнее засияет над миром синее небо, веселое солнце!..

А этот дождь все льет и льет... Хоть бы крошечное голубое озерцо проглянуло в тучах! Да и тучи-то!.. Какая-то сплошная серая мокрая рогожа нависла над городом. И льет из той рогожи, и моросит, и капает...

Впрочем, дождь не мог удержать нас дома. Ведь еще столько важных дел было у нас впереди!.. К тому же, кроме непромокаемых плащей, у нас теперь имелись громадные резиновые сапоги, которые тетя Даша взяла для нас у соседей, да еще зонтик, раскрывавшийся с таким треском, словно над головой лопалась граната или даже небольшая фугаска.

Сперва я было постеснялся надеть такие сапоги, в которых я выглядел как мальчик с пальчик. Сапоги, да еще мой маскарадный балахон, да старушечий зонтик, у которого металлические прутья выпирали, словно ребра у старой клячи, — не слишком ли это много? Но дело, которое мы делали, ради которого забросили и книги, и наших бабочек, и даже забывали в условленные дни посылать письма домой, — это дело могло потребовать от нас и не таких жертв, как зонтик над головой.

Я уже заметил, что с тех пор, как мы начали наши поиски, дни с утра до вечера были наполнены разными событиями. Но пожалуй, их еще не было столько сразу, как в этот дождливый день.

С утра, нарядившись в наши немислимые плащи, надев сапоги и раскрыв зонтик, мы побежали на Советскую к Егору Алексеевичу, чтобы узнать, куда девались и живы ли Денис Петров и Сергей Пономаренко. И не зря мы прыгали через лужи и мчались под дождем из одного конца Зареченска в другой. Оказалось, что и Денис Петров и Сергей Пономаренко живы. Они воевали, вернулись домой с орденами, с медалями, а потом уехали — Пономаренко к единственной оставшейся у него в живых сестре в Киев, а Петров — в Архангельск: его туда звал однополчанин, который еще до войны работал там на лесоперерабатывающем заводе.

— Адреса Пономаренко я не знаю, — сказал дядя Егор. — Да он и сам в то время не знал, найдет ли свою сестру. Шутка ли, всю оккупацию при немцах в Киеве жила!.. А вот насчет Дениса... — Егор Алексеевич полез в шкаф и достал небольшой деревянный ящичек, перетянутый бечевкой. В ящичке оказались пачки писем. — Все от друзей, — объяснил Прохоров. — И вот это как раз от Дениса, из Архангельска. — Дядя Егор протянул нам голубой конверт.

Переписав адрес Петрова, мы ушли от Егора Алексеевича воодушевленные.

— Вот, Серега, удача так удача! — говорил Женька, когда мы возвращались домой. — Сегодня же напишем в Архангельск.

— А в Киев как же? — Напомнил я, откидывая на спину капюшон, чтобы лучше было слышно.

— В Киев... В Киев... — Женька помолчал и в раздумье наклонил зонтик, который старался держать ровно. Тотчас же фонтан воды полился мне за шиворот.

— Эй, Женька! — заорал я, отскакивая в сторону.

— Ну что кричишь? Подумаешь, чуть брызнуло... — Он снова выровнял тяжелый, намокший зонт. — В Киев, Серега, мы тоже напишем. В адресный стол. Имя и фамилию знаем. Где раньше человек жил, тоже знаем. Если есть такой в Киеве, нам ответят.

— И Левашову тоже надо написать, — снова напомнил я.

— И Левашову, ясно, — кивнул Женька.

Однако не успели мы вернуться домой, как в окошко нашей комнатки раздался торопливый стук. За мокрым стеклом прыгало искривленное струйками дождя лицо Игоря. Я узнал его по очкам. Игорь делал нам из-за стекла знаки, махал руками, что могло означать одно: «Выйдите скорее, я вам что-то интересное расскажу!..» Я открыл Игорю дверь и втащил его в комнату.

Мы совсем позабыли, что теперь мы с Женькой не одни, что, кроме нас, есть в Зареченске еще следопыты и дождь для них тоже не помеха.

Очутившись в комнате, Игорь несколько секунд махал вверх и вниз головой, стараясь нас разглядеть, пока не сообразил, что надо протереть очки. И, только вытерев их как следует и снова насадив на нос, он выдохнул:

— Я нашел...

— Что нашел?

— Бабку Анну...

— Какую бабу? — В нетерпении Женька даже стукнул Игоря по спине. — Ты что, не можешь говорить толком?

— А я и говорю толком, — с обидой возразил Игорь, из которого после тумака слова все же стали вылетать разборчивее и без остановок.

Оказывается, вчера поздно вечером из командировки вернулся отец Игоря. Сам Игорь уже спал и увидел отца только утром. Он сразу же стал рассказывать, какие за это время, пока отца не было, у него — у Игоря — произошли новости. Такой уж был у него с отцом уговор: всегда после разлуки докладывать друг другу о новостях.

Ясное дело, Игорь рассказал и о нашей находке. Он с гордостью объявил, что все мы — следопыты и он тоже следопыт: ищет людей, которые хоть чуточку знали что-нибудь о партизанах, погибших в Волчьем логое. «А тебе на поиски далеко и ходить не надо, — сказал Игорю отец. — Вон через дом живет бабка Анна Захаровна. Она кое-что может рассказать».

— Я спрашиваю: «А что?» А отец мне: «Сам узнаешь». Ну, не дозавтракал я, побежал к бабке Анне...

— И узнал? — в один голос перебили мы Игоря.

— А то как же! Только вы не перебивайте, а то я собоюсь.

Видно, Игорь не привык говорить подолгу. Я вообще за все время нашего знакомства не слышал от него сразу больше десяти слов. Правда, возможно, это мне только казалось после непрерывной трескотни разговорчивого Федя. Но как бы там ни было, а сегодня Игорь говорил необычайно долго. Впрочем, именно тут-то он и умолк.

— Ну вот, — огорченно сообщил он. — Как раз и забыл.

— Что... забыл?.. — страшным шепотом спросил Женька.

— Забыл, на чем вы меня перебили.

— Да как ты завтрак свой не доел и к бабке-соседке побежал, — напомнил я.

— Ага, побежал, — обрадованно кивая, продолжал Игорь. — Прямо к бабке Анне побежал... Ей уже, наверно, девяносто лет...

Если бы я вздумал в точности записать то, что рассказывал и, главное, как рассказывал Игорь, то эти записки пришлось бы потом расшифровывать, как Женька расшифровывал письма партизан. Не знаю, может быть, все молчаливые люди с непривычки, когда надо о чем-нибудь рассказать, говорят так непонятно. Поэтому я лучше расскажу не так, как все это передавал нам Игорь, а так, как поняли мы с Женькой. А поняли мы вот что.

Отец Игоря, оказывается, просто над ним подшутил. Когда Игорь прибежал к девяностолетней старухе и стал допытываться у нее про партизан, она вдруг заговорила о каких-то разбойниках и душегубах, которые ее хотели убить, да «бог оборонил». Она стала рассказывать про ка-

кую-то баню, про пули — жаканы. Игорь выслушал все, хлопая глазами, и вернулся домой огорченный. А дома его встретил хохочущий отец.

— Ну что? — спросил он. — Все узнал про душегубов?

— Ты, папка, смеешься, — с обидой сказал Игорь, — а у нас важное дело.

И тогда, усадив Игоря, отец стал рассказывать ему сам.

Во время войны дом, где жила старая Анна Захаровна, которую все давно уже в Зареченске просто звали бабкой Анной, сгорел от фашистской бомбы. Соседи едва успели вытащить старуху из-под горящей кровли. Потеряла она память с того дня. Переселилась в покосившуюся баньку за огородом. Соседи стали носить ей туда кто кусочек хлеба, кто миску щей или каши. Много ли старухе надо?

Так жила бабка Анна и ждала смерти. А смерть все не приходила. И вот однажды проснулась бабка среди ночи в своей баньке оттого, что слегка стукнула дверь. Другой бы человек этого стука и не заметил. Но старуха здорово слышала. Да и к темноте привыкла. Она сразу различила у двери какую-то неясную фигуру. Бабка стала потихоньку шептать молитву и креститься. Тут дверь снова приоткрылась. Кто-то еще вошел в баню, задев железом об угол печи. Бабка Анна по слуху определила, что ударили по кирпичу именно железом. Затем послышался шепот. Говорили тихо, но бабка все различала: про патрулей, про какого-то Игната, что он молодец, не обманул, и теперь, мол, все ребята с оружием. Вот когда разобрала бабка про оружие, тут и решила, что это не иначе как разбойники. О партизанах-то она никогда не слыхивала.

Старуха давно уже перестала шептать молитвы. Лежала тихо — боялась пошевелиться, чтобы древние ее кости не хрустнули. Так и лежала, пока странные гости не ушли.

Весь остаток ночи проворочалась бабка Анна на печи: не могла заснуть. А утром пришел от соседей мальчишка, десятилетний Ленька Лаптев, — это старший брат Игоря, — принес бабке лепешек и каши. Ему-то она и поведала о том, как ночью ее посетили разбойники, с ног до головы обвешанные ружьями и саблями, как шептались, про главного атамана Игната поминали.

Ленька мигом сообразил, о каких «разбойниках» речь. И лесника дядю Игната он тоже знал неплохо. Со всех

ног кинулся домой и обо всем, что услышал от бабки Анны, рассказал матери.

Заторопилась Ленькина мать. Бросилась к старой бане. Объяснила она бабке, что не разбойники это были, а партизаны из леса. Ночью, видать, скрылись они в бане на огородах от немцев-солдат, которые на нашу землю грабителями пришли, которые и есть настоящие бандиты и душегубы. И надо бабке Анне об этом ночном разговоре молчать, а то беда с хорошими людьми может приключиться.

И молчала бабка Анна. Два года молчала. Разговори-лась только, когда в Зареченск советские солдаты пришли. Все ей хотелось увидеть тех партизан. А их уже в живых не было. И лесник Игнат Муравьев погиб от фашистской руки.

Последнее время бабка Анна стала все забывать и путать. Но эту историю не забыла. Только любит рассказывать по порядку, как приняла она партизан за разбойников. Пока до сути дойдет, забудет начало и снова все начинает. Поэтому Игорь ее и не понял. А десятилетний Ленька все помнил. Он бы и сам мог нам об этом рассказать. Да только далеко к нему за рассказом ехать надо: служит Ленька Лаптев матросом в Дальневосточном тихоокеанском флоте.

То, что рассказал нам Игорь, было очень важно. Значит, лесник Игнат Муравьев, отец Клавы, помогал партизанам доставать оружие. Наверно, он знал, у кого в городе есть охотничьи ружья. Несмотря на приказ, мало кто в Зареченске отнес в комендатуру охотничьи ружья. Вероятно, по совету лесника Игната партизаны отыскивали в городе тех, у кого можно было раздобыть хоть старую берданку, хоть десяток гильз, хоть мешочек пороху. Если глаз верный, рука твердая, а в стволе лежит медвежий жакан, то партизану и берданка пригодится.

Долго сидели мы, разговаривая и думая вслух, чем бы могли в те давние дни помочь храбрецам партизанам. Разговаривали до самого обеда. Гостеприимная тетя Даша ни за что не хотела отпускать Игоря без угощения, но он, очень смущенный, вспомнил, что его самого дома ждут с обедом, и, поспешно одевшись, ушел. Мы сели обедать, решив, что уж после обеда непременно напишем письма и в Архангельск и в Киев. Однако нашим планам не суждено было сбыться.

Не успели мы доесть компот, который тетя Даша подала нам на сладкое, как в сенях раздался ужасающий грохот, звон, стук, распахнулась дверь, и перед нами появился Федя. С него текло, как из водосточной трубы.

— Господи... — простонала тетя Даша, хватаясь за сердце.

— Здравствуйте, — сконфузившись, пробормотал Федя. — Я сейчас ноги вытру... Я бежал очень... Про Женю и про Сережу в газете написали... Вот...

И Федя протянул тете Даше смятый, мокрый номер областной газеты «Ленинская коммуна». Забыв о компоте, мы выскочили из-за стола и кинулись к Феде и тете Даше, которая уже развернула газету.

— Ну-ка, ну-ка, — проговорил Иван Кузьмич, тоже подходя к нам.

Заметка, в которой действительно было про нас, оказалась очень коротенькой. Тетя Даша с трудом разыскала ее на самой последней странице, в уголке, и прочитала вслух.

— «Недавно, — читала она, — жители небольшого тихого городка нашей области — Зареченска — были взволнованы необыкновенным происшествием...»

— Гм... Гм... — произнес Иван Кузьмич. — Действительно, все были взволнованы.

— «...В лесу близ города, — продолжала читать тетя Даша, — пионеры Евгений Вострецов и Сергей Кулагин во время прогулки нашли сильно поврежденную временем и непогодой гильзу от снаряда артиллерийского орудия калибра 76 мм. То, что края гильзы были сплющены, а внутри нее что-то шуршало, сразу же заинтересовало любопытных ребят...»

— Очень увлекательно, — сказал Иван Кузьмич.

— Здорово... — вздохнул Федя, глядя на нас с восхищением.

В заметке в общем-то все было правильно. И как нашли и что нашли. И фамилии наши повторялись два раза. И было сказано, что мы передали нашу находку в областной краеведческий музей. Но Иван Кузьмич сказал, что заметка не очень правдивая. Тут даже тетя Даша удивилась.

— Почему же, Иван Кузьмич?

— А как же! — воскликнул старый жилец и, наклонившись, прочитал подпись под заметкой: — «Роман Кош». А то как же!.. Этот гражданин Кош о многом умолчал. Он, например, не поведал читателям о том, что любознательные следопыты Е. Вострецов и С. Кулагин не просто гуляли в лесу, а разыскивали разбойничий клад.

Иван Кузьмич, хитро улыбнувшись, взглянул на нас. Однако нам было не до шуток: наши с Женькой фамилии отпечатаны черным по белому в настоящей газете. Я был очень горд и во все глаза следил за газетой, которая переходила из рук в руки, чтобы при первом же удобном случае припрятать ее подальше — сохранить на память. Я еще не знал, что заметка Романа Коша очень скоро сослужит нам хорошую службу — вернее, уже начала служить. Об этом нам стало известно очень скоро, примерно через полчаса, у водопроводной колонки.

— Хоть вы теперь и герои, — сказала нам

тетя Даша, — хоть про вас и в газетах пишут, а воды нет, и ее надо принести.

Пришлось нам натягивать свои дождевики и надевать сапоги, которые были, должно быть, впору самому Порто-су, а уж Д'Артаньяну-то наверняка, и мчаться с ведрами за водой на колонку. Мы еще не добежали до нее, как кто-то звонко окликнул нас:

— Эгей, следопыты!

Это была Настя. Легкая, тоненькая, она летела к нам, едва касаясь мокрой земли маленькими сапожками, не оставляя следов и не разбрызгивая воду в лужах. И когда она перепрыгивала их, взмахивая руками, в плаще, туго перетянутая в талии красным пояском, мне казалось, что порхает среди тополей удивительная большая бабочка.

— А про вас в газете написано! — еще издали крикнула Настя.

— А мы знаем, — ответил я.

— Ой, а я-то бежала! Даже газету принесла...

Вот тут-то мы и узнали, как может помочь людям крошечная заметка в газете.

В то самое время, когда, вернувшись от дяди Егора, мы слушали рассказ Игоря о бабке Анне, к Настиной маме зашла тетя Лиза. Это была не родная Настина тетка, а жена маминого брата, который работал на железной дороге. Жили они в том же доме, где и Арсений Токарев, у вокзала. В город приезжали редко, и если кто-нибудь бывал в Зареченске по делам, то непременно навещал родных.

Тетка Лиза как раз подросла к обеду. И за столом речь как-то зашла о заметке в газете, потому что не каждый день в областной газете «Ленинская коммуна» упоминалось о тихом Зареченске. Потом сам собой разговор перешел на воспоминания. Тетка Лиза всю оккупацию прожила тут при немцах, много насмотрелась и натерпелась за два года.

Настя слушала тетку между делом — убирала со стола посуду, убегала на кухню, возвращалась снова. И вдруг она замерла на месте. Тетка Лиза сказала, что однажды ночью поздней осенью видела в городе партизана...

В ту пору Настиной тетке было всего шестнадцать лет. Жила она с бабкой, с больной матерью и с малолетним братишкой на самой окраине Зареченска, в ветхом домиш-

ке. Из окна были видны поставленный немцами шлагбаум на дороге, будка, возле которой ходили два немца с автоматами — часовые.

По ночам в городе стреляли часто. К этой стрельбе зареченцы даже как-то привыкли. И в ту ночь тоже постреливали. Далеко где-то: может, на другом краю, может, на холмах. Но Лиза проснулась тогда не от выстрелов — братишка закричал. Бабка заворочалась на печке. Мать застонала, попросила пить.

Соскочила Лиза с лавки, побежала в сени, зачерпнула ковшиком воды из ведра, принесла матери. Все — в темноте, потому что немцы огни в домах по ночам зажигать не разрешали; чуть где засветится — стреляли прямо по окнам. И вдруг разлился по комнате свет — зеленоватый, мерцающий... Лиза чуть ковшик из рук не выронила. Глянула в окошко — две ракеты в небе повисли: зеленая и белая.

Если бы не те ракеты, если бы Лиза в окошко не посмотрела, может быть, так и не заметила бы она партизана. А тут увидала. Напротив, у соседского дома. Стоит человек, в тени спрятался. Шапка на нем, ушанка, автомат на груди — наизготовку... Лица Лиза не разглядела. О людях, что прячутся в лесу, в недоступных для немцев болотах за Волчьим логом, все в городе знали. Кто же хоть раз не прочитал украдкой партизанскую листовку? Только не слышала Лиза, чтобы кому-нибудь тех людей видеть доводилось. Сразу поняла она, что за человек прячется в тени за окном. Сердце у нее зашло. Ведь рядом застава, часовые. Заметят — конец...

А человек тот стоял немного, дождался, пока немцы отвернутся, и перебежал к соседнему дому, опять в тени схоронился, замер. Потом за угол свернул. Не стало его Лизе видно. А часовых у шлагбаума она видела хорошо. Только тот партизан, наверно, не раз мимо охраны проскальзывал. Вот мелькнул совсем рядом с фашистами и исчез, словно растворился в ночной темноте. Будто бы не ушанка на нем была, а сказочная шапка-невидимка. Не заметили его часовые. То ли разговором занялись, то ли пьяные были...

У Лизы отлегло от сердца, когда она поняла, что тот человек незамеченным проскользнул мимо своей смерти.

Всю ночь ей тогда снилось страшное. Чудилось, будто гремит железо, чавкает грязь под тяжелыми сапогами, раздаются отрывистые слова команды на чужом, лающем языке... Но она так и не проснулась. А утром стало известно в Зареченске, что той ночью в лесу, в Волчьем логое, фашисты-каратели уничтожили партизанский отряд.

Вот о чем рассказала нам Настя, пока мы стояли, ежась от холода, возле водопроводной колонки, спрятавшись от дождя под широкими и плотными, как зонт, ветвями громадного старого тополя.

Настя умолкла, а мы стояли и ждали, не скажет ли она чего-нибудь еще. Но она, вдруг спохватившись, всплеснула руками.

— Ой, что же я! Меня мама за хлебом послала, а я стою. Вот безголовая! Магазин ведь закрывается!..

И она упорхнула, даже забыв проститься с нами.

Подхватив ведра, мы двинулись к дому. Ноги разъезжались на скользкой глинистой тропинке, и я думал только об одном — как бы не упасть и не пролить воду из ведра. Когда же мы добрались до тротуара, мои мысли пришли в порядок.

— Женька, — сказал я. — А ведь тот партизан в ушанке, наверно, был Афанасий Гаврилович.

— Почему это? — От удивления Женька остановился так резко, что вода из его ведра плеснула мне в сапог.

Я запрыгал на одной ноге.

— Потому! Ясно — он. Помнишь, он сам говорил, что в ту ночь был в разведке, в городе.

— В какую ночь?

— Когда отряд погиб в Волчьем логое. Они вдвоем ходили в разведку — с Миколой Федорчуком. Того немцы застрелили у комендатуры, а сам Афанасий Гаврилович успел уйти.

— Верно, Серега! — вспомнив, воскликнул Женька, и новая порция воды из его ведра хлынула мне уже в другой сапог. — Вот бы рассказать ему, что в ту ночь Настина тетка его из окна видела. Ну и удивится он!

— Слушай, Женька, — сказал я. — Может быть, он уже приехал? Мы ведь два дня к нему не ходили. За это время сто раз вернуться можно было. Давай сейчас сходим?

— С ведрами?

— Зачем с ведрами! Отнесем их и сбегает.

— Точно, Серега! Вдруг и правда вернулся.

Но напрасно, торопливо оставив в сених ведра, мы помчались под дождем к дому Афанасия Гавриловича. Зря я в спешке даже не вылил воду из сапог, так что она противно чавкала, пока мы бежали к знакомым воротам. И совсем попусту изо всех сил барабанили кулаками в эти ворота. Никто не открыл калитки. Только Пальма яростно лаяла, гремя цепью, да соседи выглядывали из окон.

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ

С утра на следующий день мы засели с Женькой за письма. Не так-то легко, оказалось, их писать. В Киев еще куда ни шло: только просьба сообщить адрес Сергея Пономаренко, проживавшего раньше в Зареченске. А вот над письмом в Архангельск, Денису Аркадьевичу Петрову, нам с Женькой пришлось помучиться. Ведь надо было все описать подробно. Мы провозились с этими письмами добрых три часа. У меня даже голова разболелась. А Женька сказал, что надо еще написать Левашову.

— Жень, — взмолился я, — давай лучше завтра...

Женька сделал страшные глаза. В это время за стеной послышались какой-то шум, голос тети Даши, распахнулась дверь, и в комнату влетел запыхавшийся Федя.

— С-скорей! — даже не отдышавшись, выдохнул он. — Б-бежим к Тарасу... У него н-на ч-чердаке...

Больше Федя ничего произнести не мог. Он только махал руками, выпучив глаза и раскрывая рот, как рыба на песке. Но было ясно, что на чердаке у Тараса нас ждет что-то чрезвычайно важное.

Накинуть плащи и прыгнуть в наши сапоги-сорокоходы было делом одной минуты. И вот мы уже мчимся вслед за Федей, перескакивая через лужи, на улицу Гвардейскую, где живет толстый Тарас.

По пути Федя все-таки сумел нам объяснить, в чем дело. Часа два назад он забежал к Тарасу, чтобы провести приятеля и узнать, не прошел ли у него флюс. Тараса он застал на чердаке. Зуб у него уже не болел, и опухоль как

будто бы уменьшилась. Но мать, уходя утром на работу, строго-настрого запретила ему выходить из дома в такую скверную погоду, чтобы щеку опять не раздуло. Со скуки Тарас полез на чердак — покопаться в сундучке, где хранились рыболовные принадлежности. Там, на чердаке, и застал его Федя. Там-то, рядом с сундучком, в котором было полным-полно катушек, каких-то трубочек, мотков лески и самодельных поплавков, Федя увидел фанерный ящик, из-за которого мы теперь и летели к Тарасу сломя голову вслед за неугомонным Федей.

Весь ящик почти до самого верха был набит стреляными винтовочными, пистолетными и автоматными гильзами, среди которых попадались даже и целые, невыстреленные патроны. Были там иззубренные осколки от бомб и снарядов, ржавый диск от автомата, винтовочный затвор, помнятая алюминиевая солдатская фляжка. Да чего там только не было!..

Федя сразу сообразил, что такое богатство очень может пригодиться нам с Женькой для нашего музея боевой партизанской славы. Он даже был готов выменять у Тараса на что угодно горсть гильз, автоматный диск и винтовочный затвор, но Тарас совершенно неожиданно сказал, что и так отдаст нам хоть весь ящик. Все это добро он со своим старшим братом Олегом собрал в лесу, когда они вместе ходили за грибами, за орехами или на озера — порыбачить. Однажды нашли даже совсем целенький немецкий пистолет — парабеллум. Но отец, увидав его, отнес находку в милицию. А стреляными гильзами и осколками очень здорово можно было играть. Гильзы превращались то в солдат, то в пушки, то в пулеметы, а иногда и в бомбы, если смастерить из щепочек самолет и уложить эти гильзы рядом на крылья. Из осколков побольше выходили неплохие танки и бронетранспортеры, а из тех, что поменьше, — танкетки и самоходки. Долго играли этими гильзами и осколками Тарас и его брат Олег. Тарас тогда учился во втором классе, а Олег — уже в седьмом. Может, Олегу и играть-то было неинтересно, и он играл только ради братишки. А теперь Тарас перешел уже в седьмой класс. Олег уехал служить в армию. У него сейчас настоящая винтовка с настоящими патронами. Да и Тарасу уже не до игрушек.

Пока Федя все это рассказывал нам, мы успели добежать до Первомайской улицы, в начале которой в одноэтажном домике жил Тарас. Толстый рыболов, наверно, ждал нас с нетерпением — надоело ему, поди, сидеть одному дома. Он весело забарабанил в стекло и заулыбался во весь рот, увидев, как мы входим в калитку.

Оказывается, фанерный ящик Тарас уже успел стащить с чердака вниз и все, что в нем было, рассыпал по полу.

— Если что надо — берите, — солидным баском сказал Тарас. — Хотите — все берите. Не жалко.

Женька присел над этой кучей на корточки. Он задумчиво перебирал пальцами гильзы, осколки, зачерпывал их в пригоршни, пересыпал из одной горсти в другую. Я понимал, о чем он думает в эту минуту. Конечно, о том же, о чем думал и я. Стреляные гильзы... Стальные осколки... Ржавый винтовочный затвор... Пустой и помятый автоматный диск... А ведь когда-то в этих гильзах крепко были всажены острые пули. И затвор был на совесть смазан, чтобы не заедал в стволе винтовки, чтобы точно и быстро, без задержки загонял патрон в патронник. И в диске, не помятом, не ржавом, один к одному лежали рядом патроны...

Я уже представлял себе и этот диск, и оболочку от гранаты, и винтовочный затвор, который мы с Женькой, конечно, отчистим до блеска, и рассыпанные веером стреляные гильзы — все это я представлял себе на стенде под стеклом в нашей школе — может, в пионерской комнате, может, в актовом зале... Знал бы я тогда, что в голове у Женьки возникли уже совсем другие планы...

Мои раздумья были прерваны протяжными криками, которые доносились с улицы:

— Тара-а-а! Федя-а-а!.. Женья-а-а!.. Сережа-а!..

Мы все разом кинулись к окошку, чтобы посмотреть, кто это нас зовет. На улице, над забором торчали две головы: чуть повыше — Митина, чуть пониже — Игорева. Мы замахали им руками, а Федя, как будто он был тут хозяином, закричал:

— Идите сюда! Мы все здесь! И Женья и Сережа!..

Я сразу догадался, что Митя и Игорь прибежали к Тарасу неспроста. Они даже не обратили внимания на рассы-

панные по полу гильзы и осколки. Игорь держал под мышкой какой-то сверток в потертой черной клеенке.

— А мы, Женя, у вас были, у тети Даши, — сказал Митя. — Это она нас сюда послала. «Ушли, — говорит, — с Федей. Как будто к Тарасу». Ну, мы и давай ходу! Это хорошо, что вы все здесь. Игорь, показывай.

Развернув клеенку, Игорь поставил на стол фанерный ящик, очень похожий на те, в каких обычно на почте отправляют посылки. Федя заглянул в этот ящик, вытянув шею.

— Что это? Бутылка какая-то...

Все мы, чуть не стукнувшись лбами, тоже посмотрели в ящик. Там внутри была прикреплена обыкновенная бутылка, обмотанная желтой проволокой. Рядом с бутылкой я заметил закрепленный на проволоках сероватый камешек с искрящимся изломом. Два конца проволоки торчали из ящика наружу.

— Что это? — в изумлении повторил Федя.

— Это? — Митя нарочно медлил, чтобы сильнее нас удивить. — Это партизанский радиоприемник!

Я ровно ничего не понимал. Какой приемник, если в ящике какая-то бутылка? С недоумением взглянул я на Женьку и прочел на его физиономии то же самое удивление.

Митя расхохотался, глядя на наши ошеломленные лица.

— Рассказывай, Игорь.

— Лучше ты расскажи, — ответил изобретатель.

Со вчерашнего дня, когда Игорю волей-неволей пришлось проговорить около получаса, рассказывая о партизанах, спрятавшихся в старой бане, он как будто стал еще молчаливее.

— Да ведь не я же догадался, а ты, — возразил ему Митя и обернулся к нам. — Ребята, помните, дядя Егор говорил, что партизанский командир просил принести ему свинца, серы и проволоку?

— Ну, помним, — кивнув, сказал Женька.

— Так вот. Игорь догадался, для чего это партизанам понадобилось. Приемник! Они сделали радиоприемник. И слушали сводки. Наверно, из Москвы. А может, из Ленинграда...

— Из Ленинграда все-таки, — сказал Игорь. — Ближе. Хотя при длинной антенне, при хорошем заземлении ночью можно и Москву...

— Да ты объясни, — нетерпеливо потребовал Женька. — Где ты этот приемник взял?

— Сам сделал, — ответил за Игоря Митя.

— Сам? — Женька внимательно оглядел со всех сторон ящик и спросил с недоверием: — А откуда же у партизан электричество было?

— Для этого приемника электричества не нужно, — сказал Игорь. — Это детекторный приемник. Мы в радиокружке в школе еще два года назад делали такие. Ну, не такие, конечно, не вылитые. Это я нарочно ящик взял, вместо изолятора — бутылку... Что попроще... Что у партизан под рукой могло бы найтись.

И снова Игорь вынужден был говорить. Пожалуй, если бы он передавал слова по азбуке Морзе, и то дело двигалось быстрее. Но мы не сердились на него за это — ведь то, что он открыл, было очень, очень важно...

На блестящую мысль о том, для чего понадобились партизанам сера, свинец и проволока, Игорь натолкнулся, вспомнив, как они в школьном кружке сделали свой первый приемник. Руководитель радиокружка Виталий Максимович прямо при ребятах на газовой горелке в обыкновенной ложке расплавил свинец и серу, которые превратились в твердый комок. Этот комок Виталий Максимович разбил молотком. Получились два зеленоватых кусочка с кристалликами в изломе. Это и был детектор, который превращает сигналы высокой частоты в сигналы более низкой частоты.

Не знаю, правильно ли я его понял. В общем бутылка, обмотанная проволокой, — это катушка. От нее идут два конца — две проволочки: одна к антенне, другая к заземлению.

Нужны еще наушники. Самые простые. Игорь их вытащил из кармана и присоединил к каким-то проводкам, торчавшим из ящика. Потом он увидел в углу на столике большой, красивый радиоприемник — не детекторный, а настоящий, с лампами. Он быстро поставил рядом с ним свой ящичек, ловко отсоединил антенну, заземление, прикрепил все это к двум другим проволочкам, надел науш-

ники и, заглядывая в ящик, стал что-то там внутри вертеть.

— Есть! — произнес он наконец. — Вот, слушайте...

Нам всем ~~очень~~ хотелось послушать, но каждому пришлось ~~ждать~~ своей очереди. Первым слушал Женька.

— Играет... — сказал он. — Музыка...

— Дай я послушаю!.. — запрыгал в нетерпении Федя

Наконец ~~наушники~~ попали и ко мне. Надев их, я услышал едва ~~различимую~~, как комариный писк, мелодию. Потом она стихла, и далекий голос произнес: «Вы слушали концерт из произведений Танеева. Через одну минуту — последние известия».

Мне очень хотелось послушать еще, но наушники уже срывал с моей головы Тарас. Пришлось уступить ему.

— И так вот, без тока работает?.. — все еще не веря, спросил Женька.

— Почему ~~без~~ тока? — возразил Игорь. — Ток есть. В катушке. Только очень слабый. Потому и ловить на такой приемник можно одни ближние станции. И очень мощные. Но все-таки можно. Сами слышали...

— А наушники? — спросил я. — Откуда у партизан наушники были?

Игорь пожал плечами. Митя сказал:

— А мы, думаешь, знаем?

— Наверно, были, — задумчиво произнес Женька. — Ведь никто из заготовщиков не получил задания достать наушники...

«МЕРТВАЯ ГОЛОВА»

Когда я проснулся на следующее утро, то прежде всего увидел, как текут по окну серые струйки дождя. А потом, чуть повернув голову, я увидел Женьку. Он сидел за столом в трусиках и в майке и над чем-то старательно трудился, вытянув от усердия губы. Сначала мне показалось, что Женька пишет. Я даже подумал, что он, не дождавшись, пока я проснусь, решил взяться за письмо Василию Степановичу. Но, приподнявшись на подушке, я увидел в Женькиных пальцах пинцет. Меня будто взрывом под-

бросило на кровати. Женька занимался нашими коллекциями! Он расправлял пинцетом крылышки у бабочек, выпрямлял у них загнутшиеся хоботки и лапки.

— Вставай, Серега, — сказал он, не оборачиваясь. — Я же слышу — ты проснулся.

— Женька! — с возмущением воскликнул я. — Зачем ты вытащил наши коллекции? При чем тут бабочки, если мы занимаемся историей партизанского отряда?

— Одно другому не мешает, — спокойно ответил Женька. — Ты разве забыл, что у нас задание на лето? И кстати, о партизанах. Вставай поскорее. Надо писать письмо Левашову.

Но в этот день мы успели не только написать и отослать письмо Василию Степановичу. Женька заставил меня переписать все, что было в письме, в общую тетрадь, за которой мы специально сбегали в универмаг. Потом вместе с Женькой мы побежали на рынок, захватив с собою кассеты с фото пленкой. Там в фотографии принимали пленку в проявку и даже могли напечатать с этой пленки карточки. Выписывая квитанцию на имя Евгения Вострецова, худой лысый дядька-фотограф вдруг спросил:

— Вострецов? Это не про вас ли, молодые люди, в газете сообщалось? Гильза в лесу, партизанские письма...

— Там не только письма были, — ответил Женька.

— Значит, про вас? — Лысый взглянул с интересом. — То-то, я смотрю, фамилия знакомая. Как же, читал. А пленочка эта, часом, не к партизанскому делу относится?

— К партизанскому, — кивнул я. — Там портреты. Кто своими глазами партизан видел... И еще Афанасия Гавриловича. Он в отряде был...

— Вот как... — проговорил лысый и вдруг крикнул, полуобернувшись к двери, ведущей в глубину мастерской и занавешенной черным сатином: — Володя! Пойди сюда!

Из-за черной занавески появился молодой парень в темном халате.

— Вот эту пленочку — срочно, — сказал ему лысый.

Парень в халате взглянул на нас с изумлением: что, мол, за птицы такие? Он попробовал было недовольно возражать и напомнил про заказ какого-то Николая Сидоровича.

— Ничего, ничего, — сказал лысый, который, видимо, был здесь главный. — Подождет Сидорыч. А у этих ребят дело важное. Помнишь, в газете было, как гильзу с партизанскими письмами нашли?

— Помню.

— Так вот это те самые ребята и есть. Вострецов и Кулагин. Правильно я фамилии запомнил? — спросил он, обращаясь к нам.

Мы враз кивнули головами.

— Ну, одним словом, срочно, для дела, — снова повернувшись к Володе, отрезал лысый. И, протягивая квитанцию, — нам: — Заходите завтра, во второй половине дня. Будут готовы и пленки и отпечатки.

Так еще раз помогла нам маленькая заметка Романа Коша, напечатанная в газете «Ленинская коммуна».

Иногда и от маленькой, кажется совсем пустячной, радости у человека целый день хорошее настроение. Мы бежали с Женькой домой, и я заметил, что хотя льет дождь, что по небу все еще мчатся лохматые синие тучи, однако на лужах начинают вздуться веселые пузырьки — верный признак, что дождик скоро кончится. Да и среди туч появились синие островки.

— Завтра, наверно, пойдем в Печурово, — сказал Женька. Прищурившись и прикрыв глаза ладонью от солнца, он посмотрел на небо. — Надо, Серега, собираться.

Весь вечер мы готовились в дорогу — запасались провизией на целый день, укладывали рюкзаки, присаживались ненадолго, чтобы прикинуть, не забыли ли чего-нибудь. Женька говорил, как будет здорово, если завтра утром прибежит Федя или Митя, скажет, что надо отправляться в дальний путь, а мы с важностью ответим: «Готовы идти хоть сейчас — у нас все еще с вечера сложено». Однако выяснилось, что спешка эта и сборы наши были напрасными.

Зря мы ждали утром наших друзей, готовые в любой миг надеть рюкзаки. Зря мы с важностью предупреждали тетю Дашу, что отправляемся в дальний поход за сведениями о партизанах и, может быть, вернемся очень поздно. Все это было ни к чему. То есть ребят, наших товарищей следопытов, мы, конечно, дождались. Митя и Федя пришли, чтобы позвать нас на речку в такое яркое солнечное

утро, и страшно удивились, застав нас в куртках, в наших походных ботинках, с рюкзаками, которые мы быстро надели, едва за окнами послышались их голоса.

— Куда это вы? — спросил Митя.

— Как это куда? — ответил Женька, притворившись, в свою очередь, удивленным. — Решено же было сразу после дождя идти в Печурово, в Марьино, в Копалино...

— В Печурово?.. В Марьино?.. — Митя вдруг понял. — Так вы туда идти собрались?

— А то куда же! — поддержав Женьку, важно подтвердил я.

Митя и Федя переглянулись и вдруг начали хохотать.

— Ой, не могу!.. — визжал Федя, приседая и хватаясь за живот от смеха. — Собрались!.. Да вы утонете по дороге!..

— Увязнете — факт, — кивнул Митя.

Я ничего не понимал, и Женька, конечно, тоже. Только после того, как, отсмеявшись, ребята объяснили нам, в чем дело, мы, наконец, поняли, что собирались и готовились в дорогу, не предупредив никого из наших друзей, совершенно зря. После продолжительных дождей проселки, ведущие в Печурово, в Марьино, в Копалино и некоторые другие деревни, так размывает, что по ним нельзя ни проехать, ни пройти. Машины тогда ездят дальними дорогами — асфальтом, вкруговую, в объезд: до Печурова — пятьдесят километров, до Копалина — сорок шесть. Проселки же к тем деревням не обойти, потому что примерно с километр или даже побольше с обеих сторон — вязкая болотная топь.

Конечно, смеяться тут было не над чем. Мы же не знали ничего этого. Потому и стали собираться в путь. Ну что же, придется, значит, опять запастись терпением.

— Ничего, — успокоил нас Митя. — Дня через три дороги просохнут. Тогда и пойдем. А то можно еще на попутную сесть. По проселкам в хорошую погоду грузовики часто ездят.

Что же, ждать каких-нибудь три дня — это пустяки. Да нам и скучать-то было некогда. То бегали мы по городу, отыскивая тех, кто жил в Зареченске во время гитлеровского нашествия, в страшные и тяжкие годы фашист-

ской неволи; то просто плескались в воде на нашей любимой песчаной косе, смывая с себя пыль и пот после этой беготни; то собирались в нашем штабе — среди развалин старой электростанции. Там делились мы друг с другом новостями, которые удавалось узнать; там по вечерам, когда темнело, Федя принимался рассказывать сказки. Он во множестве слышал их от бабушки — про ведьм, про домовых, про покойников.

О партизанах за эти дни мы не узнали ничего нового. Зато о фашистских зверствах и расправах нам порассказали немало. Как зимними ночами во время обысков и облав выгоняли фашисты женщин и ребятишек, сонных, полуодетых, перепуганных, на улицу в лютый мороз; как навеки разлучали родных, увозя молодых парней и девушек в Германию; как жили люди, любой день, любой час, любую минуту готовые к смерти, и не знали с утра, доживут ли до вечера...

Очень важную вещь удалось совершенно случайно узнать толстому рыболову Тарасу. К ним как-то заглянула соседка Анфиса Макаровна, хмурая, молчаливая женщина, всегда ходившая в черном платье и в черном платке, надвинутом на самые глаза. В городе нелюдимую Анфису Макаровну побаивались и сторонились. Я и сам, признаюсь, вздрогнул, когда однажды повстречал ее на улице — длинную, костлявую, черную... Тарас тоже боялся соседку. Когда она вошла и очень тихим, ничего не выражающим голосом попросила у Тарасовой матери сито, чтобы просеять муку, он хотел было улигнуть. Но так как был неуклюж, то замешкался в сенах. А замешкавшись и услышав только одну фразу, сказанную Анфисой Макаровой, замер на месте.

— Вот про партизан пишут, — сказала соседка. — А моего Ивана за помощь им проклятые растерзали...

И неразговорчивая Анфиса вдруг заговорила. Она рассказывала, как пришли ночью и забрали немцы ее мужа Ивана, как искали по всему дому какое-то ружье, порох, свинец... Ее тоже спрашивали, где ружье. Но ничего про это ружье она не знала. До войны, правда, была у мужа двустволка. И порох был, и дробь... Иной раз с субботы на воскресенье соберутся Иван и дружок его Никита Пухов на охоту в лес — то рябчиков пару принесут, то зайца.

На озерах да на болотах уток водилось множество. Да ведь сдал Иван свое ружье по приказу. И Никита сдал. В комендатуру. Так она и сказала короткононому немцу в черном мундире с серебряными стрелками на петлицах, когда он вызвал ее на допрос. Видно, понял черный немец, что Анфиса говорит правду, отпустил. А она и впрямь не знала, что не сдал Иван свою двустволку. И Никита Пухов не сдал. А отдали они и ружья свои, и порох, и все припасы партизанам. За то и расстреляли немцы Ивана. И Никиту Пухова тоже. И с ними еще пятерых. Сообщение об этом было вывешено по всему городу.

Вот о чем рассказал нам Тарас. Мы-то понимали, в чем дело. Теперь уже нам всем было ясно, что в отряде орудовал предатель. Арест и казнь Клавды Муравьевой, настоячивые поиски фашистами раненого партизана, которого прятал в погребке Митин дедушка, гибель охотника Ивана Рассохина — мужа Анфисы Макаровны, смерть других зареченцев, отдавших партизанам свои припрятанные от немцев ружья, может быть, даже казнь железнодорожника Семена Гудкова и уж наверняка гибель всего отряда — это все было делом его рук.

Мы не раз говорили об этом, собираясь в нашем штабе. Но кто же он? Кто этот предатель? Жаль, что Афанасий Гаврилович в отъезде! Ведь он до сих пор ничего не знает. До сих пор считает предателем Павла Вересова. А если бы узнал, что командир погиб в бою как герой? Наверно, он вспомнил бы, кто же в самом деле мог выдать отряд немцам.

Мы несколько раз бегали к дому Афанасия Гавриловича и стучались в ворота. Но всякий раз, послушав, как лает и гремит цепью Пальма, уходили ни с чем. В кармане у меня лежала завернутая в бумагу фотокарточка самого Афанасия Гавриловича. Это был тот самый портрет, который я снял в поезде. Лысый фотограф не обманул — пленки и карточки ждали нас в фотографии возле рынка уже на следующий день. И вот одну из них мы все время носили с собой, чтобы вручить Афанасию Гавриловичу, если вдруг окажется, что он уже вернулся из поездки.

С обратной стороны я старательно вывел надпись: «На память храброму партизану-разведчику Афанасию Гавриловичу Шкворневу от пионеров Жени Вострецова»

и Сережи Кулагина. Хотим быть такими же, как вы и ваши товарищи партизаны».

Женька увидел эту надпись, усмехнулся и пожал плечами.

— Для чего ты это нацарапал?

— Не видишь разве? На память.

— Так фотография же не твоя. Если бы на ней ты был, то, пожалуйста, дари на память.

Вообще мне показалось, что Женька сердится на меня из-за этой надписи. И почему она ему не понравилась?

Среди всех этих дел, событий, забот мы с Женькой находили время, чтобы привести в порядок наши коллекции.

И как раз в эти дни произошло то, о чем так давно и так тщетно мечтал Женька. Когда однажды поздно вечером мы возвращались с электростанции, когда уже вошли во двор и я очень тихо, без стука, чтобы не разбудить тетю Дашу или Ивана Кузьмича, закрыл калитку, Женька вдруг сорвал с головы кепку и метнулся к огороду.

Я увидел, что он гонится за какой-то большой бабочкой, мелькавшей в лунном свете.

Женька несколько раз утомительно подпрыгивал, размахивая кепкой. Но бабочке, видно, совсем не хотелось сидеть на булавке.

— Ладно, Жень, пойдем, — недовольно окликнул я его. — Мало ли у нас в коллекции совок.

В это время Женька прыгнул последний раз и упал, исчезнув среди цветущих кустов картофеля. Тотчас же я услышал странный писк.

— Жень, ты чего? — спросил я с тревогой.

Писк повторился снова. И сейчас же раздался голос Женьки:

— Серега...

Голос прозвучал так сдавленно, словно там, среди огородных грядок, кто-то схватил Женьку за горло и стал душить. Я кинулся к нему и увидел, что мой друг ничком лежит среди поломанных стеблей картофеля и прижимает к земле кепку, шаря под ней рукой.

— Серега... — хрипло повторил он, увидев меня. — Кажется, поймал... Серега... «Мертвая голова»...

Да, это в самом деле был бражник «мертвая голова», по-научному «*acherontia atropos*». Дома я разглядел его

как следует. Огромный, больше моей ладони в размахе крыльев, он лежал на ватке с эфиром. На его желтой с черными полосками спине бледным контуром было намечено пятнышко, очень похожее очертаниями на человеческий череп. Глядя на это пятнышко, я вдруг, не знаю почему, вспомнил странного незнакомца, которого несколько раз видел на улице недалеко от дома

Афанасия Гавриловича — того человека в коричневой кепке, с глубоко запавшими глазами. Мертвая голова!.. Это его лицо — с выступающими скулами, обтянутыми кожей, с глазами, словно глядящими из темных пустых бойниц, напоминало череп, мертвый череп...

Знал ли я в ту минуту, какой ужас еще придется мне испытать при неожиданной и страшной встрече с этим загадочным незнакомцем!.. Думал ли я, что мне первому из всех наших ребят-следопытов суждено узнать имя фашистского шпика и предателя, пробравшегося в партизанский отряд Павла Вересова и выдавшего партизан карателям!.. И мог ли я представить себе, что все это произойдет очень-очень скоро!..

УХОДЯТ ТОВАРИЩИ В ПУТЬ...

И вот, наконец, настал день, которого мы с таким нетерпением ждали. Митя сказал, что дороги уже подсохли и можно отправляться и в Марьино, и в Печурово, и в Копалино — куда угодно. И снова пришлось нам с Женькой укладывать рюкзаки.

Впрочем, собрались мы очень быстро. К походу давно уже все у нас было готово. Мы разделились на группы. Я попал в одну компанию с Федей и Тарасом. Наша группа

должна была идти в Марьино. В Копалино вызвался пойти один Митя — у него там жил дядя, и его все ребята в деревне хорошо знали. Женька с Игорем и Настей шли в Печурово. Мы уговорились, что вечером, вернувшись из нашего похода, сразу же все соберемся в штабе. Мы даже назначили время для встречи — девять часов.

Итак, все было готово, и накануне похода мы с Женькой пораньше легли спать, чтобы проснуться тоже как можно раньше. И разве мог я предположить, что мне — одному из всех — никуда идти не придется?

Утром я и правда проснулся очень рано. Женька еще спал, сладко посапывая. Первый солнечный луч золотил листву за окном. Но странно, я не ощутил радости, как это бывало обычно, когда я видел, просыпаясь, в окне яркое синее небо и первый веселый луч солнца. Напротив, что-то вдруг обеспокоило меня, словно пасмурными тучами было затянуто небо, или солнце горело зловещим алым огнем — предвестником бури. Во рту я ощутил неприятную сухость. Было больно глотать. Я подумал, что это, должно быть, от соленых огурцов, которых я вчера объелся за ужином, и, спрыгнув с кровати, побежал в сени, где стояли ведра с водой, — напиться.

Когда я вернулся, Женька уже сидел на постели и потягивался. Мы быстро оделись и схватились за свои рюкзаки. Но тетя Даша все-таки заставила нас сесть за стол и позавтракать. И вот во время завтрака я почувствовал, что горло у меня болит все сильнее. Каждый кусочек хлеба, каждый глоток чаю заставляли меня морщиться. И тетя Даша, должно быть, заметила эти гримасы.

— Сережа, ты что это морщишься? — с тревогой спросила она. — Не заболел ли?

— Что вы, тетя Даша! — торопливо возразил я.

— А щеки? Да ты просто горишь весь... — Она приложила свою мягкую ладонь к моему лбу. — Ну-ка, поставь градусник.

Спорить с тетей Дашей было бесполезно. И хотя я был уверен, что никакой температуры у меня нет, хотя Женька убеждал свою тетку, что я красный просто от волнения, потому что мы уходим в такой интересный поход, Дарья Петровна все-таки заставила меня сунуть под мышку термометр.

Я держал его, ерзая на стуле, нетерпеливо поглядывая на часы. Десять минут тянулись, как десять часов. Если бы я знал, что ртуть поднимется до тридцати семи и шести, я бы, наверно, изловчился и, будто нечаянно, уронил бы градусник на пол. Подумаешь, температура! Тридцать семь и шесть десятых! Не сорок ведь!.. Но тетя Даша, вероятно, решила, что я уже без пяти минут покойник. Она объявила, что я ни в какие походы не пойду, и тотчас же стала меня раздевать, чтобы уложить в постель.

Я умоляюще взглянул на Женьку. Неужели мой лучший друг не заступится за меня?! Но Женька не заступился. Напротив, он даже сказал, что мне действительно лучше полежать.

— Придется нам идти без тебя, Серега, — сказал он. — Не можем мы ждать. Митя говорил, что у его деда опять спина начала побаливать. У него не спина, а в самом деле настоящий барометр. Зарядит снова дождь. Хорошо еще — на неделю. А то и на месяц припустит. И не придется нам сходить в те деревни. Сам знаешь, какие здесь дороги...

Я видел, что Женьке и самому не хочется идти в поход без меня. Но ждать в самом деле ведь не имело смысла. А на улице, среди солнца, среди ветра, зовущего в путь, среди перезвона веселых птичьих песен и шума проснувшегося города, на улице за окнами уже слышались голоса ребят, которые пришли за нами.

— Ладно, Женька, иди, — вздохнув, сказал я и отвернулся.

Сколько раз видел я в кино или читал в книжках, как товарищи несут, выходя из боя, раненого друга и как просит он: «Оставьте меня!.. Мне все равно умирать... Идите вперед, бейте врага!» Конечно, товарищи не оставляли друга, а несли дальше. Так было во всех кинофильмах, во всех книжках. А вот меня оставили. И, лежа в кровати, морщась от боли при каждом глотке, я казался самому себе таким вот раненым бойцом, оставленным умирать в одиночестве среди темного, мрачного леса или среди безмолвной огромной пустыни. И так же, как, наверно, бывает в пустыне, мне все время хотелось пить.

Я лежал, глядя в потолок, туда, где возле висящей на проводе лампы вились маленькие мухи — все по кругу,

медленно, неумолимо... И, словно мухи, по кругу вились в голове моей мысли. Ребята, наверно, сейчас уже вышли из города, шагают по залитой солнцем дороге среди мелколесья. Может быть, они говорят обо мне... А может быть, и не говорят, а молчат, как молчали бы солдаты, оставив все-таки раненого товарища одного умирать посреди пустыни... И от горьких мыслей сами собой в голове моей вдруг стали складываться горестные строчки:

...Уходят товарищи в путь...
Без меня уходят товарищи вдаль...
Как им жаль меня, как им жаль...
Без меня уходят товарищи в путь...

Никогда прежде я не сочинял стихов. Может быть, потому, что никогда раньше не бывало мне так грустно, как сейчас.

Солнцем степь залита,
А вокруг — пустота.
Никого вокруг, никого...
Меня бросили одного...

Конечно, никто не бросал меня одного. Несколько раз в комнату заходила тетя Даша. Щупала мой лоб, спрашивала, как я себя чувствую, сильно ли болит горло. Говорила, что скоро придет врач: она уже вызвала из поликлиники. К моей кровати тетя Даша придвинула стул, накинула на него чистую, белоснежную салфетку и поставила кувшин и стакан.

— Пей, Сереженька, это очень вкусно. И жажду хорошо утоляет.

Питье, приготовленное тетей Дашей, и правда оказалось превкусным. Не знаю, чего она туда намешала. Пахло и смородиной и черносливом. Сам не замечая, я выдул весь кувшин стакан за стаканом. Пришлось тете Даше наполнить его снова.

Зашел проводить меня и Иван Кузьмич.

— Ну, исследователь, что же это ты? А впрочем, не горюй, что с ребятами не пошел. Со мною случай был куда похуже. Я вот тоже так заболел однажды. Случилось это весной в семнадцатом году, примерно в конце марта.

Тоже горло, температура... Одним словом, ангина. И вот поздно вечером третьего апреля прибегает ко мне однокурсник мой — Левушка Терехов. Мы с ним вместе два года, как в марксистский кружок ходили. Прибежал — глаза сияют, на шинели пуговиц не хватает, волосы — дыбом, физиономия — сплошной восторг. «Я, — говорит, — на Финляндском был... Ленин приехал!..» — Иван Кузьмич помолчал и потер ладонью бородку. — Вот как бывает, молодой человек. Знай я, что приезжает в Петроград Ленин, — мне бы никакая болезнь нипочем. Хоть сорок на термометре — пошел бы на Финляндский. А если бы не заболел, то непременно там был бы...

Да, неудачу Ивана Кузьмича нельзя было даже и сравнивать с моей. Вот уж не повезло, так не повезло...

В полдень тетя Даша снова поставила мне градусник. И странно — температура упала. Ртуть показывала 37. И горло как будто уже не болело так сильно, как утром. Потом пришел доктор — молодая женщина в белом халате, с чемоданчиком. Она долго выслушивала и выстукивала меня, заставляла высовывать язык и говорить «а-а-а», сказала, что надо несколько дней полежать, хотя признаков ангины нет — просто немного увеличены гланды. Прописала полоскание и ушла.

Ну и обозлился же я! Подумаешь, гланды! И зачем они вообще человеку — эти гланды? К вечеру, вероятно, температура у меня совсем понизится, а я, как дурак, обязан лежать. Если бы еще ангина, тогда хоть не обидно, а тут гланды!.. Ребята сейчас ходят по деревням, разужнают о партизанах, а у меня — гланды.

После обеда я тайком от тети Даши сам измерил себе температуру. Градусник показал тридцать шесть и восемь. Мрачно уставился я на ртутный столбик. Эх, показал бы он такую температуру утром!.. И горло совсем не болело, ну, ни капельки не болело!.. Если бы Печурово не было так далеко от Зареченска, я, честное слово, выскочил бы в окно и отправился бы туда. Вот удивились бы ребята! Вот глаза-то вытаращили бы!.. Я тотчас же представил себе, как шагаю по дороге, как позади раздается сигнал обгоняющего меня автомобиля. Это грузовик... Нет, лучше — легковая... Я оборачиваюсь, поднимаю руку... Взивзгивают тормоза... Распахивается дверка. И вот уже я мчусь в чу-

десной легковой машине по ослепительному и гладкому, как зеркало, асфальту...

Кажется, я заснул размечтавшись. И когда очнулся, за окнами уже темнело. В столовой за стеной слышались тихие голоса — разговаривали тетя Даша и Иван Кузьмич. Женька, наверно, еще не вернулся. Не вернулся?.. Меня вдруг словно пружиной подбросило на кровати. Да ведь еще вчера уговорились, когда будем возвращаться, идти прямо в штаб — на электростанцию. В девять... А темнеет как раз к девяти. Небось и Женька, и Митя, и Настя — все ребята сейчас сидят среди развалин. И может быть, Федя, как всегда, завел сказку...

Замечательная мысль вдруг пришла мне в голову. Что, если потихоньку выбраться в окно и пойти на развалины? Подкрасться бы незаметно и как раз в тот момент, когда Федя дойдет до самого страшного места, рывкнуть! Да так, что у всех поджилки затрясутся!..

Приоткрыв дверь, в комнату заглянула тетя Даша. Я мгновенно закрыл глаза и постарался дышать ровнее, притворившись, будто сплю. Только сердце мое стучало часто и громко, да почему-то вдруг в голове снова возникли сочиненные мною строчки:

...Уходят товарищи в путь...

Без меня уходят товарищи вдаль...

Только на этот раз совсем не грустно, а звонко, как походный марш, гремели они:

Ну и пусть без меня, ну и пусть!..

Дверь, чуть скрипнув, затворилась. И пока я лежал с закрытыми глазами, план побега окончательно укрепился в моей пылающей голове.

Самое главное было — это все сделать совершенно бесшумно: одеться, открыть окно, выскочить на улицу. Каждую секунду замирая и прислушиваясь, я стал одеваться. И конечно, как это всегда бывает, если стараешься не шуметь, что-нибудь непременно вырвется из рук и загремит самым невероятным образом. Башмак, словно сам собой, выскочил у меня и грохнулся об пол. Я опрометью кинул-

ся под одеяло, уже одетый, в одном башмаке, и притаился. К счастью, тетя Даша так была увлечена разговором с Иваном Кузьмичом, что ничего не услышала.

Наконец, одевшись, я стал выбираться из окна. Раму, чтобы она не скрипела, надо было чуть-чуть приподнять. Я приподнял ее, бесшумно распахнул и, оттолкнувшись от подоконника, спрыгнул на мягкую, точно ковер, землю.

Торопливо шагая, поднимался я вверх по булыжной улочке, которая, превращаясь у кладбища в узенькую тропку, петляя, вела к электростанции. Я шагал и радовался тому, что так удачно выбрался из нашей комнатки. Теперь оставалось только выполнить вторую часть задуманного мною плана: незаметно подкрасться к ребятам и как следует напугать их.

Слева забелела кладбищенская стена. Из-за нее, словно привидения, раскинувшие руки, выглядывали кресты. Я поспешил свернуть направо, и вскоре стена и кресты скрылись за кустами бузины. Теперь надо было умерить шаг и ступать как можно тише. Я остановился и прислушался. Вокруг все было тихо. Только ветерок шелестел листвою, пробегая по верхушкам черемух.

Кажется, никогда в жизни еще я не ступал так бесшумно по земле. Ни один сучок не треснул у меня под ногою, ни одну ветку я не задел плечом. Даже лягушки в прудике-воронке не заметили меня и продолжали в упоении распевать свои лягушачьи песни. Наконец на фоне звездного неба выступили среди ветвей очертания развалин.

ВСТРЕЧА ВО ТЬМЕ

Я ступал так осторожно, что даже сам не слышал собственных шагов. Но — странное дело — не слышал я и голосов ребят. Только ветер... Только шелест листвы и поскрипывание веток... А между тем я уже вплотную подошел к кирпичной стене и был уже рядом с дырой — входом в развалины. Может быть, ребята еще не пришли? Может быть, я опередил их? Ну что же! Тем лучше!.. Я спрячусь где-нибудь в уголке и подожду. Наверняка они появятся

с минуты на минуту... Ящерицей проскользнул я в черную дыру и притаился в темноте.

Прошло, должно быть, минут пять. Я стоял не шевелясь. И вдруг смутный страх начал закрадываться в сердце. А что, если ребята передумали и не придут? Что, если мне всю ночь придется проторчать здесь, среди мрачных развалин? Так подумал я и в тот же миг совсем близко от себя услышал голос:

— Эй, кто здесь?..

Этот грубый басовитый голос показался мне чем-то знаком. Я вздрогнул, решив, что вопрос относится прямо ко мне. Как вдруг — тоже совсем рядом — раздался другой голос — высокий, чуть хриловатый:

— Сюда, сюда... Я давно вашу милость поджидаю.

— Кто такой? — снова спросил грубый голос, и я уловил в нем какую-то встревоженность.

— А вы меня не пытаетесь вспомнить, гражданин Сивый... — прозвучало в ответ, и тот, кто говорил это, захихикал. — Я... хи-хи-хи... на вашем пути не попадался. Я вас знаю, потому что... хи-хи... вы человек всегда были заметный... А я...

— Что ты там бормочешь? — перебил бас. — Какой я тебе Сивый?

— Да ведь вас так господин майор Гардинг называл... хи-хи... Сивый... Я это помню... Что же... хи-хи... отказываться?

— Ты, друг, видать, не в своем уме... — медленно произнес бас.

Я уже понял, что разговаривают за стеной, совсем недалеко от меня, возле овражка. Я не знал, кто такой этот «Сивый», чей голос показался мне почему-то знакомым. Я не знал, кто был тот, другой, хихикающий визгливо и неприятно. Непонятно мне было, о чем идет у них разговор. Я собирался уже потихоньку выбраться из развалин, как вдруг новая фраза словно пригвоздила меня к месту.

— Как же, как же, господин Сивый... В своем уме... хи-хи. Как говорится... хи-хи... в твердом уме и в здоровой памяти. Можете сами убедиться... Помню, как сейчас... На этом вот самом месте... Вы при всем своем полном партизанском обличье передали господину майору Гардингу

карту-обозначение, как в болотах пройти. К партизанам, значит... Так вы тогда и сказали майору, гражданин Сивый: «Задание ваше выполнил. Здесь все тропы в болотах показаны...» Господин майор... хи-хи... хорошо говорил по-русски... Помню я еще имя командира отряда — Павел. Вересов как будто по фамилии... Вы, господин Сивый, тогда еще обещали майору... хи-хи... собственноручно того командира прикончить...

Будто бы гром грянул над моей головой. Там, за стеной, на краю овражка, всего в каких-нибудь десяти шагах от меня, стоял тот, кто выдал фашистам отряд Павла Вересова!.. Он здесь, рядом!.. В первое мгновение я даже не поверил своим ушам. Уж не снится ли мне все это! Уж не брежу ли я! Может быть, все это — и мой беспшумный путь к развалинам старой электростанции и этот разговор за стеной — лишь одни фантазии, потому что я болен? Может быть, я сейчас вовсе не стою в темноте, прижавшись нылающей щекой к кирпичам, а сплю, лежа в постели? Но холод кирпича был ощутим, и басовитый голос за стеной звучал теперь настороженно. Он будто бы пробирался куда-то ощупью.

— Так ты, видать, большой пост занимал при майоре Гардинге.

— Я-то... хи-хи... Обыкновенный полицейский... Нас тогда в караул возле этих развалин поставили. Чтобы, значит, хи-хи... никто вашей беседе не помешал.

— Там же всэсовцы стояли...

— Это по ближайшей к вам линии, господин Сивый. А подальше — мы. Ну, я сдуру-то поближе подошел. Мне всэсовец чуть прикладом память напрочь не отшиб. Но... хи-хи... как видите, кое-что осталось...

— Странно... странно... Полицейский... В этом городе... И приехал сейчас! Не побоялся!..

— А чего мне бояться? Меня тут никто и не помнит... Я... хи-хи... недолго здесь был... Приехал сестру навестить как раз накануне войны. У меня выбора не было... Или... хи-хи... в полицию, или в Германию на работы. А сестру мою вы, господин Сивый, как старожил, должны бы знать. Липатова Аграфена.

— Ну как же, как же! Феня Липатова. Так она же померла!

— В точности говорить изволите. Отдала душу... Да я-то в тюрьме этого не знал. А как освободился, так... хи-хи... опять решил ее навестить. Приехал вот, и — пожалуйста: приказала долго жить...

— Так ты, значит, из тех самых мест...

— Да, все оттуда... Хи-хи... Как в песне поется: «Будь проклята ты, Колыма...» Там много нашего брата — полицейских — сроки отбывало.

Словно от какого-то внезапного толчка скопывавшее меня оцепенение вдруг рассеялось. Бежать!.. Мчаться дальше от этого страшного места, где в крошечной тьме сошлись бывший фашистский шпик и бывший полицейский, — вот что было первым моим порывом. Ведь стоит мне только зашуметь, сделать одно неловкое движение, как те двое кинутся сюда, обыщут все закоулки. Да что там — неловкое движение, если даже не по моей вине, а просто оттого, что пришла пора, из стены упадет какой-нибудь расшатавшийся кирпич, те двое все равно бросятся проверять, не подслушивает ли кто-нибудь их жуткого разговора... Я уже поднял ногу, чтобы, опустив ее, начать потихоньку пробираться к выходу, как вдруг сердце мое — тук-тук! — стукнуло тревожно и сурово. «А Женька? — спросило оно. — Как бы на твоём месте поступил Женька? Разве Женька или Митя стали бы трусливо удирать, зная, что только они могут открыть имя предателя?..» Тук-тук-тук!.. Нет, ни Женька, ни Митя, ни молчаливый Игорь, ни маленький выдумщик Федя, ни толстый Тарас, ни застенчивая Настя — никто из твоих товарищей следопытов не подумал бы в эту минуту об опасности. С каким презрением отвернулись бы они от тебя, если бы узнали, что ты трусливо удрал, когда надо было непременно увидеть предателя, чтобы потом, узнав его в лицо, указать на него всем, всем людям и крикнуть погромче: «Вот он!..»

Так стучало мое сердце. И, опустив ногу, я снова прижался к холодным кирпичам. «Да, да, — ответил я своему сердцу. — Я знаю. Я не боюсь. Я пойду за ними. Я найду место, где скрывается предатель. Если это звериная нора, я замечу, где она находится. Если это дом, я запомню его номер и название улицы. Да, да... Только ты, сердце, бейся потише, чтобы они не услышали. Не стучи так, сердце... Тиши, тише...» И сердце будто бы послушалось меня. Ров-

нее и четче сделались его удары, и мысль заработала ясно, как удары сердца. Надо подобраться к ним поближе. Надо лечь где-нибудь в овражке. Надо услышать все-все до последнего словечка...

И еще в такт ударам сердца застучали, забились в голове моей знакомые слова: «Идущий вперед — достигнет цели!..», «Идущий вперед — достигнет цели!..»

Шаг за шагом я стал пробираться к провалу, светившемуся звездами. Как только голоса умолкали, я замирал, иногда в самой неожиданной, нелепой и трудной позе. А после снова двигался вперед, едва лишь голоса начинали звучать. Долгим был этот путь. Но ни один звук, ни одно слово из того, что было сказано за стеной, не миновали моего слуха.

— Так ты что же, грозить мне приехал? — зловец проговорил бас.

— Зачем грозить, господин Сивый? Я... хи-хи... свою линию имею...

— Какая же такая твоя линия?

— А простая... Я, значит, хи-хи... сохраняю тайну, а вы... хи-хи... Сами знаете, какой мы народ... Откуда у нас будет на жизнь, если... хи-хи... добрые люди не помогут...

— Сколько? — коротко спросил Сивый.

Наступила пауза. Я замер, подняв ногу и для устойчивости уцепившись рукой за стенку. Я был уже возле самой дыры и готовился упасть ничком на землю, чтобы проползти метров пять, отделяющие меня от овражка. Так я и ждал, когда хихикающий голос назовет цену. Цену за то, чтобы сохранить тайну негодяя, предателя, фашистского шпиона и убийцы. Но я ничего не услышал. Очевидно, бывший полицейский показал Сивому сумму на пальцах.

— Рехнулся, что ли! — гаркнул бас, и я успел за это короткое мгновение выпрыгнуть из дыры и упасть на траву. — Рехнулся!.. Да у меня и денег-то таких нет!

— Я, господин Сивый, торговаться не привык... — произнес полицейский. — Не хотите — не надо... Я в другое место пойду. Там мне, может, денег и не дадут, а спасибо скажут. За разоблачение бывшего агента немецкой разведки... Между прочим, здесь, в развалинах, днем, а иногда и по вечерам ребятишки собираются. Следопытами себя называют. Мне, господин Сивый, сами понимаете, не очень удобно с моими документами в гостиницы соваться. Так я временно тут поселился. Иной раз лежу, а подо мной — макушки... Занятно бывает послушать... Про партизан говорят. Один у них, белобрысенький, заикается слегка, скззки... хи-хи... мастер рассказывать... Но меня, знаете, больше про партизан занимало. Я так понял... хи-хи... что те ребятишки какие-то бумаги нашли в лесу... И стали разыскивать людей, которые здесь при немцах, в оккупации жили. Между прочим, частенько... хи-хи... про вас

поминают... Не по имени, конечно... А так говорят: хорошо бы, мол, узнать, какой негодай... хи-хи... извиняюсь, отряд немцам выдал...

Пока бывший полицейский разглагольствовал, я успел переползти к краю оврага и притаился там в кустах бузины. Из моего укрытия я слышал голоса и видел два силуэта на фоне усыпанного звездами неба.

— Ну так как же, господин Сивый?.. — веселился бывший полицей. — Может, хи-хи... ребятишкам сказать? А по мне, лучше полный расчет — и ту-ту!..

— Ладно, — сказал, наконец, Сивый. — Будь по-твоему. Пойдем ко мне. Там и получишь...

— Как будет угодно. Как угодно, — заюлил полицей. — К вам так к вам...

И вдруг что-то произошло. Приготовившись выскочить из овражка, чтобы незаметно пойти следом за ними, я увидел, как один — тот, что был повыше ростом, — взмахнул рукой. Другой как-то странно засипел, и тотчас же исчезли оба. Раздался громкий треск веток. Я подумал, что Сивый и полицей спустились в овраг и для чего-то бросились по нему бегом. Сердце мое застучало, как барабан. Это оно, мое сердце, частыми и звонкими ударами вытолкнуло меня из овражка, и я кинулся туда, где трещали ветки.

Внезапно впереди замелькали огни. Раздался повелительный окрик: «Стой!» Грянул выстрел, еще один... В тот же миг я споткнулся обо что-то мягкое и упал, невольно вытянув вперед руки. Правая моя ладонь скользнула в какой-то луже, густой и липкой. Рядом с моим ухом раздалось тихое бульканье, словно кто-то полоскал горло. И я понял, что упал, споткнувшись на тело человека, и что лужица, в которую попала моя рука, — это кровь... В ужасе вскочил я и кинулся прочь, не разбирая дороги. Но чьи-то очень сильные руки вдруг схватили меня, в лицо мне ударил яркий сноп света. И, почти теряя сознание, я услышал изумленный возглас:

— А это кто?

Другой голос, очень-очень знакомый, с удивлением произнес:

— Кулагин!

— Там... Там... Предатель... Сивый!.. — кричал я,

вырываясь и стуча зубами. — Поймайте его!.. Поймайте!.. Он уйдет!..

— Успокойся, Сергей, — звучал над моим ухом взволнованный голос. — Все в порядке. Никуда он не уйдет.

И мне показалось, что я вижу рядом с собой сотрудника областного музея Василия Степановича Левашова. Откуда он взялся здесь?..

Дальше все было как в тумане. Я слышал перекликающиеся голоса, фыркание автомобильного мотора. При свете сильных фонарей я видел, что какие-то люди поднимают с земли тело человека. Его пронесли совсем близко от меня. Луч фонаря скользнул по его запрокинутому лицу, и я сразу узнал эти скулы, обтянутые кожей, темные впадины глазниц. Это был незнакомец, которого я несколько раз видел на улице, — «Мертвая голова»...

С трудом соображал я, что происходит вокруг. Подошел кто-то в военной форме, протянул какой-то предмет...

— Вот, товарищ капитан. Нашли в кустах. Видно, этим и убил. Удар профессиональный. Без ошибки...

Почему сотрудника краеведческого музея Левашова называют «товарищ капитан»? И откуда вдруг оказался у него в руке нож? Такой знакомый нож — с широким лезвием и с деревянной рукояткой, в которую вделаны блеснувшие в луче фонарика буквы «G» и «R»...

ПРАВДА ОТЫЩЕТ ДОРОГУ

В этот ранний час берег реки был пустынным. Солнце только что поднялось из-за бугра и застряло в кустах, запутавшись среди густых веток. Песок еще не нагрелся, и мы с Женькой сидели, поживаясь от холода и глядя, как, фыркая, бултыхается в воде Левашов.

Почти две недели прошло с той страшной ночи. Меня полуживого привезли домой незнакомые люди. Три дня я провалялся в постели — меня била лихорадка. Но все в конце концов проходит. Первым, кого я узнал, когда предметы и люди вокруг стали для меня принимать свои обычные очертания, был Женька. Он сидел возле моей кровати на стуле.

С каким нетерпением Женька ждал моего выздоровле-

ния! Да разве только он один? Несколько раз о моем здоровье справлялся Левашов. Он сам сказал тете Даше и Женьке, что я могу дать следствию данные по делу бывшего сотрудника гестапо, секретного агента фашистской разведки во время войны Афанасия Шкворнева — Сивого. Надо ли еще говорить о Женькином нетерпении?

Но конечно, не только из-за одного нетерпения все дни, пока я болел, пока метался по кровати в кошмарном бреду, разбрасывая подушки и все время порываясь куда-то бежать, Женька помогал тете Даше, не отходя от меня ни на шаг. Конечно, не только из одного любопытства десять раз на день прибежали ребята — справиться о моем самочувствии, хотя строгая тетя Даша и не пускала их дальше порога. Нет, нет, конечно, дело тут было не только в любопытстве, не только в нетерпении. И как же это здорово, когда есть у тебя верные, хорошие друзья — замечательные товарищи!..

Наконец настала ночь, когда я впервые уснул спокойно и крепко. И уже утром, торопясь, с тревогой поглядывая на дверь, чтобы мигом умолкнуть, как только войдет тетя Даша, Женька принялся сообщать мне новости.

Уже всем в городе было известно, что Шкворнев признался в своих преступлениях во время войны. Это он пробрался по заданию фашистской разведки в партизанский отряд Павла Вересова. Это он тайно перерисовал с карты, хранящейся у командира, план проходов в болотах к неприступному для посторонних месту, где скрывались партизаны. Это он лично передал тот план начальнику разведки майору Рихарду Гардингу, чьи инициалы медными буквами «G» и «R» были вдавлены в рукоятку ножа. Гардинг сам подарил этот нож предателю в знак особого расположения. Это Сивый уведомил карателей, что командир отряда не вернулся в лагерь после того, как был приведен в исполнение приговор бандиту Хорькову. Это он заранее предупредил гитлеровцев, что в город с поручением командира отряда отправится Клава Муравьева — дочка казнённого немцами лесника. Правда, к счастью для Надежды Викторовны, Сивому не удалось узнать, к кому и для чего ходит Клава. Зато он узнал, кто сообщает партизанам о поездах, которые ждут отправления на станции. По его доносу был схвачен и казнён железнодорожник Семен Гуд-

ков. Удалось предателю узнать и несколько имен патриотов, передавших партизанам спрятанные от немцев охотничьи ружья, пули, порох, гильзы.

Все это Женька рассказывал мне торопливым шепотом, с опаской поглядывая на дверь. Там в любой момент могла появиться тетя Даша. А доктор, навещавший меня каждый день утром и вечером, строго предупредил ее, что мне нельзя волноваться.

А я и в самом деле разволновался, слушая Женьку. Да и как можно было все это слушать без волнения? Могло ли мне или Женьке прийти в голову, что мы едем в поезде рядом с агентом фашистской разведки? Да я бы подавился клубникой, если бы знал, что ее протянула мне рука предателя, гестаповца, шпиика... Впрочем, наверно, дело у меня крепко пошло на поправку, потому что хуже я себя из-за этого волнения не почувствовал. Я и сам рассказал Женьке обо всем, что произошло той ночью у развалин старой электростанции.

Потом, когда мне уже разрешили вставать с постели, ребята специально собрались в штабе, чтобы послушать меня. Я повторил им весь разговор Сивого с бывшим полицаем, показал место, где они стояли и где потом лежал тот полицай, смертельно раненный Шкворневым. А несколько дней спустя мне пришлось повторить свой рассказ в светлом кабинете, куда меня привел Василий Степанович Левашов.

В этом кабинете, с окнами, до половины сверху задернутыми легкими, собранными в гармошку занавесками, сидели за столом несколько человек. Были тут и военные. Среди них даже один полковник с тремя рядами разноцветных орденских ленточек и чекистским значком на груди. Были какие-то люди в обыкновенных костюмах и с петлицами юристов. Полковник — это сразу мне стало ясно — был тут самый главный. Он-то и попросил меня припомнить в точности, если я сумею, весь разговор, который происходил между Афанасием Шкворневым — Сивым — и Леонидом Ляховицким — так звали убитого Шкворневым бывшего полицая.

«Вспомнить, если сумею!..» Да я никогда в жизни не забуду ни словечка из того разговора!.. И все-таки рассказывать полковнику и тем людям было куда труднее, чем

Женьке и ребятам. Я очень боялся что-нибудь напутать или пропустить. Несколько раз полковник-чекист, наклонясь ко мне, тихо прикасался пальцами к моей руке, словно хотел предостеречь, чтобы я не слишком торопился. А когда я встречался взглядом с Василием Степановичем, сидевшим у окна, тот ободряюще кивал мне и улыбался, точно хотел сказать: «Смелее, Сергей!» Раз шесть, должно быть, принимался я рассказывать все сначала. И все в кабинете — и военные, и штатские, и юристы, и сам полковник — молча слушали.

Потом мы шли по улице вместе с Левашовым. Женька терпеливо прождал два часа в скверике напротив здания, куда привел меня Василий Степанович. Внутрь Женьку не пустили — там в подъезде стоял часовой.

Мы уже знали, почему в первый свой приезд Левашов представился нам как сотрудник областного краеведческого музея, хотя был сотрудником совсем другого учреждения. Шкворнев пока не должен был знать, что за ним давно уже следят зоркие глаза чекистов. А документы, найденные нами в Волчьем лого, были нужны работникам Комитета государственной безопасности. Мы, конечно, не подозревали, что наша находка поможет ту же стянуть вокруг предателя железное кольцо улик.

В тот день мы проводили Василия Степановича до гостиницы. По дороге Женька вдохновенно рассказывал капитану Левашову о походе в Печурово, в Марьино и в Копалино. Немало довелось там узнать нашим следопытам. Многие крестьяне в далеком сорок первом помогали партизанам из отряда Вересова — кто хлебом, кто одеждой. Были такие, кто видел самого командира.

Оказалось, что в деревнях, куда пришли наши следопыты, тоже читали в газете заметку Романа Копша. Наши с Женькой фамилии были там известны. Поэтому ребят встретили как старых знакомых. Им охотно указывали, куда и к кому пойти, кого и о чем расспросить. Сам секретарь парторганизации колхоза, которого Женька, Игорь и Настя застали в правлении в Печурове, посадил всех троих в свой «газик» и повез в поле. Там в это время работали на уборке Тимофей и Герасим Стеблевы — два брата, которых секретарь назвал самыми главными партизанскими помощниками.

Совсем еще мальчишками были во время войны Герасим и Тимофей. Было им меньше лет, чем нам сейчас с Женькой. Но зато можно было им позавидовать. Сам командир отряда Павел Вересов послал их с заданием — пробраться мимо немецких постов в большое партизанское соединение Степана Кожуха, разведать, есть ли к району действий этого соединения скрытые пути, и узнать у самого Кожуха, примет ли он группу Вересова хотя бы взводом в свой отряд. И ребята дошли. Выполнили приказ. Видели Кожуха. Запомнили, какими тропами можно обойти немецкие заставы. Степан Кожух передал Вересову и его боевым друзьям привет и приглашение прийти в отряд еще по чернотропу, чтобы следами на снегу не привлечь немецких ищеек. Только поздно пришли в Печурово братья. Уничтожили каратели в Волчьем логое отряд героев-партизан...

Может быть, все это было уже известно Левашову, не знаю. Но слушал он Женьку очень внимательно. А Женька разошелся — не удержать! Он рассказал о том, что в Марьине Федя и Тарас тоже не потратили времени зря. Они не только нашли людей, которые видели, как через деревню в день гибели отряда прошли колонны немцев-карателей, но встретились даже с человеком, который раздобыл для партизан радионаушники. Еще в школе увлекался Глеб Красков радиоприемниками. Вот он и подсказал Вересову, как можно детекторный приемник сделать своими руками.

Мы позвали Василия Степановича в гости. И в тот самый вечер за столом капитан Левашов стал рассказывать нам, что среди бесформенных комков бумаги, привезенных им из Зареченска с партийными и комсомольскими билетами, с красноармейскими книжками, с письмами партизан, среди отсыревших бумажек, в которых, как нам казалось, уже и разобрать ничего нельзя, работники научно-технического отдела Комитета госбезопасности обнаружили записную книжку, исписанную рукой командира отряда Павла Вересова, как это установили эксперты-графологи.

Это была самодельная книжечка, вырезанная из обыкновенной школьной тетрадки в косую линейку. Долго пришлось потрудиться над ней работникам отдела. И не только одним графологам. Вероятно, для самого себя и только одному ему понятными значками, буквами, цифрами отме-

чал командир, кого и когда посылал на задания, как эти задания выполнялись. Этот шифр был куда труднее, чем письмо старца Пафнутия. И все же дешифровальщики — не чета нам, конечно, — разгадали его.

И вот вскрылось то, что, возможно, было еще не ясно даже самому Павлу Вересову. После прихода в отряд Афанасия Шкворнева партизан одна за другой стали преследовать неудачи. Арест Клары Муравьевой, арест Семена Гудкова, облавы на охотников, передавших оружие партизанам, засады немцев как раз в те ночи и в тех местах, где партизаны готовили диверсии. И это случалось всякий раз, если о предстоящем деле знал Шкворнев.

Однажды партизанам удалось с огромным трудом раздобыть немного взрывчатки. Это Микола Федорчук разузнал, что фашисты заминировали участок между болотом, где прятались партизаны Вересова, и городом. Рискую жизнью, Андрей Степняк и Платон Рузаев ночью сняли несколько мин и, вынув из них взрывчатку, изготовили свою мину, чтобы пустить под откос эшелон с боеприпасами, который должен был пройти к осажденному Ленинграду. Взорвать эшелон были посланы Парфентьев, Федорчук и Шкворнев.

Они залегли у насыпи, дожидаясь поезда. Потом Шкворнев сказал Федорчуку и Парфентьеву, что сам подложит заряд и подожжет шнур. Они, мол, люди молодые, а он не боится рискнуть. Двое партизан отползли в кусты. Вскоре послышался далекий гудок паровоза. А спустя еще несколько минут появился из темноты Шкворнев. Он сказал, что можно отходить: поезд приближается, и сейчас грянет взрыв.

Взрыв действительно грянул. Но позади состава. Разворотило только рельсы, которые на другой же день рабочие со станции под конвоем немцев починили. Очевидно, Вересов заподозрил, что Шкворнев не случайно поставил к заряду шнур чуть длиннее, чем это было надо. Сивый и сам понял, что командир кое о чем догадывается, и решил кончать опасную игру.

Он уже не раз ходил в разведку. Его посылали, потому что ему были известны все проходные дворы в Зареченске. Сведения, которые он приносил из разведки — о численности гарнизона, о пулеметных точках, о вооружении

немцев, — все это при проверке совпадало. Вероятно, немцы сами снабжали своего агента этими данными. В ночь, когда был уничтожен отряд, Шкворнев ушел в разведку самовольно. Он сказал Миколу Федорчуку, что послан командиром, и взял комсомольца с собой.

У комендатуры Сивый совершил первое в ту ночь злодейское убийство — ударом ножа, подаренного ему майором Гардингом, смертельно ранил Федорчука. Двумя ракетами были предупреждены немцы-часовые у заставы и беспрепятственно пропустили Шкворнева под шлагбаум. Да, это его видела в ту ночь из окна Настина тетка — Елизавета Никитична, тетка Лиза...

Спустя час по следу Шкворнева прошел в глубь болот первый отряд карателей. Одновременно через деревни Печурово и Марьино две другие карательные группы двинулись по тропам в болотах, чтобы отрезать партизанам путь к отступлению в Марьинский лес, откуда шла дорога к отряду Кожуха. На рассвете Сивый совершил второе в ту ночь преступление: предательским выстрелом в упор убил командира отряда Павла Вересова...

Наверно, он считался у фашистов ценным агентом, этот убийца и бандит Сивый. Когда группа Вересова была уничтожена карателями в Волчьем лого, гестаповцы велели

Шкворневу пробраться в отряд Степана Кожуха. И он пробрался. Сумел и здесь заслужить доверие партизан. Надо было показать им, что он не трус. Сивый попросился на задание и в перестрелке был тяжело ранен.

Его переправили на Большую землю, лечили в госпитале. Ведь никто не знал, что он преступник, фашистский холоу. А он не спешил возвращаться к партизанам. Знал, что рано или поздно партизаны могут его разоблачить. Ведь и Павел Вересов, очевидно, уже что-то заподозрил. Поэтому Сивый и поспешил с ним собственноручно расправиться. И немцы тоже крепко держали его в руках. Если бы он перестал сообщать им сведения о партизанах, они бы сами его Кожуху выдали. И Шкворнев воспользовался ранением. Заметая следы, он уехал в Новосибирск, отыскал там брата, который работал в больнице. Раздобыл фальшивую справку об инвалидности. А после войны вернулся в Зареченск, где его дом всю войну сторожила вовсе не помешанная старуха Марья Филипповна. Тут Шкворневу нечего было бояться разоблачения: ведь в живых не осталось ни одного свидетеля. Так он по крайней мере думал. Он же не знал, что полицейай Ляховицкий нечаянно услышал его разговор с майором Гардингом.

— Ну вот, пожалуй, и все, — сказал Василий Степанович, заканчивая свой рассказ. — Все о том, как в группу Павла Вересова пробрался предатель.

— А записка? — спросил Женька. — Кто написал записку? Ту самую, последнюю?..

— Комиссар группы, — ответил Левашов. — Коммунист Громов. Это его почерк.

— Я знаю! — воскликнул я. — Он писал, а товарищи отбивались от немцев... А потом он успел зарыть в землю гильзу со всеми бумагами. И погиб...

Василий Степанович внимательно посмотрел на меня и кивнул.

— Да, наверно, так и было. Герои погибли. А Шкворнев остался жить. Но ему было мало того, что он выдал карателям смелых советских патриотов. После войны Шкворнев распространил гнусный слух, будто бы партизан предал сам командир — Павел Вересов, подкупленный фашистами. Не скрою, было тогда такое время, что кое-кто поверил этому навету. Но правда, она всегда отыщет верную дорогу, как ее ни прячь...

ДО СВИДАНИЯ, ЗАРЕЧЕНСКИ

Капитан Левашов умолк, и я, словно очнувшись, огляделся по сторонам. Все так же, подперев щеку кулаком, рядом со мной сидел Женька. Напротив — тетя Даша. А у края стола, склонившись над чашкой остывшего чая, примостился Иван Кузьмич.

— Я слышал, вы хотите устроить у себя в школе музей партизанской славы, — сказал Левашов, помолчав. — Так не думайте, что я забыл свое обещание. Фотокопии документов привезу вам на днях.

И вот тут-то я узнал впервые о Женькином решении.

— Нет, Василий Степанович, — проговорил Женька, выпрямившись на стуле. — Пусть лучше музей партизанской славы будет здесь, в Зареченске. Ведь они... Ведь партизаны... Павел Вересов, Яков Громов, Платон Рузаев... Степняк, Парфентьев, Федорчук... Все они сражались с фашистами и погибли героически в здешних местах. Так пускай и музей будет здесь...

— Женька! — воскликнул я. — А как же мы? Разве

мы уедем с пустыми руками? А листовка? А патроны?.. А диск от автомата?..

— Все это оставим здесь, ребятам... — Женька засмеялся. — Да мы и не уедем с пустыми руками. У нас есть наши коллекции. — Он подмигнул мне. — «Ванесса уртикае»...

Но мне было не до смеха. Всегда я во всем соглашался с моим лучшим другом Женькой Вострецовым, а тут не мог, ни за что не мог согласиться. И неожиданно ко мне явилась помощь. Она подоспела с того края стола, где сидел, упершись в чашку бородкой, Иван Кузьмич.

— А я думаю, — проговорил он, — что ты, Женья, на этот раз не прав. Чем больше будет у нас таких вот музеев, тем лучше. Чем больше людей — в городах ли, в селах ли, в клубах, в школах, в красных уголках — узнают, какие в нашей стране герои, за что дрались они, за что отдавали жизнь, тем будет полезнее. — И, как это часто бывало, Иван Кузьмич повернулся к тете Даше. — Вы со мной согласны, Дарья Петровна?

— Совершенно согласна, Иван Кузьмич, — энергично тряхнув головой, ответила тетя Даша. — А копии можно и два раза переснять. Документы эти...

— Зачем два раза! — закричал я, вскакивая, как сумасшедший. — Я сам пересниму. Своим аппаратом! И дома отпечатаю!

— Как же так — два музея?.. — растерянно пробормотал Женька. Видно, эта простая мысль ни разу не пришла ему в голову, до того крепко засела там другая. — Как же так?..

— Да очень просто — два! — рассмеялся Левашов. — Абсолютно правильно вы, Иван Кузьмич, заметили. Два музея лучше, чем один. А если таких музеев будет три, пять, десять, то и совсем хорошо! Ну, а фотокопии я все-таки вышлю вам в двух экземплярах.

Василий Степанович встал и начал прощаться. Ему пора было уходить.

Ох и стыдил же я Женьку в этот вечер! Да и как же, в самом деле, ему было не стыдно решать одному за нас двоих? Разве не вместе мы расшифровывали таинственную бумагу Ивана Кузьмича, ломали головы над загадочными значками? Разве Женька один собирал по всему Зареченску бечевки, чтобы набрать из них клубок больше ста мет-

ров?.. А по темному ночному лесу разве не вдвоем с ним пробирались мы к Большому дубу?.. Правда, это он, с до-садой вонзив лопату в землю, наткнулся на спрятанную партизанами гильзу. Но ведь копали-то мы все-таки вме-сте!.. И к Михаилу Федоровичу и к дяде Егору ходили вме-сте. Только в поход — в Печурово — я не пошел. Но это же не моя вина...

Я корил моего друга, а он молчал. Потом вдруг наклони-л голову и посмотрел на меня чуть лукаво. Когда он вот так смотрел, я знал уже, что Женька чувствует себя виноватым, и переставал на него сердиться.

— Ладно, Серега, — сказал он. — Я, конечно, не прав. Упрямитесь не стану...

И я тоже не стал упрямитесь и делать вид, что дуюсь на Женьку. Я терпеть не мог, когда мы с ним ссорились. И, рассмеявшись, мы побежали, пока еще не зашло солнце, к развалинам электростанции, где — я не сомневался в этом — могли застать ребят и рассказать им все, что услышали сегодня от капитана Василия Степановича Левашова.

Потом мы не встречали его целую неделю. И он не по-давал о себе никаких вестей. А между тем неумолимо при-ближался день нашего отъезда из Зареченска. Мы уже на-чали укладывать наш огромный чемоданище. И хотя всю леску, поплавки, грузила, крючки, фонарик мы оставляли в подарок нашим новым друзьям, вещей у нас не убави-лось, а даже прибавилось. Мы увозили из Зареченска чест-но поделенные пополам экспонаты будущего нашего музея, среди которых были и помятый автоматный диск, и ржа-вый штык от немецкой винтовки, и стреляные гильзы, и снарядные осколки — их Тарас насыпал нам полные кар-маны. Увозили мы с собой и партизанский радиоприемник, сделанный Игорем, и настоящую, только разряженную гра-нату-«лимонку» — подарок копалинских пионеров. Конечно, везли мы с собой и нашу коллекцию бабочек — целых шестнадцать картонок, пестревших семелами, зубчатками, серпокрылками, луговушками, крапивницами, перламут-ровками. Были тут и бархатисто-черный «адмирал», и жел-тый махаон, и бурый «волобий глаз»... Но посреди всей этой разноцветной пестроты самое почетное место, конечно, занимал громадный бражник «мертвая голова».

Чтобы уложить все это добро, нужен был не один чемодан, а два таких, как наш. Все свободное время мы с Женькой только и делали, что прикидывали, как получше упаковать вещи. Помог нам Митя. Он притащил из дому большущий фанерный ящик — специально для наших коллекций. В этот-то ящик мы и уложили все, что не умещалось в чемодане. И за этим занятием, конечно, требующим ловкости и смекалки, застал нас Левашов.

Капитан сдержал свое слово. Два комплекта четко отпечатанных фотографических копий документов и писем партизан лежали перед нами на столике. Но это было еще не все. Рядом с пачкой фотографий Левашов положил листок бумаги, на котором что-то было напечатано.

— А это вам подарок из музея, — сказал он.

Это была листовка! Еще одна партизанская листовка! Настоящая!.. Одна из тех, что расклеивали по городу Егор Алексеевич Прохоров и его товарищи — заготовщики с лесопилки. На листке с той стороны, где не было текста, остались по краям пятнышки от кусочков теста...

Женька волновался. Листок бумаги дрожал у него в руке, когда он прерывающимся от волнения голосом стал читать:

— «Товарищи! Уже три месяца идет война. За это время Гитлер хотел дойти до Урала, захватить Москву, Ленинград, Донбасс, Баку... У волка — волчий аппетит. Но только подавился Гитлер куском, который ему не по зубам. Стоит, как и прежде стояла, как будет стоять вовеки, наша Москва. Не прорваться фашистам в Ленинград. Не видать им ни нашей нефти, ни нашего угля. Бьет врага на всех фронтах Красная Армия. Теряет Гитлер свои танки, свои самолеты, свои пушки, своих солдат. Придет время — вырвет Красная Армия у волка все его зубы! Не падайте духом, товарищи! Победа будет за нами!..» — Победа будет за нами!.. — повторил Женька. Вдруг он поглядел на Левашова ошеломленно. — А почему же одна листовка?

— А тебе надо десять? — засмеялся Василий Степанович. — Скажи спасибо, что одну дали. Еле упросил.

— Так ведь у нас будет два музея... Один в нашей школе, другой здесь, в Зареченске...

— А вы разыграйте листовки, — сказал Левашов. —

У вас же их две — одна от руки написана, а другая теперь вот эта. Вы разыграйте с ребятами, кому какую. А с оставшейся сделайте фотоснимок. Вот и будет в каждом вашем музее один подлинник, одна копия.

До позднего вечера засиделся у нас в гостях капитан Левашов. Пил чай, разговаривал с Иваном Кузьмичом о древних рукописях. Оказывается, наш знакомый чекист учился заочно в Московском университете, на филологическом отделении. Потом он стал рассказывать, как помогли чекистам наши с Женькой письма, которые мы посылали в областной музей на имя Василия Степановича. Работники Комитета государственной безопасности побывали у всех, к кому ходили мы, — и у Митинога дедушки, и у дяди Егора Прохорова, и у Надежды Викторовны, и у Арсения Токарева, и у Настинной тетки — Елизаветы Никитичны. Только чекисты задавали им особые вопросы — не такие, как мы. Каждый ответ на каждый такой вопрос мог оказаться очень важным. В каждой мелочи могла таиться разгадка еще какого-нибудь преступления Сивого...

Прощаясь с нами, Василий Степанович сказал, что, переночевав, уедет с первым утренним поездом.

— Даже, пожалуй, искупаться еще успею, — улыбнулся он.

И, укладываясь спать, мы с Женькой решили утром непременно сбежать на речку — последний раз повидать Левашова и проводить его хотя бы на автобус.

Женька разбудил меня чуть свет. Но я сразу вскочил как встрепанный.

Мы выбежали на откос в тот миг, когда Василий Степанович, уже раздевшись, входил в воду. Широкоплечий, загорелый, сильный, он казался бронзовым. И река, озаренная поднимающимся солнцем, тоже казалась лентой расплавленной бронзы.

...И вот мы сидим на прохладном еще песке, поеживаясь от утреннего холодка.

— Эгей! — кричит нам Василий Степанович. — А вы что же, храбрецы, не купаетесь?

— А ну, Серега!..

Мне не хочется, чтобы капитан государственной безопасности Левашов хоть чуточку думал о нас плохо. И я кидаясь следом за Женькой в холодную воду. Мы фыр-

каем, обдаем друг друга брызгами. И вместе с нами звонко хохочет Василий Степанович. А потом мы вместе выбегаем на косу. И солнце, уже выкарабкавшееся из кустов, начинает пригревать наши мокрые спины.

— Василий Степанович, — спрашиваю я. — А что теперь будет Сивому за все его злодеяния?

Левашов энергичным движением стряхивает капли воды с мокрых волос.

— Этого я, друзья мои, сказать вам не могу. Не знаю. Такие вещи решает народный суд.

Да, конечно, такие дела решает суд. Но мы-то с Женькой уже давно осудили и приговорили Шкворнева. Мы на мелкие кусочки разорвали его фотокарточку и сожгли ее вместе с пленкой. На обратной стороне карточки была надпись... «Хотим быть такими же, как вы...» Наверно, еще долго будет жечь меня стыд за эти слова. Но ведь мы написали их по ошибке, еще не зная, кто такой на самом деле Афанасий Шкворнев. Нет, мы хотим походить на Павла Бересова, на его товарищей партизан — вот наша мечта! Им, героям, вечная слава, вечная память! А предателям и изменникам — вечный позор и забвение.

.

Когда мы приехали в Зареченск, нас встречала одна тетя Даша, а провожать на станцию пришла целая толпа — все ребята и даже Иван Кузьмич. Вот ведь прошло чуть больше месяца, а подружились мы так, что и расставаться не хочется.

Скоро придет поезд. Билеты у нас уже в кармане. Телеграммы нашим мамам посланы. Чемодан и Митин ящик наготове: ведь поезд стоит на станции в Зареченске всего три минуты...

Да, прошло больше месяца, а мы с ребятами за это время, оказывается, не успели наговориться. И говорим и говорим... Но Федя, как всегда, переговаривает всех и звонче всех кричит:

— Вы напишите, как только приедете!

Написать? А куда? Мы ведь забыли обменяться адресами. Вот так штука! Скорее записать! Успеть бы до прихода поезда!.. Он уже свистит где-то за лесом.

— Ты мне пиши, — сказал я Насте, торопливо нацара-

пав на клочке бумаги ее адрес и протягивая бумажку, где был написан мой. — Обязательно, ладно?

— Ладно, — грустно говорит Настя.

Может быть, ей тоскливо оттого, что я уезжаю. Все-таки мы так крепко успели подружиться!..

— Напишу, — говорит она. — Жене и тебе... Вместе...

Свисток паровоза раздается где-то совсем недалеко. Тетя Даша засуетилась. Схватила чемодан. Но за ручку одновременно с ней взяли Митя, Федя и Тарас. Схватились и рассмеялись.

— Давайте лучше мы, тетя Даша.

Втроем они легко поднимают наш тяжелый чемоданище. А мы с Женькой и с Игорем — ящик.

Из-за перелеска внезапно выныривает паровоз — черный, с белыми усами, с бородой, развевающейся по ветру... Пуфф-пуф... Пуфф-пуф... Он медленно подплывает к перрону. Машинист глядит из окошечка.

Последние поцелуи тети Даши, последние рукопожатия. Мы карабкаемся в вагон. Кто-то сверху — то ли пассажиры, то ли проводник — помогает нам втащить вещи и втаскивает нас самих.

— Не беспокойтесь, гражданочка. Мы за ними припомним.

А что за нами присматривать? Маленькие мы, что ли?

Поезд вот-вот тронется. Мы стоим в тамбуре и глядим на ребят — последний раз глядим, из-под локтя проводника, который уже приготовил желтый флажок. И вдруг к нам бросается Игорь.

— Возьмите! Чуть не забыл!..

Что это у него в руке? Карманный радиоприемник!..

— Зачем, Игорь? — говорит Женька. — Не надо!..

— Надо!.. — сердито кричит радиотехник. — Я специально для вас нес. Берите. Я еще сделаю.

Толчок... Поезд трогается. Тетя Даша машет нам рукой. Машут руками ребята. Машет шляпой Иван Кузьмич. И мы тоже машем руками в ответ, машем изо всех сил, так, что начинают болеть кисти. Мы кричим: «До свиданья, ребята! До свиданья, тетя Даша! До свиданья, Иван Кузьмич! До свиданья, славный Зареченск!» А поезд все ускоряет ход... И вот уже и ребята, и тетя Даша, и Иван Кузьмич, и станция — все исчезает вдали.

А за окном уже мелькают перелески, холмы, узенькие речушки, голубые озерки... Здесь когда-то прошла самая страшная из всех войн, какие только были на земле...

— Женька, — говорю я. — А как ты думаешь, Женька, будет еще война?

— Не знаю, — отвечает он. — Может быть, будет. Но только, Серега, если она будет, после нее уж ни одного фашиста на всем свете не останется.

Все быстрее мчится поезд, все громче и чаще перестук колес. И снова слышатся мне в этом стуке смелые слова, которые так любит повторять Женька: «Идущий вперед — достигнет цели!..», «Идущий вперед — до-стиг-нет це-ли!..» Куда ты несешь нас, поезд? В какую даль? В какую жизнь? Может быть, ты мчишь нас домой? А может быть, к новым, неизвестным приключениям?..

Содержание

Мы едем в Зареченск	3	Звезда на фуражке	116
Веселый попутчик	9	Незнакомый гость	125
Иван Кузьмич	14	Драгоценный подарок	129
Дом за высоким забором	21	Ненависть сильнее страха	136
Новые знакомые	29	Штаб следопытов	146
Волчий лог	35	Следопытам дождь не по- меха!	152
Тайна Ивана Кузьмича	45	«Нужна ваша помощь»	158
Удивительная разгадка	54	День, переполненный собы- тиями	167
Как трудно иногда мол- чать...	61	Неожиданное открытие	179
На великую звезду	67	«Мертвая голова»	186
Находка	77	Уходят товарищи в путь...	193
Сквозь пятна крови	85	Встреча во тьме	200
Главное — не унывать!	92	Правда отыщет дорогу	208
Кто жив, тот не забудет	100	До свиданья, Зареченск!	216
Партизанская листовка	110		

Соколовский Александр Александрович

СОКРОВИЩЕ ВОЛЧЬЕГО ЛОГА. Повесть
для детей среднего школьного возраста. М.,
«Молодая гвардия», 1966.
224 стр. с илл. Р2

Редактор А. Алексеева
Художник Ю. Вазанов
Худож. редактор Л. Белов
Техн. редактор Л. Будова

A01083. Подп. к печ. 17/III 1966 г.
Бум. 60×84¹/₂. Печ. л. 14(13,02). Уч.-изд. л. 11,5.
Тираж 115 000 экз. Заказ 2325. Цена 44 коп.
Т. П. 1966 г., № 90.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Моло-
дая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

